

Елена Кабанова, Инесса Ципоркина

Взрослые дети

Оглавление

Введение

Глава 1. Еще один переходный возраст

Новейшая история молодого человека

Время и место приемки эмоций

Любовь как эгоизм вдвоем

Ложь во спасение

«Быть смелым мало – быть разумным должно»

«Все это пустою бабой звалось»

Допинг дороже будущности

Глава 2. Мой ребенок – чей-то сексуальный объект

Метод Бермяты не для родителей

Что могущественнее – традиция или индустрия?

Секс – не подростковое бунтарства

Сцилла и Харибда общественного мнения

«Не нужны мне, мама, ваши советы»

Невидимые миру тещины слезы

Глава 3. Жизнь под микроскопом

Конкуренция самооценок

Журнальный глянец в обыденной жизни

Бедная Лиза и светлый образ Павлика

Болезнь и талант – опасная связь

Не стоит спорить с Терминатором

Демон разрушения в человеческой душе

Глава 4. Индивидуальность «в движении»

Внеси лепту и спи спокойно!
«Молодости нашей нет конца!»
Семейные дразги – дело тонкое
Ритуалы диких прерий в родственном кругу
Старый верный путь к победе
«Я ни в чем не виновата – а кто докажет?»
Природа – особа легкомысленная
Глава 5. Как взрослый со взрослым
Что важнее – сохранить лицо или личину?
Он может все и он не может ничего
Мазохизм в историческом контексте
Не дразните спящую мамашу
«Поворотись-ка, сынку. Экий ты смешной стал!»
«Тронь меня, и я убью тебя, мама»
Глава 6. Введение в отчуждение
«Я тебя породил, я тебя и убью»
Раздельное питание «по-родительски»
Боязнь одиночества

Введение

Напрасно считают, что «трудный возраст» заканчивается с пубертатным периодом. Карл Юнг, писавший о проблемах **молодого возраста**, расширял эту ступень «от непосредственно послепубертатного периода и примерно до середины жизни, которая приходится на возраст где-то между тридцатью пятью и сорока годами»¹ и отмечал, что «подавляющее большинство людей соприкасается здесь с внезапно прерывающимися сон детства требованиями жизни... если имеются контрастирующие с действительностью иллюзии, то сразу возникают и проблемы. Никто не вступает в жизнь без некоторых уже сложившихся представлений. Иногда это представления ложные, не соответствующие внешним условиям, с которыми человек сталкивается. Часто это связано со слишком большими ожиданиями, с недооценкой внешних трудностей либо же с необоснованным оптимизмом или негативизмом. Можно было бы составить длинный список всех тех ошибочных представлений, которые являются причиной первых, осознанных проблем. Однако проблемы порождают не только столкновение субъективных представлений с внешними условиями, но и, возможно столь же часто, внутренние душевные трудности; они существуют даже тогда, когда внешне все идет гладко»².

¹ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени.

² Там же.

На первый взгляд, психологическое состояние за «отчетный период», который фактически простирается от пятнадцатилетнего рубежа до кризиса среднего возраста, нельзя назвать однородным, тем более в отношении сознания и бытия. И все-таки существует фактор, традиционно сопровождающий россиян не только в первой, но и во второй половине жизни. И лишь в тот момент, когда материальная и психологическая независимость достигают определенных показателей, некоторые из нас – впрочем, отнюдь не все – готовы снизить влияние указанного фактора на нашу жизнь и образ мыслей. Как вы, вероятно, догадались, речь идет о родителях.

Западная культура предполагает довольно раннее расставание детей и родителей. Не только колледжи, но и частные школы разлучают близких надолго, понемногу ослабляя ту зависимость, которая в психологии (как, впрочем, и в биологии) именуется «пуповиной». Ребенок, будучи поставлен лицом к лицу с обществом учителей и учеников – то есть людей посторонних и к его судьбе равнодушных – неизбежно научится вести себя осмотрительно и принимать самостоятельные решения, потому что, как говорил Андре Моруа, «товарищи воспитывают гораздо лучше, чем родители, ибо им не свойственна жалость». А родители, пока товарищи, не зная жалости, дисциплинируют их ребенка, могут заняться восстановлением своих собственных социальных функций, не относящихся к родительским обязанностям. Это, конечно, рискованная и болезненная стратегия. От жестокого прессинга со стороны старших учеников воспитанник частной школы – а то и первокурсник колледжа – приобретает разные фобии, вплоть до тяжелых расстройств восприятия и поведения. И родители однажды с изумлением видят, что их чадо превратилось в невротика или психотика. По поводу границы между этими отклонениями от нормы специалисты много спорят и... шутят. Гордон Гаммак сказал: «психотик утверждает, что дважды два – пять, а невротик знает, что дважды два – четыре, и это его ужасает». А Томас Сас говорил о своих коллегах: «психиатры называют невротиком человека, который страдает от своих жизненных неурядиц, и психотиком – человека, который заставляет страдать других». Словом, невротик еще способен адекватно оценить окружающее и понять, что у него проблемы, а психотик если и почует неладное, то решит, что это – не его проблема, а проблема окружающего.

Поэтому любящие родители, обеспокоенные подобными – отнюдь не радужными – перспективами, зачастую предпочитают, чтобы подрастающий – или вполне подросток – ребенок находился в поле внимания и жил дома. Беспокойство такого рода легко понять, как и стремление подольше контролировать жизнь и душевное состояние и школьника, и молодого человека. Вот почему и на Западе, и на Востоке немалое количество «взрослых детей»

проживает вместе с родителями – вплоть до весьма зрелого возраста. Кому-то «неразрывная связь» с близкими кажется верным признаком «мамсиковости», патологической несамостоятельности. Мы полагаем, причины совместного проживания с родителями могут быть **разные**: и материальные, и психологические. Но, к сожалению, медицинское правило (или любимая шутка семейства Борджиа) - «Все сущее – яд, дело только в дозе» - действует и в области психологии. Поэтому всеобъемлющая любовь также отравляет. В этой книге мы поговорим о проблемах гиперопеки – в том числе и о последствиях «отравления любовью», влияющих не только на детей, но и на их родителей.

Итак, рано или поздно дети – в том числе и проживающие совместно с родителями – уходят во взрослую жизнь и обретают толику независимости в суждениях и поступках. Авторитет родителей уменьшается. Уровень подконтрольности детского поведения падает. Результатом таких перемен могут стать депрессивные состояния, неадекватные реакции с обеих сторон, взаимное раздражение и постепенное (или резкое) отчуждение вчерашнего «любимого детища» от любящих родителей – подобное особенно удручает. Но для независимого, «взрослого» личностного развития моральная и поведенческая «отдельность» необходима.

Притом, что стадия «разрыва пуповины» между старшими и младшими проходит «в обоюдном присутствии», и оттого сильно усложняется взаимными провокациями: с обеих сторон сыплются упреки, регулярно возникают стычки, ведутся игры на понижение, не кончается борьба за власть... А проблемные периоды – так называемые «черные полосы» – те вообще изобилуют нервными срывами, попытками найти виноватого, приступами депрессии. Если все описываемые ситуации совместить по принципу интерференции волн, когда проходящие друг через друга волны в одних точках гасят друг друга, а в других, наоборот, подхлестывают – получается изменчивая картина «психологической интерференции возрастов». Пройти через это испытание без единой царапины не удастся даже суперпослушным детям суперчутких родителей, и рецептов, каким образом избавить детей и родителей от мучительных объяснений и рискованных перемен, тоже не существует.

Есть лишь одна возможность снизить психоэмоциональные «затраты». Эта возможность – информация, полученная вовремя и использованная по назначению. Не секрет, что родители после выхода ребенка из переходного возраста испытывают огромное облегчение и ожидают новых подарков судьбы - моментального взросления, всеобъемлющей терпимости, изрядной ответственности, внезапно снизошедшей на вчерашнего подростка... Словом, качеств, которыми не всякий зрелый человек может похвастаться. И

если маме и папе, пребывающим в опьянении от радужных надежд, сказать: не только вашу счастливую чету, но и ваше подростковое дитя отныне ожидают новые испытания... Пожалуй, они не поверят. Потому что не захотят поверить в **такое**. Но, по прошествии некоторого времени, папы и мамы, обладающие адекватным восприятием, поневоле признают: не все так гладко, как виделось в мечтах.

Пользуясь термином Юнга, **молодой** возраст не менее труден, нежели **переходный** – это также возраст самореализации, самоидентификации, социальной адаптации и вдобавок... это возраст разочарования в детских и подростковых иллюзиях, как уже было сказано, «контрастирующих с действительностью». В первую очередь рушатся иллюзии относительно Всемогущих Родителей и Всеведущих Взрослых. В детстве ребенок, подобно Муми-троллю, полагает, что родители могут предотвратить даже космические катаклизмы: «Да ну ее, эту комету! Папа с мамой все уладят, только бы нам вовремя вернуться домой...»³; на подростковом этапе под влиянием «психологического бунтарства» принимается рьяно отрицать факт всемогущества и всеведения старших – все еще воспринимая его **как факт**; а в молодом возрасте он осознает, что старшие, в сущности, ничем не отличаются от младших, если не считать ухудшения физической формы и ограничения круга перспектив – профессиональных и личных. Словом, Бэтмены превращаются в заурядных, довольно неуклюжих клерков, а Цереры, Геры и Афины местного значения – в замотанных жизнью, нервных домохозяек (или в замотанных предпринимательством бизнес-вумен - неважно). И даже то, что «выбивается» из описанной схемы, все равно не дотягивает до Олимпа, на котором родители помещаются в мировосприятии ребенка.

Утрата «домашних богов» и потеря «семейной безопасности» неизбежно стимулируют поиск новых социальных ориентиров и новых защитных систем. В этом деле молодым людям приходится полагаться на себя - помощь близких ненамного улучшает ситуацию. Или даже ее усугубляет. Ведь папа с мамой (равно как и дяди с тетями) могут оказаться настолько «не в теме», что исповедоваться им на тему своих проблем или своих амбиций представляется делом совершенно бесперспективным. Старших, на первый взгляд, ужасают буквально все намерения и надежды младших. Возникает стена отчуждения, в которую родители регулярно стучат кулаками с требованием «открыть немедленно и отчитаться по полной программе». Вместе с тем, воображая картины одна другой страшнее (моего ребенка могут посадить на иглу, вовлечь в криминальную среду, сбить с пути истинного!), взрослые

³ Янссон Т. Шляпа волшебника.

сами себя «накручивают» и уже не могут успокоиться. А потому, даже изучая предоставленные молодежью «отчеты», не могут себя сдерживать и демонстрируют, мягко говоря, бестактность: самое меньшее – делают колкие замечания и самозабвенно предсказывают грядущие неприятности. Но и таких «мелочей» достаточно, чтобы вчерашний подросток замкнулся и нашел себе других «конфидентов».

Особенно тяжело приходится «людям третьего тысячелетия», поскольку «люди второго тысячелетия» – а попросту, поколение восьмидесятых – не слишком подготовлено к реалиям современной жизни. Нет, отдельные правила и приемы они усвоили, но установки, заложенные в сознание в «доперестроечный период», дают себя знать. Стереотипы мышления не выветриваются из человеческого сознания просто потому, что устарели и больше не работают. Их приходится подолгу вытеснять, нейтрализовывать, замещать новыми стандартами, действуя методом «волевого решения» - а на это усилие далеко не все способны. Между тем, если человек социально дезадаптирован (притом, что растеряться в сегодняшнем мире может представитель любого поколения – уж очень быстро меняется ситуация), он неизменно прибегнет к... биологической программе. Так устроено любое живое существо: не знаешь, что делать – делай, что велит природа! А природа велит либо спрятаться, либо напугать противника. Более сложных решений инстинкт самосохранения не выдает, он, как все инстинкты, изначально рассчитан не на сложную, а на скоростную реакцию. Вот почему даже у неглупых людей в ответ на чувство растерянности практически неизбежно наступает паническая реакция, обостряется восприятие, растет уровень тревожности, возникает агрессия...

Условия для конфликта налицо. И если подобное состояние имеет место быть с обеих сторон – личная и семейная экологическая катастрофа почти неминуема. Но те, кому удастся «опознать» признаки надвигающейся катастрофы, сумеют вовремя остановиться и спасти взаимопонимание. Им не придется долгие годы латать отношения с ближайшими родственниками. Что порождает растерянность, панику, агрессию в отношениях с близкими, вы узнаете из этой книги.

Кстати: конфликт поколений базируется не только на психологических, но и на социальных сторонах человеческой личности. С одной стороны, родители (как правило, еще не достигшие пенсионного возраста) чувствуют себя активными «борцами за жизнь и успех», с другой – предполагают, что немало прожили на этом свете и, как люди опытные, вправе давать молодым «жизненно важные рекомендации». При этом родители зачастую не учитывают разницы между субкультурами, в которых существуют

они и их дети. Старшие забывают, что методы и приемы выживания и повышения социального статуса у двадцати- и сорокалетних могут сильно различаться. И обе стороны могут серьезно раздражаться и постоянно спорить по поводу «методических» несовпадений. Старшие поражаются нахальству младших, младшие - твердолобости старших. Помиряются они, скорее всего, лет через двадцать: когда первые войдут в возраст мудрости (или пофигизма), а вторые на своей шкуре испытают, что такое жизнь в контакте с подростком чадом. Чтобы непонимание не длилось двадцать лет подряд, имеет смысл присмотреться к жизни другого поколения повнимательнее.

Глава 1. Еще один переходный возраст

Первые двадцать лет – самая длинная половина жизни. Роберт Саути

Новейшая история молодого человека

Кажется, ваш ребенок вырос. Иначе держится, перестал грубить старшим и плакать злыми детскими слезами оттого, что не получил вожделенной игрушки, шмотки, побрякки. Его амбиции просто смешны – то есть он не хочет быть «как мама и папа», когда вырастет - а хочет быть богатым и знаменитым. Или просто крутым. И не только с виду. У него своя компания (впрочем, к этому вы уже привыкли), свои интересы (и это для вас не новость), свои планы на уикенд (и слава богу, хоть денек в тишине посидим). Но самое странное – у него свои дела. Он не просто посещает учебное заведение или рабочее место: у него формируется «взрослый социальный статус». И раньше ваше чадо занимало определенное место в подростковой иерархии: было, например, «хорошим учеником» на радость маме или «вожаком отморозков» на радость дедушке. Или наоборот. Теперь детские связи остались в прошлом. И даже если старые друзья – те самые отличники-бойскауты или рэперы-хулиганы – периодически заходят к своему приятелю в гости и вовлекают в свои дурацкие затеи, их присутствие в его жизни не самый важный фактор. Он больше не считает «компанейское самоутверждение» основным содержанием своей жизни. Теперь он предпочитает «профессиональное самовыражение».

Конечно, он не трудоголик – или **еще** не трудоголик. Тем не менее вчерашний подросток уже сознает, что социальная безопасность, которую большинство детей обретают в лоне семьи, постепенно испаряется. Пора учиться налаживать собственные связи, а также строить собственную защитную систему – и не одну. Вот он и пробует свои силы. А вы стоите на другой стороне трещины и волнуетесь. Вам кажется, что он все делает не так. И

вообще, лучше бы ему не выбираться из той самой «семейной безопасности» – здоровее будет.

Увы. Здоровее не будет. Самостоятельность – неизбежное свойство (кара? награда?) взрослой личности. Проблема – и ваша, и вашего еще не слишком взрослого и совсем не самостоятельного ребенка – в том, что он еще... не личность. Формально, с точки зрения психологии, он довольно далеко ушел от состояния, которое психологи именуют «индивидом». Притом, что индивид есть целостное, неделимое генотипическое образование. Его врожденные черты и привычки, приобретенные на раннем этапе развития, не конфликтуют, а постепенно сплавляются воедино, образуя биологическую особь, действующую в согласии с собой и миром. Малышу надо усвоить слишком большое количество информации, навыков, реакций, чтобы тратить силы на внутренний конфликт. Поэтому - никаких проблем с самооценкой и депрессивных спадов. Гармоническое слияние радостного труда, беспечного отдыха и бодрящих стрессов. Прямо скажем, эта идиллия длится недолго. Уже в первые годы жизни начинает по крупицам складываться личность – «относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического (прижизненного – Е.К., И.Ц.) развития человека»⁴. Что же происходит с индивидом в тот период, когда он перерастает в личность?

Время и место приемки эмоций

Главная особенность развития личности – двойная детерминация. Иными словами, на сложение нашего «Я» воздействуют два фактора: социальный (среда) и биологический (наследственность). До победы преподобного Зигмунда Фрейда, создавшего апологию противоборства факторов, популярностью пользовалась теория их конвергенции (схождения)⁵. Впрочем, такая приблизительность не удовлетворяла ни психологов, ни их пациентов – уж очень все походило на сцену из оперы «Евгений Онегин». Дуэлянты долго-долго с печалью в голосе взывают «Не помириться ль нам, пока не обагрилася рука?», игнорируя суровое «Теперь сходитесь!», хотя всем грамотным людям заранее известно – эта встреча ничем хорошим не кончится. Наверное, поэтому человечество с восторгом приняло более четкую идею - идею конфронтации биологического и социального начал: либидозные порывы, направленные на получение удовольствия (избегание неудовольствия), подавляются общественными нормами и запретами. И даже воспитание ребенка в духе лояльности к этическим «ограничителям» в состоянии добиться «краткого перемирия», регулярно переходящего в партизанскую войну.

⁴ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии.

⁵ Штерн В. Психология раннего детства.

Любители бурной жизни, окопавшись на теоретических позициях фрейдизма и неофрейдизма, ищут радость в эскалации неразрешимого внутреннего конфликта, а тем временем психологи разрабатывают психологическую бомбу - теорию взаимодействия факторов.

Вариативность психологических стратегий настолько высока (и к тому же постоянно меняется в зависимости от самых разных параметров – возрастных, исторических, этнических и т.д.), что утвердить окончательный принцип – конвергенция или конфронтация – практически невозможно. Не вдаваясь в подробности дискуссии, длящейся почти век и собравшей вокруг проблемы великую армаду из психологов, социологов, биологов, медиков и др., упомянем о теории взаимодействия. Согласно ей биологическое и социальное соседствуют в человеческом сознании **в различных формах и в различных плоскостях**. Это дает некоторую свободу изысканиям. И, так сказать, марксисты целы, и неофрейдисты сыты.

Способ сосуществования природы и социума в нашем сознании до конца не выяснен.

Раз уж наука психология целое столетие пытается, но все еще не в силах гармонично совместить указанные факторы, то представьте, каково приходится отдельной человеческой особи! Вот почему родителям необходимо настроиться на долгий и весьма нелегкий процесс – нелегкий и для ребенка, вырастающего из индивида в индивидуума, и для его окружения, на которое выплескиваются моря страха, агрессии и подросткового выпендрежа. Это продлится как минимум 15 лет, а то и все 20. Все системы, отвечающие за прием и анализ информации, заполняются, совершенствуются, видоизменяются. Но кое-что – довольно важное – остается неизменным даже у вундеркиндов. **Время** обработки данных у всех людей разнится, но **место** обработки – параметр куда более постоянный. В детстве эмоциональные «файлы», фигурально выражаясь, попадают в папку с надписью «Миндалины». Так называются не только органы лимфатической системы в нашем горле, но и центр эмоциональной деятельности: миндалины (те, что в мозгу) – глубинные структуры, часть мозжечка. Весь мозжечок в целом отвечает за координацию движений. Его предназначение - обеспечивать древнейшие функции организма, от ходьбы до глотания пищи. Поэтому устройство у мозжечка довольно примитивное, и появляется он в человеческом эмбрионе на ранних этапах развития плода. В свою очередь, те части мозга представителей разных видов Ното, которые сформировались в ходе эволюции позднее и получили более сложную структуру - они, соответственно, и появляются у человека позже, и действовать начинают не сразу. А тем временем жизненно важные функции

выполняются примитивными отделами мозга – в частности, мозжечком. Именно поэтому мозжечок отвечает за эмоциональную реакцию на все раздражители в течение первых 15-18 лет жизни. Затем, по мере взросления, анализ поступающих сигналов и реакция на эмоциональные раздражители отходит к лобным долям мозга.

Вот почему в детстве и в юности чувства охватывают нас целиком, не поддаются контролю, не позволяют себя ограничить – все это просто-напросто первобытная «непосредственность». И даже не первобытная, а звериная. Всяческая регламентация со стороны рационального мышления почти не срабатывает.

Зачастую ребенок не в силах соблюсти правило, несмотря на неизбежность наказания.

«Половодье чувств», воспетое искусством романтизма и апологетами фрейдизма – не что иное, как отзвук инфантильного восприятия мира. Этот вывод не может не показаться сухим и рассудочным, вызывая протест не только у читательских масс, но и у масс писательских. А уж как протестуют подростки устами писателей – например, устами актера Стивена Фрая, автора романа «Лжец»: «Как они могут наказывать нас и унижать, когда мы способны испытывать чувства достаточно сильные, чтобы взорвать весь мир? Либо они знают, через что мы проходим, влюбляясь, и тогда их бессердечие, нежелание нас предостеречь, помочь нам пройти через это не заслуживает прощения, - либо они никогда не чувствовали того, что чувствуем мы, и в этом случае мы имеем полное право назвать их мертвецами»⁶.

Любовь как эгоизм вдвоем

Проблема усугубляется тем, что с подростковыми жалобами на душевные муки беззастенчиво соседствует неукротимая жажда любви. В юном возрасте все мы ставим свои переживания на самый верх ценностной иерархии: создаваемые в детстве и юности «пирамиды» такого плана практически всегда увенчаны потребностью в любви.

Для ребенка любовь и внимание окружающих – главная оценочная категория.

В том числе и в отношении социального статуса. Уровень собственной значимости дети и подростки сверяют по «количеству любви». Отстраненное или равнодушное восприятие добрых чувств со стороны других людей – подобная реакция, как правило, есть следствие специфической обстановки и формирования соответствующих защитных систем. Либо ребенок подвергается «передозировке» любви, близкие с ним носятся, как с писаной торбой, надоедая всеобщему баловню и любимцу. Либо ситуация

⁶ Фрай С. Лжец.

обратная – тогда хронический дефицит внимания вынуждает юного изгоя принять гордую позу «Ну и пусть, не очень-то и хотелось!»

И даже в описанных случаях подростки не отказываются от общественного одобрения окончательно и бесповоротно, а только внешне демонстрируют свое презрение к чужому мнению. Это хороший способ доказать свою «крутость» какой-либо референтной группе (социальной категории, нормы и ценности которых на данный момент служат человеку эталоном для подражания). В качестве такого «эталона» легко обозначить два полярных варианта: «маленький лорд Фаунтлерой»⁷ - чудо чистоты и слащавости, и «малолетний Челкаш» - чудо маргинальности и безбашенности. Нормальные, обычные дети на этой шкале «крутости» помещаются где-то посередине. Одни – более управляемые – как правило, ближе к «Фаунтлерою», другие – к «Челкашу». Время от времени и первых, и вторых тянет в сторону, противоположную их сегодняшнему образу жизни: поэтому даже «хорошие дети из приличных семей» апробируют свою способность к риску – и не только ради самоутверждения, но и для того, чтобы шокировать взрослых, «просто для смеха»⁸; а «сущее хулиганье» периодически оказывает покровительство слабым и яростно защищает своих протеже от нападков со стороны своих собственных товарищей. Вдруг за такие «геройства» храбреца зауважают – а главное, полюбят?

С возрастом желание «увеличить процентное содержание любви в своей жизни» принимает сексуальную окраску. Притом у юношей эта «эмоциональная тяга» носит сексоцентричный характер, а у девушек – гендерный⁹. Вот почему у мужчин стремление «выбиться в люди» часто связано с потребностью в «дополнительной сексуальной привлекательности». Снова процитируем Стивена Фрая: «все, кого я знал настолько близко, чтобы просиживать с ними за бутылкой виски до самых предрассветных часов, все без исключения признавались мне, что подлинное побудительное начало, которое толкало их к тому, чтобы стать знаменитыми артистами, политиками, писателями, да кем угодно, составляла глубоко коренившаяся в них надежда, что деньги, слава и власть позволят им валять баб с куда большей легкостью»¹⁰. Кому-то, кстати подобное отношение к женскому полу кажется оскорбительным. Чем обижаться, лучше припомнить,

⁷ Лорд Фаунтлерой – герой одноименной повести Ф.Х. Бернет.

⁸ Кон И.С. Сексуальная культура в России.

⁹ Гендер – пол **социальный**. Он, в отличие от биологического пола, обозначенного термином «секс», включает в свою сферу не только отправление естественных потребностей и следование инстинктам, но и всю социальную структуру отношений, состоящую из множества факторов – политических, экономических, демографических и проч.

¹⁰ Фрай С. Гиппопотам.

как мужчина превращается в мелкую разменную монету в жестокой игре под названием «поддавки женские обыкновенные».

Однажды на ток-шоу нам довелось наблюдать следующий сюжет: две двадцатилетние девушки наперебой описывали странное поведение своей подруги (назовем ее Лена), объясняли, что пришли на шоу исключительно потому, что беспокоятся за нее. Некоторое время назад, рассказывали они, Лена объявила, что у нее имеется поклонник – любящий и верный. Впрочем, знакомить его со своими подругами она отказалась. А через полгода порадовала девушек сообщением: ура, она выходит замуж и приглашает обеих на свадьбу. Барышни пошили платья, купили подарок. Однако Лена рассталась с женихом за несколько дней до свадьбы. Через некоторое время у незадачливой невесты появился другой ухажер. История повторилась – вплоть до мелочей: помолвка с таинственным кавалером, приглашение на торжество, разрыв перед самой свадьбой и еще одна бесполезная обновка. После разрыва каждой из помолвок Лена дарила подругам свои фотографии в свадебных платьях – пусть хоть полюбуются, раз погулять не вышло. Сейчас у Лены третий «кандидат». Подругам про него ничего неизвестно.

Тут добрые подружки не стерпели – и вместо того, чтобы махнуть рукой на странности Лениной личной жизни или с юмором реагировать на сезонную смену женихов, обозлились вконец. Решение пришло само: за Леной надо проследить! В процессе слежки было обнаружено: Лена зашла в «Салон свадебной моды», где сразу же стала примерять платья, несколько отобрала и в каждом из них сфотографировалась. После чего переделалась и поехала домой. Подруги еще больше забеспокоились – и пошли, согласно лучшим советским традициям, разбираться в этом деле... в Останкино.

Такая вот история трех молоденьких девушек-студенток. Девушки имели схожие проблемы: страстно мечтали обзавестись бойфрендами и повыходить замуж. Потому, наверное, и считали себя подругами. Хотя ни дружеского взаимопонимания, ни дружеской поддержки в их отношениях не наблюдалось. Даже в маленьких компаниях из трех человек может идти жесткая борьба за лидерство. Но если звание «самого лучшего» передается из рук в руки, будто переходящий кубок, то звание аутсайдера прилипает намертво. В девичьих сообществах таким вот аутсайдером зачастую оказывается самая робкая и внешне невзрачная девушка. В этой компании лузером оказалась Лена. И, разумеется, попыталась доказать девицам, давившим на нее со всей инфантильной дури, что она ничем их не хуже: глядите, и молодой человек уже имеется, и замуж собираюсь. Да к тому же раньше остальных. Открещиваясь от ярлыка «самое слабое звено», Лена использовала прием мистификации, а проще говоря – обычного вранья. И хотя ее поведение было обусловлено давлением со стороны окружения, подружкам казалось, что Лена просто спятила. Согласитесь: психически нормальный человек ни с того, ни с сего по «Салонам для новобрачных» не побежит – фотографироваться в свадебных одеждах так и эдак?

Но, на самом деле, есть разница между понятиями «нормальный человек» и «опытный человек». Героиня этой истории – вполне нормальная молодая девушка, только изрядно растерявшаяся. Будь у Лены жизненный опыт, она предпочла бы расстаться с подругами, унижающими ее достоинство, чем ввязываться в дурацкий розыгрыш. Но молодым людям «своя компания» нередко представляется сверхценностью. И они крайне неохотно идут на прекращение отношений, даже если постоянно приходится бороться за повышение самооценки или преодолевать психологические комплексы. Зачем Лена пошла на ложь? А что, скажите, ей было делать? Ведь по-другому избавиться от имиджа неудачницы оказалось невозможно. Ленины подружки только и

ждали от нее откровенного рассказа о личных проблемах: признаешься – будешь ходить в лужах до конца своих дней.

За счет того, что один – «признанный слабак», остальные могут повысить свою самооценку.

Можно упрекнуть «обвинительниц»: дескать, друзья так себя не ведут. Друзья должны помогать, поддерживать, утешать. А этим, с позволения сказать, «прокуроршам» и в голову не пришло, что девушку Лену следует оставить в покое. Пусть живет как живется, чтобы «не было мучительно больно» и не надо было наворачивать одну ложь на другую. Вместо этого барышни притащились на ток-шоу, где и продемонстрировали всему миру склочность характера, непристойную манеру подглядывать и любовь к мелким пакостям – совершенно в духе старушки Шапокляк. Кстати, время, когда они Лену на чистую воду выводили, можно было бы и получше потратить: на устройство собственной личной жизни, например. Обзавелись к подружкиной свадьбе нарядными платьицами? Ну так сходите в них на дискотеку или в ночной клуб. Лучше лишний раз порадовать себя, чем унижить другого.

Совершенно резонное рассуждение – резонное, если оно касается зрелой личности: не утомляй публику своим всезнайством и правдолюбием, не то однажды чем пукнется (**Корректорам: не исправляйте, это грубая авторская шутка**), тем и откликнется. Но личность незрелая, демонстративная, неумная, да еще охваченная жгучей досадой и мстительным возмущением, не желает останавливаться на полпути из-за нелепых опасений, что ей в случае чего может не поздоровиться. Взрослым людям, вероятно, даже невдомек, откуда все эти чувства – досада, мстительность... Чем они так возмущены, эти глупые девчонки? Какая им разница – водились у Лены поклонники, не водились, звали они ее замуж, не звали? Неужели им так претит всякая мысль о «лжи во спасение»?

Ложь во спасение

Очевидно, все обстоит как раз наоборот: девушки, обуреваемые возрастной и гендерной потребностью в самоутверждении, сами солгали – и не раз.

Во-первых, насчет своего возмущения лживостью Лены как ее тактикой по отношению к ним, добрым и честным подругам. Вранье **само по себе**, независимо от последствий, ранит тех, кто **доверился** лжецу. Возникает чувство унижения от того, что ты раскрыл душу, осветил ее слабые места, а тебе в ответ солгали – и неважно, из каких соображений. Может, для улучшения имиджа. Или от страха, что придется отвечать откровенностью на откровенность.

Люди часто путают откровенность с искренностью.

Между тем это совершенно разные чувства. Искреннее сопереживание в ответ на откровенный рассказ – вполне

достаточная реакция. Абсолютно не требуется самому исповедоваться в мыслях и поступках, которые, вполне вероятно, предпочитаешь оставить в «скрытых файлах» сознания. Не говоря уже о том факте, что большинство исповедей невыносимо скучны, даже для специалиста, слушающего их за энное количество условных единиц в час. А вот лживая байка в ответ на открытый рассказ не может не вызвать негативной реакции. Но в описанной ситуации «байка» была просто-напросто защитой незрелой личности от регулярных «попыток аннексии» со стороны так называемых «подруг». Это Лена могла предъявить претензии тем, кто **вынудил** ее лгать, дабы «сохранить лицо».

Во-вторых, обвинительницы злились оттого, что им не подфартило разжиться бойфрендами на предстоящем свадебном пиру. Ведь и они надеялись повысить собственный статус при помощи любовных отношений. Потенциальных партнеров можно было бы поискать на той самой свадьбе той самой Лены. Доказано: немалый процент будущих супругов впервые встретили друг друга именно на семейном торжестве. Чаще всего – на свадьбе. Чем Ленина свадьба хуже какого-нибудь брачного агента или модного клуба? Свадьба подруги даже лучше – потому что дешевле. Никакой подарок и новое платье не потянут на сумму, которую проглотит, не поперхнувшись, агентство или клубные взносы. Если уж Лена не согласилась на роль лузера, ее можно использовать иначе – но в тех же целях самоутверждения. Ибо эта цель для молодого человека – наиважнейшая из всех.

В-третьих, разве беспокойство за Ленину судьбу или за ее рассудок привело девиц на ток-шоу? Что-то не верится: уж очень они жестоки и непрактичны – собственного имиджа, и то не пожалели. А все потому, что и сами довольно одиноки и несчастны. Счастливые, а главное, **взрослые** люди великодушны - в силу своей терпимости к чужому образу мышления. И в общем не обязательно, чтобы ваша жизнь, как в рекламном ролике, похрустывала под толстым-толстым слоем шоколада. Но зрелый индивидуум не стал бы тратить столько времени и сил на то, чтобы навязать одному из своих друзей – не врагу, а именно **другу** - роль аутсайдера: вести слежку, пылать жаждой мщенья и пробиваться на телевидение с обоюдодопасным, в общем-то, разоблачением. Девушкам, действительно, в ответ на их обвинения в адрес Лены-сочинительницы, прочитали нотацию на тему «Надо контролировать свой длинный носик, детки!» Как в старину говаривали, «доносчику – первый кнут». Хотя и девиц можно понять, по размышленьи зрелом. «Заглядыванье в чужие окна свидетельствует о крайней степени одиночества», сказал польский афорист Мечислав Шарган – и был, безусловно, прав.

Перефразируя классика, не дай Бог попасть под соперничество юных дев, бессмысленное и беспощадное. Хотя... не такое уж и бессмысленное. В результате компульсивного (охватывающего) характера, который принимают многие желания подростка, возникает и компульсивное поведение, воплощенное в шести коротких словах: «Во что бы то ни стало!» - и в одном восклицательном знаке. Придется отметить: подростковое – а в случае, когда оно встречается у людей, давно вышедших из возраста тинейджера, то уже не подростковое, а инфантильное – упорство прославлено целой плеядой произведений искусства. Что поделаться! Разве напишешь приключенческий, скажем, роман о людях, подолгу ищущих обходные пути, соразмеряющих свои потребности со средствами удовлетворения оных, подолгу работающих для достижения цели, а не берущих вожаделенное, словно крепость – наскоком...

Читатель неизменно симпатизирует нестигаемо-туповатому Д'Артаньяну, но уж никак не изворотливо-дальновидному Ришелье. Хотя тактика Ришелье куда полезнее и для страны, и для того же Д'Артаньяна – как для гражданина и патриота. И побеждают, как правило, Ришелье Д'Артаньянов, а не наоборот. Но художественной традиции претит подобное «правдоподобие». И тут за людей, достигающих цели благодаря череде импульсивных поступков или тактике компульсивного поведения, вступается романтический принцип: что увлекательно, то и убедительно.

Почему мировому искусству можно приврать «ради вселенской красоты», а молодому поколению – ради всеобщей любви – нельзя?

Ценность любви для молодежи настолько велика благодаря «детскому» способу реакции на психоэмоциональные стимулы, благодаря общечеловеческой потребности в самоутверждении, а также благодаря несколько инфантильной трактовке приоритетов, свойственной искусству. В силу того, что любовь для молодежи является вершиной аксиологической¹¹ пирамиды, то и приукрашенная реальность, осторожная полуправда или откровенная ложь кажутся вполне приемлемыми средствами для достижения цели – поскольку сама цель высока и прекрасна. Притом, получив требуемое, многие попадают из огня да в полымя.

«Быть смелым мало – быть разумным должно»

Как гласит «Песнь о Роланде», но... эти слова графа Оливье, погибающего вместе со своим другом Роландом, мало заметны на фоне «рыцарственной ярости» главного героя и его стремления к

¹¹ Аксиология – теория ценностей, обобщенные устойчивые представления о предпочитаемых благах, объектах, значимых для человека, являющихся предметом его желания, стремления, интереса.

победе любой ценой. И если отчаянную смелость или, например, безумную скупость в рыцаре искусство все-таки критикует, то рыцарский культ Прекрасной дамы, равно как и ответное чувство упомянутой дамы – выше критики. Любовь служит топливом для искусства: оно движется вперед, а мы... тоже движемся. И кубометрами вдыхаем выхлопные газы. Искусство очаровывает публику своей эмоциональной щедростью, а отнюдь не поучительными беседами. Но в то же время нельзя не вспомнить, как сильно «передозировка» эмоций истощает организм. И не только организм, но и будущность неосмотрительных «Роландов». Наше «Я» атакует целая армада страстей, неподвластных – и особенно в юности – сознательному контролю.

Любовь, сообразно мощности своего воздействия на сознание, имеет и побочный эффект.

С одной стороны, ее благотворное влияние позволяет молодым людям раскрепоститься, обрести опыт общения с противоположным полом, перестать стесняться себя, увидев собственное отражение (дополненное и улучшенное) в глазах любимого человека. С другой стороны, неудачное совпадение целого ряда условий может стать предпосылкой развития серьезной психологической проблемы, обозначаемой терминами «любовная зависимость», «сверхценная компенсация», «эмоциональная сверхзависимость», «романтическое безумие» и др. Ее причисляют к сексуальным девиациям (отклонениям), сходных, например, с фетишизмом, а также к проявлениям мягкой эндогенной (порожденной внутренними причинами) депрессии. Но все равно непонятно, как это лечить.

Не вдаваясь в подробности специальных дискуссий по поводу этого состояния, скажем, что люди, посвятившие себя «единственной и неповторимой любви», принадлежат к разным социальным и возрастным категориям. Но вероятность возникновения фиксации, кратковременной и длительной, выше у подростков и молодежи. У одних «любовь на всю жизнь» проходит за несколько месяцев, у других – за несколько лет. Этот период сопровождают сексуальная и эмоциональная холодность ко всем и ко всему, не связанному с предметом обожания, депрессии разной силы и внезапные приступы возбуждения от встречи или от возможности встречи с любимым существом. Чувство не исчезает от отсутствия взаимности, от всяческих противопоказаний (например, когда объект и/или субъект страсти связаны брачными узами), от неблагоприятной обстановки, от неутешительных размышлений, от осуждения окружающих... Все равно поклонник/поклонница не оставляет попыток увидеть предмет своих вожеланий и терпеливо переносит унижения.

В психологии также существует мнение, что подобное заболевание встречается только у женщин, а у мужчин практически не возникает. Но, вероятно, это не совсем так. Или совсем не так. Ведь любовь – не одна-единственная форма притяжения одного человека к другому, а лишь одно-единственное обозначение для множества различных потребностей: для проявлений гормонального всплеска, для удовлетворения мучительной жажды ярких эмоций, для социального самоутверждения путем демонстрации «потрясного партнера», для применения собственнических стремлений «на практике»... Перечислять варианты «субституции¹² любви» можно довольно долго.

Помимо различной **природы** любви, необходимо учесть и различную силу чувства. Неудивительно, что при максимальном напряжении эмоциональной сферы «западение» - то есть фиксация - становится единственной возможной реакцией. «Женская» любовная зависимость чаще становится предметом обсуждения, ярче проявляется, оказывается причиной сексуальных расстройств – в частности, аноргазмии. Мужчины сдержаннее в своих откровениях, их потребность в сексе в среднем выше женской – особенно, если речь идет о молодых людях. «Мужская» фиксация на определенной женщине зачастую протекает латентно (скрыто), а сексуальная жизнь «влюбленного в девочку-видень» (помните песню Максима Леонидова? «Ты похожа на нее, как сестрица, только ты не она, к сожалению...») кажется совершенно нормальной.

Кстати, есть и другие формы психологической зависимости – например, религиозный или спортивный фанатизм. Они тоже нередко сопровождаются мощной сексуальной разрядкой или сексуальным притяжением, хотя **реальных** предпосылок к таковым не существует. Подобные чувства делятся годами (а то и десятилетиями), отнимая человека у мира, и мир у человека. Но такая фиксация не считается любовной, формально имея все признаки именно этого чувства.

Для возникновения любовной зависимости должны сойтись воедино несколько условий.

Наиболее распространенные стоит рассмотреть подробнее.

В первую очередь, это **внешний этический фактор**.

Посмотрим, «как все начиналось». Начнем с этического образца, о котором уже упоминалось - с эпохи рыцарства. Трактат Андреаса Капеллануса «Искусство куртуазной любви» отчетливо указывает на стремление влюбленных получить удовлетворение своей страсти. Семейные ценности в нем скорее отрицаются, нежели прославляются: в браке невозможна никакая истинная любовь,

¹² Субституция – замещение одного объекта другим со сходными свойствами.

поскольку такое чувство требует встреч украдкой, ревности и страха потерять возлюбленную, а в супружестве уловок не требуется¹³. Согласно такому подходу, правила для того и существуют, чтобы нарушать их и мучиться угрызениями совести, чем и заняты герои большинства рыцарских романов. Как правило, чувство оказывается сильнее морали. Что же касается действительных отношений между полами, то знаток средневековья Ж. Коэн считал, что принятые в произведениях куртуазной культуры воздыхания издавека, платоническая любовь, почтительное обожание на практике были большой редкостью, а на деле «куртуазность» стала узаконенной неверностью и признанной обществом бигамией (двоеженством)¹⁴. В повседневной жизни, по замечанию Й.Хейзинги, «немало требовалось притворства для того, чтобы поддерживать фикцию рыцарского идеала»¹⁵. В общем, ради удовлетворения своих потребностей в новом сексуальном партнере, в новом эмоциональном допинге, мужчины и женщины охотно прибегли к помощи искусства. И оно выполнило возложенную задачу, опрокинув христианские заповеди установками на куртуазность чувств.

Искусство повторяло этот «подвиг» не единожды. Декларируя свое право на свободу чувств, человечество два столетия тому назад прямо-таки пылало жаждой любви. Начинаясь эпоха романтизма. То было время, когда мировая цивилизация, наконец, решилась переместить эмоциональную жизнь на самый верх ценностной шкалы. Материальные блага и социальный статус, четко связанные между собой, **традиционно** венчали пирамиду. Но мир менялся. Экономическое благополучие в условиях душевного дискомфорта уже не могло считаться безоблачным существованием. Сентиментальные романы - литературное «мыло» - демонстрировали публике, какие демоны таятся в человеческой душе. Мальчики и юноши в ту пору были подвержены сильным чувствам даже в большей степени, чем девушки: ведь именно **мужской пол** имел право на публичное любовное переживание. Женщины той эпохи чаще выступали в качестве объекта. **Из-за них** страдали, терзались, гибли и оставались в живых не столько галантные, сколько импульсивные герои своего викторианского времени. А вот обезумевшие от любви героини выглядели скорее исключением, чем правилом.

Постепенно ситуация переменилась, дамы и девицы в «гонке страстей» одержали верх над юношами и мужчинами – по крайней мере, в количественном отношении. И в одной из партизанских вылазок «за равенство полов» женщины заняли и этот бастион:

¹³ Capellanus A. The Art of Courtly Love.

¹⁴ Цит. по: Оссовская М. Рыцарь и буржуа.

¹⁵ Huizinga J. Men and Ideas. New York.

штандарт душевной тонкости, приводящей к душевным расстройствам, выхватили из мускулистой мужской длани нежные, но цепкие женские руки. Осуществилась давняя гендерная мечта женщин - быть не **предметом**, а **героем** (то есть героиней). И таким образом сменить неподвижную идеальность статуи на трудный путь живого существа к совершенству.

Можно сказать, искусство создало действенную рекламу пылкости чувств.

Второй фактор, необходимый для формирования любовного безумия, – **внутренняя склонность к психологической зависимости**. Она обусловлена и генетической предрасположенностью, и потребностью в психологической компенсации какого-нибудь «недостатка». Связанного с дефектами внешности, с задержками в карьерном росте, с подчиненным положением в социальной иерархии... Да, на пути к самореализации человека подстерегают всевозможные трудности, и отнюдь не со всеми он в состоянии справиться без помощи «релаксанта». Любовь – одна из тех форм психологической компенсации проблемы, что при «регулярном применении» превращаются в психологическую зависимость и сами становятся проблемой. Но в силу внушаемости молодежи и подростков им свойственно идти по «общеизвестным» путям социальной компенсации. Одним из таких путей в сегодняшней системе ценностей является любовь – если повезет, то обоюдная, если нет, то возвышенная.

«Все это пустою бабой звалось»

При виде своего ребенка, страдающего от несчастной любви, родители, конечно же, принимают к нему сочувствовать. Пытаются его/ее развеселить, отвлечь, с кем-нибудь познакомить. Бывает, помогает. Но определить изначально, какая любовь ужаснее – неразделенная или, наоборот, разделенная кем-нибудь... неподходящим - невозможно. Притом, что родителям большинство избранников и избранниц кажется «некондиционным». Да существует ли она, эта идеальная кандидатура на роль «благоприобретенного родственника»? Такая, чтобы и дети, и родители нашли в вопросе личного выбора общий язык - и без всяких там «добрых пожеланий» из рекламного ролика? И ведь не каждый родитель ограничивается требованиями к имиджу: чтобы никаких дреддов, пирсингов, тату и шипастых ошейников, юбку подлиннее, каблук покороче, жилплощадь побольше, родню побогаче...

Кстати, по завершении периода подросткового психологического бунтарства, когда внешний вид и манера поведения перестают работать как средство эпатажа, молодые люди практически всегда возвращаются к общепринятому облику. И,

знакомясь с родителями избранника/избранницы, вполне способны изобразить всяческую положительность, почтительность, политичность – в общем, много всяких «по». Но в первую очередь, **подготовленность**: претендент на сердце, а то и на руку вашего ребенка хорошо знает, как добиться расположения со стороны «родаков».

Нетрудно исполнить простенький ритуал, который почему-либо дорог старшему поколению, а потом заполучить все, на что нацелился.

И хорошо, если в качестве цели – любовь и взаимность. А если у «претендента» куда более меркантильные цели? Замаскированный жиголо довольно легко втирается в семью и, словно термит в книжном шкафу, принимается за приятную работу – грызет и переваривает, грызет и переваривает...

В качестве «превентивных мер» большинство людей использует тактику, названную социологами «методом эндогамных изолятов». Суть ее заключена в том, чтобы допускать браки исключительно **внутри** своей социальной группы. Как говорится, между ровней, представителями «своего круга». Это очень старый прием, но для современного общества не слишком подходящий. Особенно в России. Почему? Потому что в наши дни меняется **тип** социума. Этот долгий и болезненный процесс затрагивает не только экономику, но и психику. Дело в том, что традиционное и индустриальное общества, о свойствах которых мы еще поговорим, различаются в первую очередь по четкости границ между социальными группами. В традиционном социуме эта граница обозначена каждой мелочью быта и поведения, вплоть до самого рождением ребенка, как в пословице «Где родился, там и пригодился». Все мышление и все поступки человека были насквозь пронизаны правилами, принятыми в **его кругу**. За пределы этого круга он ступить не смел и не хотел (за редким исключением, которое тут же подвергалось осуждению). А вот в индустриальном мире возможности и перспективы куда шире: выбирай образ мыслей и образ действий по себе, вращайся где получится, общайся с кем выйдет, работай гдестроишься. Не очень стабильно, зато какой креатив! Не обсуждая, что лучше, а что хуже, отметим различия в поведенческой стратегии: действовать в индустриальном обществе по образу и подобию традиционных стереотипов и наоборот, «ходить в традиционном лесу по индустриальной дорожке», - значит планомерно снижать свои шансы на успех.

Россия, наконец-то, отошла от традиционности и примкнула к индустриальным, в социологическом смысле, обществам. Жесткие стереотипы выкрашиваются, словно скальные породы, ветер перемен разрушает их, перемалывает в песок.

Былые представления о «престижных и непрестижных» социальных группах умерли, а новые еще не сформировались.

Да, в массе своей мы уже поняли, что фарцовщики и спекулянты сегодня суть бизнесмены и предприниматели. А среди некогда столь любимой интеллигенции отчетливо видим прослойку болтунов и бездельников. Но пока мы не в силах понять: кто из бизнесменов – всего лишь механизм, насос, качающий бабло, а кто – обладатель широких взглядов, личность развитая и полезная обществу; кто из «творческих людей» способен исключительно на просиживание кресла и на пролеживание дивана, а кто – и на работу, пусть даже на подвижническую и малооплачиваемую. Нет критериев отбора. Нет ориентиров. Нет опознавательных знаков. Вот и путаемся в трех соснах, решая «что такое хорошо и что такое плохо» на свой собственный страх и риск. Нет, время от времени мы готовы рискнуть, если речь идет о нас. Но дети! Ими нормальный родитель рисковать не готов и никогда готов не будет.

Вот почему, защищая свое дитя, чтобы ему ветром перемен не надуло, папа/мама прибегает к самым примитивным превентивным мерам: к тактике эндогамных изолятов и к доброму старому... протекционизму. «Почему бы тебе не познакомиться с сыном Людочки (Танечки, Сонечки, Сосипатры Никодимовны)? Он такой хороший мальчик!» или «Ну что у тебя за шалавы? Вон, посмотри на Епихарию Амбивалентову! Девка что надо!» Кстати, вы уверены, что означенная Епихария будет вам лучшей невесткой, чем упомянутые «шалавы»?

Выбор по традиционной методике может дать информацию о происхождении, но не о поведении человека.

Получается, что вы пытаетесь сосватать вашему ребенку не ребенка ваших знакомых, а непосредственно самих знакомых: «Папа – директор, мама – журналист! Квартиру вам купят, работой обеспечат! А внуки пойдут – пожалуйста, у них и дача есть! Есть куда семьей на лето выехать!» В традиционную эпоху подобный вариант проходил «на ура». Но сегодня, увы, «плотность общения» и уровень индивидуальной избирательности таковы, что скверные отношения с брачным партнером нельзя компенсировать никаким приданым.

Вот почему оптимальные качества будущего брачного партнера крайне важны, но заочно, наблюдая не столько за претендентом на эту роль, а «за его семейством вообще», характер потенциального супруга/супруги не определишь. Помните: сознание и поведение определяется и наследственностью, и личным развитием. Кое-что – типа врожденной привычки вытирать нос рукавом или потомственной тяги к экстремизму – «от папы с мамой» получить можно. С вероятностью один к трем, поскольку из всего набора генов у человека реализуется лишь 30 % генотипа. Но индивидуальный выбор всегда за индивидуальностью. Поэтому всякие чрезвычайно важные мелочи – вроде работоспособности,

неконфликтности, адекватности восприятия и т.п. – «по праву наследования» не передается. И Епихария Амбивалентова, дочка милейших людей, на первый взгляд красавица и умница, по отношению к вашему сыночку вдруг окажется далеко не милой. Она даже может вести себя, словно Джек-Потрошитель по отношению к Скотланд-Ярду: пакостить и издеваться. А еще она ему может попросту... не понравиться.

Поэтому все-таки лучше предоставить выбор вашему наивному, жизни не знающему, плохо ориентированному, бестолковому отпрыску. Пусть попробует себя на поле взаимоотношения с противоположным полом, заодно и на местности сориентируется. И хорошо бы ему, «выбирающему житье», запомнить один совет: всякий, кто делает выбор, обязан побольше узнать... о себе. О своих запросах, потребностях, нуждах и проч. Именно эта информация – ключ к успеху.

Для того, кто не видит своей цели, любой путь является тупиковым.

Но главный вопрос, стоящий перед родителями взрослых детей – он, собственно, в другом. Это вопрос не о детях, а о себе: как нам, взрослым, быть с тяжелым чувством злости и разочарования по поводу «сомнительной особы» в микроюбке, заявившейся на семейный обед? А заодно с негативными эмоциями по отношению к этому бестолковому созданию, приведшему в дом черт те кого (или даже черт те что)?

«Жил-был дурак. Он молился всерьез

(Впрочем, как Вы и Я)

Тряпкам, костям и пучку волос –

Все это пустою бабой звалось,

Но дурак ее звал Королевой Роз

(Впрочем, как Вы и Я)...

Что дурак растранирил, всего и не счесть

(Впрочем, как Вы и Я) –

Будущность, веру, деньги и честь,

Эта леди вдвое могла бы съесть,

А дурак – на то он дурак и есть

(Впрочем, как Вы и Я)»¹⁶.

Звучит актуально. До сих пор. И направлено так же, как и реакция сегодняшних родных и близких. То есть неправильно направлено. На объект и субъект любовных переживаний, а не на их первопричину.

Допинг дороже будущности

Влюбленный дурак/дура и недостойная избранница/избранник – это, соответственно, конденсатор и проводник энергии, которую

¹⁶ Киплинг Р. Дурак. Пер. К. Симонова

рождает в организме потребность в эмоциональном всплеске, или, если хотите, встряске.

Весь вопрос в том, каковы ресурсы «конденсатора», а не в том, какова проводимость «проводника».

«Будущность, веру, деньги и честь» растратить легко, когда они представляют ничтожную ценность по сравнению с эмоциональным допингом. А для кого допинг стоит дороже будущности? Правильно, для наркомана. То есть для «эмоциомана». Нет принципиальных различий между пристрастиями, вышедшими из-под контроля сознания. Личность, готовая на все ради удовлетворения потребности в очередной дозе счастья (неважно, откуда добытой – из лекарственных препаратов, из брожения по интернету или из объятий «любимого существа»), возвращается на стезю биологических ориентиров. То есть превращается в тот самый индивид, далекий от индивидуальности, как октябрюта от декабристов.

Зачем и почему молодые люди совершают над собой **такое**? Отчасти потому, что в их сознании постоянно присутствуют несколько роковых постулатов:

- а) их возможности для самоутверждения, для самореализации и для повышения самооценки ограничены;
- б) тем не менее у них чрезвычайно развито чувство собственной исключительности, присущее **каждому** человеку, но с возрастом слабеющее;
- в) их амбиции прямо пропорциональны воображению и обратно пропорциональны знанию жизни;
- г) их стремление к получению желаемого нельзя ограничить ни разумными доводами, ни моральными нормами, поскольку оно в большей мере **биологическое**, нежели **социальное**.

Итак, вчерашний ребенок уже вырос, но еще не научился хотеть «социально». Его «тактика желания» должна основательно измениться, чтобы стать поведением зрелого человека. Значит, и воздействие лучше всего оказывать не на «предмет страсти», а на сознание воздыхателя.

Для начала попробуйте разобраться в жизни и представлениях собственного ребенка.

И не думайте, что это просто – вы ведь его с пеленок знаете. Именно поэтому вы можете действовать «согласно устаревшим циркулярам». Ведь дети меняются невероятно быстро. Отсюда извечные родительские ностальгические вздохи: «Подумать только, позавчера еще в колыбельке качались, вчера – конфеты выпрашивали, а сегодня – откуда что взялось!» Нормальный ритм, просто вы не догоняете! Завтра ваш малютка сам принесет сопящий конвертик в голубых или розовых ленточках и попросит вас помочь в воспитании. И вы, скорее всего, по отношению к внукам будете

более терпимы, осторожны и внимательны, чем к детям. Польская мудрость (из колонки афоризмов в газете «Пшекруй») гласит: «Когда мы, наконец, можем позволить себе иметь детей, у нас уже внуки». Никогда не замечали, что внукам и дедушкам-бабушкам свойственно кооперироваться в противостоянии «среднему поколению» - родителям? Сэм Левенсон, американский юморист, утверждает: «Это потому, что у них общие враги». Действительно, «враги» имеют привычку запрещать все приносящее удовольствие – шумное, вкусное, интересное, полное секса, насилия, холестерина и углеводов! Тебе, дескать, рано еще! Или поздно. Уже.

Конечно, шкала мер воздействия от разговора по душам до категорического запрета к вашим услугам. Но поймите, запретительная тактика не должна напоминать мстительное злорадство или желание отвязаться. Если вы, приглядевшись, поймете, что тот или иной «каприз» играет большую роль в жизни вашего ребенка, лучше быть деликатным. Иначе вы будете восприняты как вивисектор, кромсающий по живому и приговаривающий из-под забрызганной кровью марлевой повязки: «Не ори, это для твоего же блага!» Да к тому же запретный плод сладок. Вспомните о куртуазной любви, которой якобы нет и быть не может в законном супружестве – именно оттого, что свидания тайком и страх потери не оживляют увядающее чувство. Известно: «хорошие мальчики/девочки из приличных семей» отнюдь не стремятся найти себе сексуального партнера среди таких же «хороших деток». Им подавай противоположную систему поведения: экстремальную, шокирующую, спонтанную, привольно-отвязную. Так в молодом сознании проявляет себя детское любопытство. Оно уже не направлено на пироманские опыты с газовой плитой или на космические технологии, создаваемые соседом по парте, отъявленным хулиганом. Увы, теперь объектами любопытства становятся человеческие взаимоотношения – а это, согласитесь, поопаснее закопченной газовой плиты и запущенного в стратосферу скелета из кабинета биологии...

Готовьтесь: ваш ребенок будет совершать ошибки, впадать в крайности, поддаваться панике, следовать моде – то есть взрослеть.

И если он промахнется, не стоит возлагать всю вину только на него, балбеса, - или, наоборот, на «дурную компанию», втянувшую такого хорошего мальчика/девочку в такую... сомнительную затею. Скорее всего, «участие в содеянной глупости» принимали все: и хорошее чадо, и его компания, и его молодость, золотое время. Утештесь мыслью, что молодость дается один раз, потом для глупости придется искать другое оправдание.

И последнее: вы уверены в правоте собственных притязаний? В объективности своих суждений? В адекватности своей реакции?

Вы ведь тоже человек и, вероятно, ничто человеческое вам не чуждо?

Глава 2. Мой ребенок – чей-то сексуальный объект

В романах много пишут о хлопотах с сексом и совсем чуть-чуть – о хлопотах с детьми. В жизни соотношение обратное. Дэвид Лодж

Метод Бермюды не для родителей

Ребенок в качестве сексуального объекта - отнюдь не скабрзная шутка и не цитата из судебного отчета, а серьезная проблема для родительского восприятия. Рано или поздно подросшие дети «выходят из укрытия» и признаются родителям, что их интимная жизнь... существует. В подростковом возрасте как-то не принято посвящать родителей в эту «деталь». Да и сексуальные контакты носят спонтанный, нерегулярный характер. «Взрослая» личная жизнь, ее ритм и пристрастия сформируются гораздо позже, а пока все отношения носят характер «проб и ошибок». Здесь-то и коренятся основные разногласия между старшим и младшим поколениями относительно секса. Наблюдая за последствиями небезопасных проб и волнуясь по поводу того, что может приключиться с любимым детищем после «роковой ошибки», родители подсознательно (или сознательно) проводят параллели с собственным сексуальным поведением. Причем не с подростковым, не с молодежным, а со **взрослым**. Из такого подхода «вытекают» сразу несколько потенциальных конфликтогенов – возможных причин конфликта – между родителями и детьми.

В первую очередь, это завышенные требования, предъявляемые к участникам сексуальных отношений и к характеру самих отношений.

Каждый временный партнер, возникающий на горизонте, воспринимается с убеждением «он к нам пришел навеки поселиться».

И критикуется, соответственно, по полной программе. Ведь к будущему зятю/невестке претензий возникает куда больше, нежели к «случайной связи». А детям иной раз неловко или недосуг объяснять, что нынешние отношения **по сути** своей недолговечны и эгоистичны. Вдобавок родителям, как мы уже говорили, вообще свойственно представлять себе всякие ужасы. Причем в качестве «ужаса» может выступать малейшее отклонение от абстрактной «нормы»: пристрастие к ярким внешне, но внутренне примитивным особам; склонность влюбляться в актеров/актрис, в модели; отсутствие интереса к добрым, воспитанным, душевным парням/девушкам; явное предпочтение отрицательных «персонажей» положительным и т.п. И становится понятно, что родители ищут кого-то для долгой и счастливой семейной жизни, а их подросший ребенок – кого-то, чтобы занять свободный вечер.

Вторая «очередь конфликтогенов» порождается страхом. Родители, вспоминая о собственных болезненных ощущениях, о собственном пути проб и ошибок, пытаются избавить своего ребенка от неизбежных – увы, совершенно неизбежных – травм и переживаний. Один из распространенных методов такого «избавления» – гиперопека. Вызвать подробности, увести в сторону, приготовить безопасный маршрут. К тому же родителям – чаще мамам, как более чувствительным натурам – представляется в воображении некий «идеальный образ» любви между прекрасным молодым человеком и девушкой, достойной всяческого уважения и восхищения. А в реальной жизни никаких «образцовых» сюжетов не наблюдается: и девушки, и юноши ведут себя совершенно иначе, их отношения носят какой-то утилитарный, а зачастую и вовсе циничный характер. Молодые даже не считают нужным изображать влюбленность и романтичность! То ли это результат чтения всяких «Пособий по овладению 105 сексуальными позициями без смеха», то ли нынешняя молодежь вообще не способна любить... Не замечая позитивных аспектов ни в пылкости, ни в рассудочности, старшее поколение просто утопает в «неразрешимых проблемах». Как жить, не зная истинной любви? И как жить, познав любовь истинную, но неразделенную?

С типичными «родительскими» страхами соседствует большое желание исправить (а лучше предупредить) пиковые ситуации. Вот почему мамы и папы пытаются «выстроить» личные и общественные связи своего ребенка, скорректировать его взаимоотношения с окружением, смягчить удары судьбы. Проблема усугубляется тем, что тривиальные, но оттого не менее опасные события грозят молодому человеку буквально со всех сторон: в его жизни то и дело случаются разочарования, разрывы, раздоры и много всяческих «раз».

А близкие, со своей стороны, пытаются принять универсальные «превентивные меры», на практике оборачивающиеся формальными указаниями «сверху» – вроде тех, которые советник Бермята предлагал царю Берендею в сказке «Снегурочка»:

«Царь премудрый,
Издай указ, чтоб жены были верны,
Мужья нежней на их красу глядели,
Ребята все чтоб были поголовно
В невест своих безумно влюблены,
А девушки задумчивы и томны...
Царь
А пользы-то дождемся?
Бермята
Никакой.

Царь
К чему ж тогда указы?
Бермята
Перед Солнцем
Очистка нам: приказано, мол, было,
Не слушают, так их вина; нельзя же
По сторожу ко всякому приставить.
Царь
Придумано неглупо, но некстати»¹⁷.

Верно царь-батюшка сказал.

Формальные меры не приводят ни к чему, кроме утраты близости в общении и ухода «нарушителей» в подполье.

Сколько ни запрещай молодежи «этот разврат», ни ориентируй ее на «светлые и чистые чувства», человеческое естество возьмет свое. А недоумение и даже возмущение старших требованиями «естества» – реакция не столько индивидуальная, сколько коллективная. Ее формирует и закладывает в наше сознание общество, когда мы принимаем ту или иную схему поведения, то или иное мировосприятие и внутренне соглашаемся с постулатом о стабильности «нашей» позиции. Мы живем по этим установкам много лет, привыкая к мысли о том, что мир вокруг устроен определенным образом, а наша личность занимает в мировой структуре определенное место. Дети выступают как дестабилизирующий фактор, как разрушители некоего «Хрустального дворца мироздания», который, может, и не был особенно комфортным, но он уже **существовал и функционировал**. А теперь что же – начинать все сначала?

Так формируется третий фактор отторжения подростковых и молодежных сексуальных установок – фактор конформизма. В оправдание младших и в утешение старшим можем привести мнение ведущего сексолога страны Игоря Семеновича Кона: «То, что вчера еще казалось недопустимым и странным, сегодня становится возможным, а завтра обретает респектабельность. Однако это не означает простого возвращения к «доцивилизованному» бытию. Просто более сложная культура меньше подвержена иррациональным страхам, допускает больше индивидуальных вариаций и способна переварить многое такое, перед чем менее развитое сознание останавливается в изумлении и страхе: «Жирафов не бывает!»¹⁸ Выходит, молодежь не тащит, образно говоря, свою эмоциональную и сексуальную жизнь обратно в первобытную пещеру – нет, молодежь не деградирует, а идет тем же путем развития, что и старшее поколение. И она не топчется на месте, как того хотелось бы напуганным или конформистски

¹⁷ Островский А. Снегурочка.

¹⁸ Кон И.С. Сексуальная культура в России.

настроенным родственникам, она формирует свое собственное мировоззрение. Но, тем не менее, старшее поколение разочаровано и бранит современные нравы. Попутно забывая о **собственном** цинизме в том же возрасте, а заодно и о стандартах сексуальной самодемонстрации в **свое** время, о неискоренимом студенческом промискуитете¹⁹, о разных, мягко говоря, глупостях, совершенных нынешними взрослыми во времена **их** молодости.

Если мы будем объективно оценивать роль **своего** поколения в развитии сексуальной культуры, нам придется признать: наше поколение переворачивало «тележку с яблоками», вызывая переполох, споры и нарекания куда большие, чем нынешние героилюбовники и отнюдь не голубые героини.

Что могущественнее - традиция или индустрия?

Почему тогда нас так возмущает раскованное поведением молодежи? Откуда это ощущение соперничества? Неужто сексуальные комплексы постарались? Вон их сколько: и всем известный «детский» комплекс Эдипа, и его «женский вариант» - комплекс Электры; а со стороны родителей - комплекс Геракла и комплекс Медеи, вызывающие у отца и матери ненависть к детям; комплекс Гризельды и комплекс Федры, из-за которых родители лишают отпрысков личной жизни; а также комплекс Каина, провоцирующий соперничество братьев. Да, тут еще комплексы «не совсем родственные», но неизбежные: комплекс власти, комплекс силы, комплекс неполноценности, рождающие этаких домашних Наполеонов... Вероятно, комплексы и служат «спусковыми крючками» для других психологических механизмов - тоже весьма опасных. Как действует эта «моральная катапульта»? Разве нельзя мирно, без применения холодного и огнестрельного психологического оружия», общаться с близкими?

Чтобы ответить на эти – и многие другие – вопросы, надо вернуться к началу. Несмотря на ощущение, что «внутрисемейный» конфликт возник исключительно по вине одного из участников, это объяснение сильно напоминает вопль малышни, разгромившей детскую: «Он первый начал!» Начал кто-то, а потрудились все. Вот и посмотрим, откуда что пошло, и кто какую лепту внес. Но первопричина, как всегда, находится в глубинных структурах сознания. Туда и заглянем.

Двухфакторная теория развития личности гласит, что сознание стоит на двух китах – на социальном и биологическом факторах. Вот только принципы взаимодействия этих факторов до конца не определены. Притом, что содержание каждой из «составляющих» тоже представляет немало интереса. В частности,

¹⁹ Промискуитет – предполагаемая стадия неупорядоченных половых отношений в первобытном обществе, предшествовавшая возникновению семьи и брака.

время, в которое нам выпало жить, налагает свой отпечаток и на массовое, и на индивидуальное сознание.

Жизнь на переломе эпох так же непредсказуема, как прогулки по зыбучим пескам: двое шли рядом – один благополучно достиг цели, а второго с тех пор и не видали. Ситуация усугубляется тем, что любой **личный** вопрос дополняется **историческим** аспектом. В «неинтересное время» – то есть в стабильный период развития общества - ничего подобного не наблюдается: вы и ваш ребенок находитесь в **однородной социальной среде**, только у него – молодежная специфика общения, а у вас – специфика зрелого возраста. И разница между вашими представлениями не так велика, поскольку принадлежит **настоящему**.

В «интересное время» планы молодежи относятся к будущему, зато ваш опыт – к прошлому.

И вы им практически ничем не в силах помочь, пусть даже вам очень хочется.

Не каждый человек способен решать «домашние» проблемы как исторические. Бремя ответственности невыносимо. Поэтому большинство либо стараются не замечать несоответствий между собственным мировосприятием и реальным миром, либо, понадеявшись «на авось», действуют по старинке. А как быть? Изменить все общество в целом невозможно. Переместиться в другую историческую эпоху несколько легче - если, конечно, действовать исключительно в рамках воображения. А как насчет своего собственного субъективного, индивидуального, статичного видения мира? Нельзя ли в нем что-то изменить, стать более, как сегодня выражаются, продвинутым? Можно же научиться учитывать этот самый **исторический** аспект, который вмешивается во все наши глубоко личные взаимоотношения? Или современники способны лишь на то, чтобы горько жаловаться: «Что за времена теперь настали...»?

В принципе, нет ничего необъяснимого (и даже ничего нового) в том, что происходит со страной – уже четверть века происходит. Этот процесс подробно описан в социологии, но, как всякая научная информация, само описание выглядит несколько отвлеченным. Вроде бы это где-то с кем-то происходило, а может, и в данный момент происходит – но не с нами, не сейчас и не здесь. Нет, именно здесь, сейчас и с нами. Просто напрягитесь и попытайтесь разобраться, а мы, со своей стороны, всемерно обещаем помочь вам в этом. Начнем, опять-таки, издалека - с базовых свойств человеческого мышления.

По сути своей каждый представитель вида хомо сапиенс – собственник. Нет, не обязательно «в материальном смысле». Но и для совершенного бессеребренника принцип накопления благ весьма актуален. С раннего детства мы копим то, что впоследствии

может послужить нам во благо (сообразно нашему личному представлению о том, что такое «благо»). Мы копим информацию. Полезную и не слишком, забавную и наводящую страх.

В отношении информации все мы немножко Плюшкины.

В том числе и бродяги-интроверты, похожие на Снусмумрика, персонажа сказок Туве Янссон. Снусмумрик хоть и считал, что «есть более приятные занятия, чем таскать чемоданы», «всегда тяжело, когда хочешь что-то иметь, унести его с собой, чтобы оно принадлежало только тебе», но тем не менее верил: «Вся Земля моя, если хочешь знать». Просто наш мозг устроен так, что «присваивает» образы всех вещей, которые нам встречаются: «я просто смотрю на них, а когда ухожу, они остаются у меня в памяти»²⁰. Именно благодаря памяти мы оказались в нынешней «обособленной позиции» по отношению к другим живым существам. И даже по отношению друг к другу. Разница между нами заключается не столько в **количестве** усвоенных данных, сколько в **анализе** этих данных – а следовательно, в тех **выводах**, которым упомянутый анализ приводит любого из нас. Комплекс этих выводов составляет наше индивидуальное мировоззрение, а наиболее распространенные выводы складываются в национальный менталитет, который, в свою очередь, создает рамки для формирования новых индивидуальных взглядов – и так далее, и так далее.

Человек обладает индивидуальной памятью как сокровищем, а человечество обладает коллективной памятью как свалкой.

Разобрать, что к чему относится, что откуда пришло, что стоит внимания, а что нет – огромный и... бессмысленный труд. Вроде стараний лебедя, рака и щуки. А вернее, шести миллиардов лебедей, раков и щук – именно такова на данный момент численность рода человеческого. Ведь каждый индивид сам будет определять, к какой категории отнести ту или иную информацию. Вот почему не существует никакого «единого вневременного стандарта» насчет ценности разнообразных познаний. Пусть человечество и не желает соглашаться с этим утверждением, время от времени выдвигая те или иные ценности на роль «вечных» и формируя все новые и новые ритуалы. Ритуализация хороша тем, что понижает уровень тревожности, освобождая человека от личной ответственности за принятое решение, избавляя от необходимости «подыскивать» наиболее подходящую психологическую реакцию и т.п. На почве ритуалов, лучших «удобрений» традиции, произрастает самая «прозрачная» форма общества – традиционная.

Ее «прозрачность» зависит от доступности информации – всем обо всех. В упрощенном варианте это выглядит так: в традиционном

²⁰ Янссон Т. Комета прилетает.

обществе судьба человека предрешена практически с момента его рождения – его папа-мама-дедушки-бабушки и есть тот фундамент, на котором он построит свою карьеру, семью и проч. Поэтому в его социальной среде о нем все известно: из «обобщенного образа семьи» выводится прогноз относительно будущего, которое ожидает новое живое существо - до самой его кончины включительно. Если вы, предположим, сын местного помещика, ваше главное занятие – псовая охота, а ваша будущая жена подрастает в соседнем поместье и по шесть часов в день мучает пианино и гувернантку-француженку. Все знакомые (да и незнакомые) не предполагают никаких прорывов, сюрпризов и неожиданностей. Хотя кто знает? Вдруг любитель псовой охоты возьмет да женится не на дочери соседа-помещика, а на ее гувернантке-француженке? Или отправится счастья искать в дальние края? Или (вот ужас-то!) пойдет на сцену и прославится в амплуа комической старухи? Подобные «отрывы» от родного назема практически неизбежно сопровождаются, как говорил Алеша, герой фильма «Формула любви», «эль шкандалем при посторонних».

И все-таки в самых традиционных обществах, с их крайне ритуализированным менталитетом, возникла и укоренилась литература в жанре «пикареска» - авантюрно-приключенческого романа, где, на первый взгляд, герой разрушает не только традиционные устои, но и преступает религиозные заповеди. Пикаро – авантюрист, часто весьма благородного происхождения, скорее примкнет к бродягам и разбойникам, нежели станет пахать землю и вообще примерять на себя роль крестьянина. Почему? Да потому, что эпохальная традиция **запрещает работать** любому идальго, отпрыску дворянского рода, пусть и обнищавшего до последней степени.

Казалось бы, традиционное общество победило: нелепый и обременительный запрет соблюден, человек готов нарушить закон и умереть на плахе, лишь бы не исполнять «низкую роль землепашца». А с другой стороны, в маргинальной клоаке зарождаются новые профессии и новые сословия – сословия людей, носящих маску, о которых ничего нельзя узнать достоверно. Они умеют удовлетворить любопытство публики выдуманной биографией, продемонстрировать приятную окружающим манеру поведения, получить максимальную выгоду от общения и сбежать до скандального разоблачения. Эта стратегия социальной адаптации была настолько эффективной, что не могла не получить распространения среди людей, в чьем социальном положении наблюдались те или иные «изъяны»: помехи для достижения желаемого, препятствия для воплощения амбиций и вообще все, что лишает надежды на «скорейшую сбычу мечт».

Так была заложена основа для индустриального общества. В нем уже все зависит от личности, а родственные связи не играют никакой роли. В индустриальном обществе, чтобы как следует познакомиться с человеком, необходимо завоевать его доверие, иначе придется удовольствоваться «легендой» - вроде тех, что в каждой серии использует Джеймс Бонд, отправляясь на очередное задание. Член общества предлагает окружающим на выбор две-три-пять масок – по мере надобности и в зависимости от места и времени общения. Вы можете прожить с кем-то бок о бок лет десять, не имея понятия, чем он зарабатывает на ежевечернюю порцию китайской еды и на кассеты с мелодрамами. А на одиннадцатом году в дом ворвется ФБР и повяжет вашего дружка как величайшего афериста, похитителя государственных секретов. Словом, в индустриальном обществе всякий из нас – немного пикаро.

Надо сказать, что, описывая обе формы, социологи отмечают: **полярных** разновидностей социума... не бывает. «Идеальных» вариантов, полностью соответствующим социологической классификации, в реальности не существует и никогда не существовало. Специалисты считают: все социумы – от «наиболее» традиционных до «наиболее» индустриальных - располагаются где-то посередине между воображаемыми «полюсами». К тому же в пределах **одного** общества могут сочетаться разные черты и разные формы социальных структур. Мы как раз и существуем в подобном «калейдоскопе» форм и черт: кто-то психологически так и остался в эпохе застоя, кто-то до сих пор не отошел от сложностей постперестроечного периода, кто-то старается приспособиться к сегодняшней ситуации, а кто-то всей душой в грядущем и тоже не очень хорошо понимает, что вокруг происходит. Все мы, сограждане, блуждаем «в сумрачном лесу» – те, кто путь земной прошел до половины, а также те, кто и до трети не дошел. Такова уж историческая обстановка. И каждый пытается анализировать полученные данные в силу установок своего аналитического аппарата. То есть действует так, как его запрограммировал полученный ранее опыт.

Чаще всего результатом этих усилий становится создание новых стереотипов и новых ритуалов: в представлении человека об окружающем мире **обязательно** должно присутствовать нечто устойчивое. Иначе разум погребут те самые зыбучие пески времени или бескрайние болота фобий и комплексов.

Индивидуальное сознание прокладывает тропу, во многом ориентируясь на сознание массовое.

Вот оно-то нас и подводит. Массовое сознание – необъятная кладезь... дилетантизма. Дело в том, что информация, обработанная и «пущенная в народ» дилетантом или группой дилетантов, как

правило, базируется не на индивидуальном выборе или знании, а на социальных стереотипах, на **типизированном** мнении. Феномен типизации общественного мнения родился как метод обработки сложных и зачастую расплывчатых суждений специалиста – суждений по любому вопросу. Что происходит после того, как эксперт, уснащая речь выражениями «мы предполагаем, что вероятность высока», «пока не обнаружено противопоказаний», «при известном стечении обстоятельств», «не исключена возможность», сделает, наконец, свое осторожное предположение и внесет робкое предложение? Происходит следующее: аудитория дилетантов, выслушав слова эксперта, упрощает его теорию, отсекает все «лишнее и непонятное» – и в примитивной, категорической форме несет информацию далее, в широкие народные массы. В результате самая сбалансированная, осторожная гипотеза получает вид довольно экстремальный. Вот почему типизированному мнению с его категоричностью ни в коем случае нельзя доверять. В нем, вероятно, содержатся крупинки истины, но ради них придется выступить в роли золотоискателя-неудачника – то есть промыть тонны песка ради нескольких граммов драгметалла. Многие люди предпочитают воспринимать общественное мнение как оно есть, не промывая. И получают весьма причудливые и, что греха таить, безграмотные представления о реальности. И все-таки стереотип был и остается удобен в качестве ориентира – пусть неверного – для всех, у кого собственных ориентиров в данном вопросе нет и не ожидается.

В описанной психологической ситуации к категории «лиц, лишенных собственных ориентиров» можно отнести: людей социально дезадаптированных, неспособных самостоятельно разобраться в быстро меняющейся современности; равнодушных или неприязненно настроенных лиц, не заинтересованных в положительном результате; особ, изначально позиционирующих себя в качестве «рупора общественности» - а проще говоря, демагогов. Все они видят в неопытном молодом человеке не индивидуальность, а всего лишь объект идеологической сделки: я произношу «правильные общественно-полезные» слова, а ты поступаешь, как велит твое сознание, окутанное идеологическим туманом. По ходу десятков – если не сотен - подобных «сделок» объект идеологической обработки теряет нечто очень важное. Он теряет **индивидуальный подход** к проблеме. Он забывает, что речь идет о его жизни, что это его выбор, что это его взаимоотношения с действительностью. А взамен конкретики, естественно, приходит абстрактная схема «общественно-полезного поведения».

Но каким образом, спрашивается, неоднократно упомянутое общественное мнение связано с воззрениями отдельных людей или социальных групп? Фифти-фифти. Или связано, или не связано.

«Общественное мнение следует рассматривать как некий коллективный продукт, но в качестве такового оно не является каким-то единодушным мнением, с которым согласен каждый составляющий общественность индивид, и не обязательно – мнением большинства»²¹. Словом, отдельные социальные группы могут не соглашаться с общественным мнением, специалисты могут не соглашаться с общественным мнением, индивидуалисты могут не соглашаться с общественным мнением – и тем не менее, в силу своей массовости, оно управляет поведением и предубеждениями людей. При всей своей сомнительности, ошибочности, устарелости. Поэтому каждое утверждение, извлеченное из этой «кладези», следует проверить и перепроверить.

В частности, миф о том, что личные контакты в индустриальном обществе менее искренние и открытые. Притом, что строгий анализ данных показывает обратное.

Именно в рамках индустриального социума у индивида больше «права голоса», а традиционная форма контакта не позволяет человеку выразить собственное мнение.

Особенно если это мнение не совпадает с мнением присутствующих. Разговор циркулирует в пределах социальной игры, идущей по правилам этикета, в частности, по кругу «светских» тем. Американский психоаналитик Э. Берн, создатель теории транзактивного анализа, называет это развлечением по сценарию «Болтовня Мэри»: рассуждения скучающих женщин, которые служат для структурирования времени (а проще говоря, для убийства времени) и для выбора партнеров для психологических игр²². Получалось нечто вроде движения маятника – от развлечений²³ к играм и обратно, от одной суррогатной формы общения к другой. Э. Берн считал, что игры, развлечения и ритуалы²⁴ помогают, при умелом использовании, разрядить

²¹ Блуммер Г. Коллективное поведение.

²² Психологические игры – ключевое понятие в теории транзактивного анализа (анализа общения) Эрика Берна. Игры – это последовательность актов общения, протекающая согласно закономерностям каждой из игр. «Существенной чертой игр людей мы считаем не проявление неискреннего характера эмоций, а их управляемость», писал Э. Берн. Игры являются суррогатами человеческого общения – так же, как ритуалы и так называемые «развлечения», но в отличие от последних игры чреваты эмоциональными взрывами, а также несут в себе скрытые мотивы и возможность выигрыша.

²³ Развлечения – формы общения, сходные с психологическими играми. Речь идет о беседе, не затрагивающей темы, значительной для собеседников, аффективно нейтральные, реже – достаточно насыщенные. В последнем случае участники частично разряжают эмоциональную напряженность, вербализуют собственную агрессивность. Психологические функции развлечений состоят в получении «психологических поглаживаний» – то есть знаков внимания от других людей, а также в «структурировании времени» – то есть в наполнении своего существования какими-нибудь занятиями.

²⁴ Ритуалы, в отличие от «игр» и «развлечений», представляют строго формализованные стереотипы общения, в которых личность практически не играет никакой роли. Тем не менее, ритуалы имеют для человека большую важность как средство для «подтверждения существования». А также, согласно теории М. Маслоу, ритуализация входит в перечень механизмов психологической защиты: речь идет о подчеркнуто благоговейном,

эмоциональное напряжение, снизить уровень агрессии, тревоги, страха – и все без лишних «душевных трат». Подобная система ограничивала не только открытое общение, но и само развитие потребностей. При ней, как полагают социологи, нет необходимости «открывать свои вкусы и предпочтения другим»²⁵, и «можно даже сказать, что у вас вообще не должно быть индивидуального вкуса»²⁶. Зато в индустриальном обществе гражданам позволено не только подчиняться принятым установкам, соответствующим их «положению», но и менять эти установки на потребу «личным целям».

Современная молодежь, действительно, намного свободнее в выборе **своей** системы ценностей, нежели были мы когда-то, лет двадцать пять тому назад. И все же следует признать: свобода имеет два лица – так же, как и милая русскому сердцу анархия – крайняя степень свободы. В теоретическом представлении анархия – такое социальное устройство, при котором нет нужды в централизованном управлении, в правоохранительных и правозащитных органах, в силовых структурах – и все потому, что граждане достаточно сознательны, чтобы по собственной воле исполнять законы общества. Преступников нет – поскольку неоткуда взяться самой **идее преступления**. А на деле что вышло? Хаос. Беспредел. Темный ужас. Вот как выглядит свобода, не сопряженная с ответственностью. Россия досыта хлебнула свободы без ответственности и до сих пор еще расхлебывает. Старшие это видят (а кое-кто помнит по собственному опыту), оттого и побаиваются обильно нахлынувшей свободы. Считается, что человек, пройдя через горнило, становится бесстрашным. Ничего подобного. Он просто начинает понимать, **чего** следует бояться, и перестает бояться **всего** или **ничего**, как оно было **до** получения опасного опыта. Младшим трудно понять подобное отношениям к реалиям. Их подход – амбиции и энтузиазм, да вдобавок ощущение, что всегда было и всегда будет так же, как сейчас.

Что же нам мешает бестрепетно глядеть в будущее? Негативный опыт? Да, конечно. Вопрос в том, какой именно.

Нельзя сетовать на все жизненные неприятности поголовно, необходимо локализовать проблему.

Тем более, что это скорее историческая, нежели индивидуальная проблема. И состоит она в том, что при смене типов общества неизбежно происходит следующее: расшатываются социальные нормы. Это явление сопровождается нарушением

«ритуальном» отношении к событиям, составляющим основу человеческого бытия, в частности, о комплексе символических действий, которыми в каждой культуре сопровождают рождение, совершеннолетие, брак, смерть. Соблюдение подобных форм поведения снижает уровень эмоционального напряжения, тревоги, страха.

²⁵ Мендра А. Основы социологии.

²⁶ Там же.

социальных правил и сменой социальных ролей. Как результат, растет число людей, не принимающих нормы и ценности общества. Возникает аномия²⁷, самое экстремальное выражение которой – самоубийство. К счастью, это не единственный метод, которым пользуются «недовольные» представители общества, чтобы адаптироваться к «времени перемен». В эпоху аномии также перерождаются **принципы** действия социальной регуляции – то есть принципы взаимоотношений между людьми и группами, между государством и гражданами, между организациями и работниками. Основа любой социальной регуляции – ролевая. В традиционном обществе социальные роли назначаются, в индустриальном – приобретаются. Итак, на взгляд человека, погруженного в эту обстановку, все выглядит не лучше конца света. «Распалась связь времен», и все такое. Ощущение безвыходности, страх превратиться в марионетку очередного политического шарлатана, невозможность удовлетворить первоочередные потребности – все это на нашей памяти. Это признаки кризисной эпохи, которую мы пережили, но не изжили.

Это было странное время – все против всех, а на твоей стороне никого, и даже ты сам не уверен, на чьей ты стороне. Мы, сами того не зная, четко подчинялись законам психологической реакции на крушение основ и устоев. Эпоху кризиса идей, согласно теории Макса Вебера, можно пережить только встав в оппозицию к существующим нормам. Существует три варианта оправдания для нарушения общественных установок. Первое – «авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение»; второе – «авторитет внеобыденного личного дара»; третье – авторитет «в силу «легальности»... и деловой «компетентности»²⁸. Так и мы: кто-то обожествлял «наше славное прошлое», классику, историческое вчера – и погружался в пассеизм²⁹; кто-то находил лидера по вкусу и всюду превозносил его харизму; кто-то пытался найти знающего эксперта и выяснить, что тот думает обо всем этом кошмаре. И все «протестующие» подыскивали личное обоснование для недовольства окружающим.

Со стороны (скажем, если вы выбрали одно обоснование, а ваш родственник или коллега по работе – другое) это выглядело форменным сумасшествием. Казалось, все наши ближние и дальние прямо обезумели: кто в религиозность ударился и пошел босой по

²⁷ Аномия – буквально «отсутствие закона», при котором общественное и индивидуальное сознание ужасается разложению системы ценностей, противоречию между провозглашенными целями (власть, богатство) и невозможностью их реализовать. Результат – отчуждение человека от общества, апатия, разочарованность, преступность.

²⁸ Вебер М. Избранные произведения.

²⁹ Пассеизм – пристрастие к прошлому, любование им при внешне безразличном отношении к настоящему, к прогрессу.

Руси, кто в политическую партию записался и прокламации раздает, кто в библиотеке сидит безвылазно, «Капитал» Маркса конспектирует. Ужасали и крайние проявления протеста, вызванные психологическим механизмом «отвлечения». Некогда вполне нормальные люди пытались избежать конфликта с обществом, но, будучи не в силах пересилить внутренний отказ от ценностей и норм, превращались в аутсайдеров, в бомжей, алкоголиков, душевнобольных, погруженных в мир собственных мечтаний. Другие призывали к публичному протесту – к бунту, мятежу, перевороту и повальным ревизиям, а себя норовили поставить лидерами народных масс.

Неудивительно, что, как в песне поется, «кто хоть однажды видел это, тот не забудет никогда». Мы и не забыли.

Из-за наших воспоминаний нам не нравится все, что хоть как-то напоминает об аномии – бунтарство и апатия, контактность и замкнутость, фантазирование и прагматизм, аполитичность и политическая активность.

Мы сразу представляем себе все самое худшее. В этом она и заключается, наша родительская проблема. Потому что дети постоянно демонстрируют эти качества и ведут себя как «граждане на грани аномии». И сразу так страшно становится! Не надо. Переломная эпоха закончилась. Наступила эпоха ремиссии³⁰. Так что, чем сетовать на все подряд, займемся-таки локализацией своих страхов и проблем. На первое место, как нам кажется, в этой гонке родительских тревог выйдут два вопроса – финансовый и сексуальный. Вряд ли найдется родитель, бесстрастно обсуждающий «это молодежное бесстыдство – первобытный промискуитет, да и только!» А что на самом-то деле происходит? Неужто мы действительно возвращаемся в доисторические времена? Или это всего лишь проявления подростковых гормональных бурь пополам с психологическим бунтарством?

Секс – не подростковое бунтарство

Чтобы ответить на эти вопросы, вернемся к общим тенденциям, проявившимся «в сфере сексуально-эротических ценностей и поведения:

- Более раннее сексуальное созревание и пробуждение эротических чувств у подростков;
- Более раннее начало сексуальной жизни;
- Социальное и моральное принятие добрачной сексуальности и сожительства;
- Ослабление «двойного стандарта», разных норм и правил сексуального поведения для мужчин и для женщин;

³⁰ Ремиссия – ослабление болезненных явлений.

- Рост значения сексуальной удовлетворенности как фактора удовлетворенности браком и его прочности;
- Ресексуализация женщин, которых викторианская мораль считала вообще асексуальными;
- Сужение сферы запретного в культуре и рост общественного интереса к эротике;
- Рост терпимости по отношению к необычным, вариантным и девиантным формам сексуальности, особенно гомосексуальности;
- Увеличение разрыва между поколениями в сексуальных установках, ценностях и поведении – многое из того, что было абсолютно неприемлемо для родителей, дети считают нормальным и естественным»³¹.

Причем последнее особенно любопытно. Указанные выше тенденции описывают изменения в менталитете, имевшие место в последние... сорок лет. Значит, **мы** так же доставали **своих** родителей, как **наши** дети достают **нас**. Определенно, все началось не вчера, и даже не позавчера. Все началось с мировой сексуальной революции, в которой мы... так и не участвовали.

Мы и не могли участвовать в мировой сексуальной революции, начавшейся в 60-е годы прошлого века. Мы тогда еще решали чрезвычайно интересные проблемы типа «Можно ли засунуть палец ноги себе в ухо?» или «От каких куличиков больше грязи?» Поколение восьмидесятых присоединилось к сексуальной революции лишь 20 лет спустя, когда наше отечество тоже принялось за «половой вопрос». Кстати, однажды, а именно в начале XX столетия, этот вопрос уже стоял перед Россией во всей своей неприкрытости. И тогда случилось то же, что и в конце XX столетия: события стали развиваться согласно стандартному сценарию. Он, кстати, касается **любой** сферы человеческой деятельности, переживающей революционные изменения: «В атмосфере общего социального кризиса провал либеральных реформ, естественно, открывает путь революции, которая, в случае отсутствия или неразвитости организованных структур, тут же перерастает в анархию. Так было в советской экономике, политике, межнациональных отношениях. Сексуальная революция пошла по тому же пути... отношение к сексу стало, как на Западе в годы «студенческой революции»³².

Да, все так и было. Вот только сексуальная революция на Западе совершалась в 1960-е, а в России – во второй половине 1980-х. **И это сегодняшним конформистам-родителям довелось внедрять азы сексуальной свободы в сознание своих родителей, ныне ставших бабушками и дедушками. А советская пресса,**

³¹ Кон И.С. Сексуальная культура в России.

³² Кон И.С. Сексуальная культура в России.

мир ее праху, призывала старших «не попустительствовать буржуазному разврату в стане молодежи». Все блага свободомыслия и цивилизации – от мини-юбок до художественной эротики – вводилось в обиход с продолжительными и кровопролитными боями. И не потому, что поколение шестидесятых, в отличие от поколения восьмидесятых, сплошь состояло из ханжей-импотентов. Просто сами стандарты полового и гендерного поведения в 60-е годы были другими: они соответствовали стереотипам другого сознания и другой морали. Это устоявшееся и, что скрывать, устаревшее видение мира тоже пришлось «заминировать и взорвать», чтобы изменить взгляды общества на сексуальность. В качестве «взрывоопасных материалов» применялась провокация: гиперсексуальное поведение, циничные суждения, кратковременные отношения... Ничего не напоминает, нет?

Методика провокации в сущности не изменилась. Наше поколение поступало так же, стараясь добиться права на интимную, личную, неприкосновенную жизнь.

Только мы были своего рода «запоздавшим авангардом» всемирного сексуально-освободительного движения, докатившегося, с двадцатилетним отрывом, до родных берегов. Потому-то и в наших «акциях» было больше манифестарности, демонстративности, подросткового психологического бунтарства. Мы ломали двойные стандарты и ратовали за ресексуализацию женщин, а также детей, потому что нас считали детьми – и зачастую совершенно незаслуженно! То, что сегодняшние родители некогда являлись форпостом сексуальной революции, сформировало у них довольно своеобразное представление о роли секса в «мирной жизни». Ведь «революционное время» превратило секс в средство социальной идентификации: человек словно видел отражение своего «Я» в глазах партнера. И ощущал себя именно таким, как в этом «зеркале» – сильным, слабым, умным, туповатым, смелым, робким, перспективным, безнадежным... Поэтому ради улучшения своего «полового имиджа» шел на все: манипулировал сознанием – своим и партнера, лгал себе и окружающим, бахвалился, эпатировал, рвал страсти в клочья.

Такое поведение в наши дни кажется странным до патологии. Неудивительно. Мы сами давно позабыли о тех рамках, в которых выросли, словно Гуинплен, втиснутый компрачикосами в уродующие тиски³³. Мы позабыли об ушедших стереотипах, проповедовавших тотальную «чистоту и невинность», коей и были «все возрасты покорны». Мы позабыли о нормах поведения, взятых прямым из викторианского сентиментального романа. Мы позабыли о том, как наши родители нервничали и возмущались по

³³ Гюго В. Человек, который смеется.

поводу нашей нравственности (вернее, безнравственности). И вообще позабыли, как вынужден был изворачивается **реальный** человек из плоти и крови, чтобы удовлетворить самые простые свои потребности! Именно поэтому многие из нас предпочли не хитрости с увертками, а прямой конфликт. И вот мы бились-бились - и добились. Добились права на половую жизнь. После чего наш боевой авангард через десятилетия пронес особый взгляд на секс: секс – это борьба! Секс – это манифест! Секс – это свобода, полученная на баррикадах! Наверное, из-за подобных ассоциаций родители-восьмидесятники нервно вскидываются, едва заметят у детей признаки сексуального поведения: а ну как детки полезут на баррикады и станут бросать в родню булыжниками? Успокойтесь. Перестаньте воображать себе все самое худшее.

Отглянитесь на младшее поколение: оно намного нормальнее нас, сексуальных революционеров.

Современная молодежь скорее прагматична, чем революционна: ведь она постепенно возвращается к «функциональной сексуальности», не требующей никакой «подрывной деятельности» для нормального полового развития личности. И младшее поколение не собирается ни соревноваться со старшим, ни внедрять в его сознание подспудное чувство вины (чем, откровенно говоря, не без пользы для себя занимаются многие родители, не сведущие в педагогике). Но мы упорно извлекаем с антресолей репрессивные меры – те самые, с помощью которых в свое время **наши** родители пытались вернуть **нас** в лоно стереотипов. Эти меры еще в 1928 году исчерпывающе описал Пэлем Грэнвилл Вудхауз: «Миссис Ивенс поделилась взглядом на современных девушек. Поскольку взгляды эти не отличались своеобразием, перескажем их кратко. Миссис Ивенс не понимала, куда эти девушки катятся. У них нет ни совести, ни уважения к старшим, а вот наглость есть – лезут, когда не спрашивают. Доводят мужчин до того, что те есть не могут. Если бы миссис Ивенс в юные годы так себя вела, ее матушка... Нет, нельзя и представить, что бы та сделала»³⁴. Скорее всего, матушка миссис Ивенс помянула бы всеу свою матушку и, отчитывая миссис Ивенс, постаралась бы заменить **личное** мнение и самой миссис Ивенс, и свое собственное догматом истины, оваянным веками – в данном случае догматом касательно поведения молодых девушек, нахально высказывающихся в присутствии лиц старше себя, а также лиц противоположного пола.

Под рукой у старшего, предъявляющего претензии к молодежи, всегда имеется пара-тройка примеров чего-нибудь этакого, оваянного веками. В зрелом возрасте мы часто прибегаем –

³⁴ Вудхауз П.Г. Даровые деньги.

прямо или опосредованно – к авторитету преклонного возраста, а то и к авторитету, заимствованному из мировой истории. То есть стараемся обеспечить себе поддержку целой армии конформистов, против которой лет двадцать тому назад дрались со всем пылом юности. Зачем? Затем, что теперь сами пытаемся ограничить кажущееся «сексуальное бунтарство» вчерашних подростков. И действуем традиционным способом – внедряя в сознании молодого поколения страхи самого разного рода.

Ведь это самое распространенное средство, которое помогает обуздать протест не сформировавшейся личности и взять ее поведение под контроль.

В то время как молодые люди просто живут, люди вполне взрослые занимаются именно борьбой, соревнованием или эскалацией комплекса вины.

Старшее поколение играет в психологические игры по сценарию «Попался, негодяй!»³⁵, цель у которых одна: заронить в душу молодежи страх. Страх перед опасностью, перед конфликтом, перед одиночеством... Правда, и жизненно важный выбор вместо личности может тоже совершить страх. Кто-то, вероятно, подумает: ну и пусть! Пусть выбирает страх – лишь бы не соблазнитель, красивый, усатый, наглый мерзавец с жестокими романсами на устах. Он разобьет моей деточке сердце, испортит жизнь, погрузит ее в депрессию, и она уже никогда не будет счастлива! Таким нервным родителям стоило бы послушать Сенеку: «Отдели смятение от его причины, смотри на само дело – и ты убедишься, что в любом из них нет ничего страшного, кроме самого страха». И помните: отсутствие свободного выбора для человека гораздо страшнее воображаемых ужасов с участием гипотетических растлителей умов и разбивателей сердец.

Молодого человека, даже довольно прагматичного в вопросах секса, все-таки гложут опасения насчет любви: «А вдруг выберут не меня или меня не выберут совсем? И я останусь в одиночестве. И все будут считать, что я второго сорта» – и далее в том же духе. Подобные перспективы ужасают и вполне зрелых людей, а уж молодых-то! Отсюда и нелепые поступки, совершенные под влиянием «душевного порыва», причем не только молодежью, но и людьми, как уже говорилось, вполне зрелого возраста.

У тридцатилетней Милы, умницы-красавицы, переводчицы-синхронистки, появился молодой человек, который ей не подходил. Отношения с Борисом у Милы строились тяжело. Но она старалась многое стерпеть. Она выглядела замкнутой, подавленной. Друзья не раз говорили Миле всякие неприятные вещи о ее друге:

³⁵ «Попался, негодяй!» – сценарий игры состоит в том, чтобы навязать партнеру «игрока» как можно больше обязательных условий, нарушение одного из которых влечет со стороны «игрока» реакцию гнева и возмущения. Чем больше вероятных условий, тем скорее они будут нарушены, тем ближе выигрыш для «игрока». Скрытый мотив игры именно в возможности разрядить агрессивный импульс, а выигрыш – в конечном психологическом подавлении партнера, лишении его свободы воли.

«Послушай! Такое терпеть нельзя! Этот Боря тебя измучил - но ты же не мазохистка! Боря тебе не подходит. Он, конечно, начитан, но совершенно неразвит и к тому же самодоволен, как индюк. Да ему надо коврик у твоих дверей мыть своим лучшим пиджаком, в ногах у тебя валяться - только за то, что ты согласна терпеть его общество!» Мила в ответ на такие тирады грустно вздыхала: «Я стою у ресторана, замуж – поздно, сдохнуть – рано». Притом, что она была девушка умная, стильная и обаятельная. Людям опытным, не раз наблюдавшим аналогичные мезальянсы, известно: тот, кто лучше, не обязательно на высоте положения. Тот, кто умнее, зачастую смиренно просит придурков об одолжении. Терпит хамство, сносит обиды и виду не подает. А все потому, что боится. Боится одиночества, как будто с мерзким Борей бедная Мила не одинока. И, главное, она никого не ищет взамен - ведь у нее уже все есть! Ну что ж, скажет проницательный читатель, девушке Миле семьей изобавиться надо. А этот, пусть плохонький, но все же «синица в руке».

Но дело не столько в отсутствии «широкого выбора партнеров», сколько в подавленном состоянии девушки. Вариант «с другого полюса»: Наташа, хорошенькая девушка двадцати одного года собралась замуж, уступив домогательствам неподходящего кавалера. Все знали, что будущий муж Наташи в буквальном смысле слова выплакал ее согласие. Просто приходил и устраивал Наталье тихие истерики с обильными мужскими слезами - прямо возле института. Казалось, более глупой и проигрышной тактики поведения со стороны парня и придумать трудно. Однако своего он добился. Что называется, взял измором. Наталья готовилась к свадьбе, но особой радости в глазах невесты не светилось. Поэтому мы, собственно, и решились у нее спросить: «Послушай, Витя тебе, похоже, не очень-то нравится. Зачем же ты выходишь за него замуж?» Опровергать сказанное Наташа не стала и ответила безличным тусклым голосом: «Если всерьез разбираться, что подходит, а что – нет, можно и одной остаться». Спрашивается: красотка молодая, чего ж ты себя не жалеешь? С возрастом у Наташи все было в порядке, спешить некуда.

Две диаметрально противоположных ситуации – и одна общая ошибка. Что заставляет человека соглашаться на заведомо проигрышный вариант? Боязнь остаться один на один с вариантом еще худшим, а именно - растерять всех «синиц» и «журавлей» подчистую.

И вот вопрос: кому оно нужно - доводить женщин и девушек до идиотских «душевных порывов», чреватых самыми тяжелыми последствиями? На него существует ответ простой и ужасный: обеих - и Милу, и Наташу - смяло давление среды.

Из-за прессинга со стороны окружающих - основной причины детских и недетских страхов - наша женщина готовится к «черному дню» с юных лет.

Именно по этой причине она хватается буквально за первого встречного, потому что больше всего на свете боится, что второго и третьего мужчины в ее жизни не будет. «Замуж надо выходить за первого, кто предложит!», «Девятнадцать лет – самое время для замужества, старуху-то кто возьмет?» и множество тому подобных высказываний объединяются в идеологические структуры в духе шуток из журнала «Пшекруй»: «Есть два типа мужчин: одни молодые, симпатичные, с будущим, другие подумывают о женитьбе». Нечего дожидаться принцев или хотя бы симпатичных парней с будущим – бери того, кто вообще готов жениться!

Сцилла и Харибда общественного мнения

В этом душераздирающем сюжете о том, как социальная среда уминает и утаптывает незрелую, неопытную личность, прослеживается одна странность. Ведь термином «социальная среда» обозначается не мифическое чудовище – эдакая помесь Сциллы и Харибды, им обозначаются родственники, друзья и знакомые терроризируемой личности. Откуда, спрашивается, столь злонамеренное отношение, прямо-таки саботаж родственных чувств? О содержании так называемых «родственных чувств» мы поговорим позже, а пока остановимся на тех проблемах, которые нам создает наш круг общения – да мы и сами себе их создаем, подменяя индивидуальное внимание психологическими играми, развлечениями и ритуалами. Соблазн велик – вот почему многие из нас преследуют именно эти эгоистические цели, а вовсе не «помогают ближнему». Разве что у ближнего те же потребности: разрядить и снизить все, что давит на мозги – и без лишних трат.

Ритуальные и игровые формы поведения преобразуются в стандартные формулы, советы, предложения: конечно, тебе стоит приглядеться к этому парню, конечно, тебе уже пора замуж, конечно, мы плохого не посоветуем... Хотя вероятность «посоветовать плохое» весьма велика. И не из-за тайной злонамеренности, как может показаться на первый взгляд, а именно из-за «ритуального сопереживания»: ведь у него разные цели с индивидуальным сопереживанием.

Ритуальное (или, если хотите, игровое) сопереживание служит эгоистическим потребностям, индивидуальное – альтруистическим.

Есть и более серьезные отличия: в частности, в ходе **реального** общения, происходящего между **личностями**, а не между **игроками**, возникает обмен информацией, а **игровое** общение – не что иное, как обмен **ходами** на пути к победе или к проигрышу. Конкретная ситуация, взятая из жизни конкретного человека, превращается не то в шахматную партию, не то в газетную статью... И отношение к ней соответствующее: без ответственности, без желания помочь, без личной связи – и это вполне логичное «ограничение». Ни к шахматным фигуркам, ни к «бумажным человечкам» подобные чувства испытывать попросту невозможно. А информация... Ее легко исказить, практически не меняя основного содержания. Этим искусством в совершенстве владеют идеологи и, как результат, «рупоры общественности», которым публика так охотно верит. А зря.

Проблема усугубляется некоторыми «особенностями национального сексизма». Наше общество до крайности жестоко относится к женщине. И, как ни странно, все потому, что именно женщина служит для социума стержнем. Говоря языком истории,

Россия – патриархальная страна, скрывающая свою матрифокальность. Переводя на разговорный язык, мужчина правит, женщина делает. Поэтому на женских плечах традиционно лежит огромная нагрузка. Женская запуганность и неразборчивость, примитивное, «биологизированное» поведение женщины в России – вот «плюс», которым, согласно старой шутке американского архитектора Фрэнка Ллойда Райта, архитекторы нашего общества могут прикрыть свои ошибки.

Готовность взять в мужья кого придется, отказаться от карьеры ради материнства, «поднимать семью» любой ценой – чаще всего ценой своих собственных потребностей и амбиций – вот «общественно-полезные» свойства «женщины русской земли»³⁶, описанной еще Некрасовым.

Высокая избирательность, эгоистические побуждения, уверенность в себе – все это расшатывает, разрушает экономические структуры, построенные на заниженной самооценке человека, на его готовности «хоть как-то прожить».

Положение женщин в этих структурах – базисное: обеспечивать человеческими ресурсами не только настоящее, но и будущее страны. Так что выбраться из социальной «паутины» ролей и обязанностей женщине особенно сложно. Социум, будто чары, насыщает страхи, используя запугивающую идеологию, упреки в пренебрежении к традициям, могучий комплекс вины и прочее психологическое оружие. Дождаться момента, когда условия не просто улучшатся, но это улучшение достигнет, наконец, лиц женского пола – причем как в мегаполисах, так и в глубинке – значит, дождаться **полного решения проблем** российской экономики и морали. Представляете, сколько времени это займет?

А на данном этапе, как, впрочем, и всегда, социуму требуется особа, нацеленная на выживание, не разбирающая, что подходит ей, а что нет. Идеология старается «запрограммировать» соответствующим образом максимальное количество девушек. И те, кто не имеет никакой поддержки – ни внешней, от понимающих близких, ни внутренней, от укоренившихся амбиций, – становится покорной жертвой идеологического насилия. Противостоять такому обхождению можно и нужно. Но не на демонстрациях с лозунгами в руках, а внутри себя. То есть прежде всего не принимать на веру стереотипы, сложившиеся в массовом сознании задолго до нашего рождения. И не бояться «идеологических страшилок», которыми современную женщину загоняют в рамки «некрасовского образа», многострадального и многотерпеливого. Тем более, что многие из этих «страшилок» верны только на первый взгляд.

³⁶ Некрасов Н. Мороз, Красный нос.

В частности, с первой половины прошлого века до сегодняшних дней в анналах идеологии присутствует устрашающая история о «мужчинодефиците». Расплывчатые, но неприятные данные – какие-то мизерные проценты, какие-то десятые доли мужчины, приходящиеся на женскую душу в городах и селах – все они прочно оседают в мозгу. И большинство женщин, чья жизнь в браке не задалась, пытается утешиться рассуждениями следующего рода: «Ну, я, слава богу, хоть замужем. А сколько сейчас пьяниц, наркоманов, уголовников, психов разных?!» Мы можем сказать, сколько. По последним подсчетам, мужчин репродуктивного возраста (то есть не детей и не дряхлых старцев) в России около 20 миллионов. Причем неподходящих для брака лиц – тех, кто страдает алкоголизмом и различными формами наркозависимости, находится в местах заключения и т.п. – около 9 миллионов. Остается 11 миллионов. Разумеется, можно взглянуть на эту ситуацию следующим образом: «Ну все! На мою долю точно не хватит! При таком положении в стране с мужиками...» С этой позиции рассматривает статистику общественное мнение. Оно же, капля за каплей, формирует мнение индивидуальное. Естественно, при таком раскладе о достоинствах избранника речи быть не может. Он сам по себе подарок, по факту существования. Вот почему на просторах нашей родины молодые девушки, как правило, страдают от заниженной самооценки и повышенной тревожности по поводу вероятного – или, точнее, невероятного - замужества.

А между тем, есть и другой взгляд на вещи. Спросите себя: неужто среди 11 миллионов мужчин – 11 миллионов только в России - не найдется ничего подходящего **мне**, особенно если искать с умом? Стоит приглядеться к этим цифрам: мужчин миллионы, а требуется один – по крайней мере, один на данный момент в качестве мужа. Если бы вам, например, довелось выбирать себе пару босоножек среди 11 миллионов пар, вас бы похоронил Эверест коробок с обувью – и никакое МЧС не сумело бы вас откопать. Только это, пожалуй, и помешает свободному выбору личности, нуждающейся в босоножках. Или в мужчине.

Когда мы счастливы – то есть когда уровень тревожности минимальный, нам и в голову не приходит вычислять, к какой категории нас относит социология – к 80 % или к 0,3 %? Это **наша жизнь**, а не социологический опрос.

Ориентация на «массовый результат» появляется только в тех случаях, когда нам хочется гарантий.

Чтобы беспроблемно, безошибочно, беспрепятственно получить все то, чего хочется. Правда, в статистике никаких стопроцентных гарантий не предусмотрено, ни для кого. Из любого большинства всегда найдутся исключения – хоть один процент, хоть два, а чаще десять, двадцать и более. Причем в численном эквиваленте это

могут оказаться сотни тысяч человек. Немаленькая компания? Потому-то и не следует апеллировать к статистике, когда речь заходит об индивидуальности. Приглядевшись к ситуации, понимаешь: проблема заключается отнюдь не в статистических выкладках, а в желании получить моральную поддержку. Кстати, искать эту поддержку следует в собственном мировоззрении, а не в среднем арифметическом итоге какого-то опроса. Ведь наше желание решить задачу напрямую зависит от установки на успех... или на поражение.

Установка на поражение в данном случае приходит в наше сознание прямиком из биологической программы. Эволюционные механизмы выживания популяции складывались без учета человеческой личности, но это не значит, что на людей они не действуют. В психологической проблеме, о которой идет речь, участвуют два компонента: страх, одна из самых мощных мотиваций; а также гормональный сдвиг, происходящий в организмах живых существ после катастрофических событий – эпидемий, землетрясений, войн. Они усиливают друг друга и оказывают на сознание очень мощное влияние. Биологическая программа активизируется и вызывает сильнейшую потребность в размножении. Поголовье растет, рождаемость увеличивается. Так природа старается компенсировать потери и восстановить численность популяции.

У животных через некоторое время биохимические изменения проходят, и все возвращается на круги своя. С людьми сложнее. Сознание «цепляет» и удерживает некоторые установки с огромной силой. Гормональный «допинг» неспособен создать устойчивую психологическую структуру, а сознание человека – еще как способно. Вот почему за период «повышения рождаемости» в психике целых поколений возникает и укореняется потребность иметь побольше детей – неважно, в браке или вне брака. С годами личная потребность трансформируется в материнскую заботу – так появляется неистовое желание подыскать пару для своего потомства, чтобы поскорее увидеть внуков. При поддержке (в основном моральной) со стороны государства соответствующий взгляд «прорастает» в сознании четкими установками: любой ценой найти себе брачного партнера и оставить потомство! При том, что государству нужны все новые и новые человеческие ресурсы, возникает замкнутая система: общественное мнение – индивидуальная установка – общественное мнение.

Разве вы и ваши дети родились лишь для того, чтобы стать галочкой в социальной анкете, миллионной долей процента в статистическом отчете? Нет, конечно же. Каждой личности необходимо иметь собственную систему ценностей, критерии отбора, образ успеха... Но в любом случае воспринимать себя как

заведомого неудачника нельзя. Иначе мы строим между собой и успехом настоящую Китайскую стену. В результате, можно сказать, человек сам себя сажает в «психологическую тюрьму» и оставшиеся годы жизни смотрит на яркий, свободный, прекрасный мир через зарешеченное окошечко. Дескать, как там замечательно – но я-то здесь...

Психология человека амбивалентна: она легко маскирует ловушки под «свет в конце тоннеля», а выход – под непроходимую топь.

Есть также тюрьмы, возникшие в результате... неконтролируемой свободы. То есть, конечно, не из-за свободы как таковой, а из-за отсутствия четкой позиции – внутренней и внешней: хочу то-то и буду добиваться своего, ничего другого мне не предлагайте! Иной раз человек или сам не знает, чего хочет, или не представляет, как добиться желаемого, или не может устоять под натиском «мусома». Помните, у хоббитов так называлась «всякая вещь, которую девать было некуда, а выбросить жалко... Такого мусома в жилищах у них накапливалось изрядно, и многие подарки, переходившие из рук в руки, были того же свойства»³⁷. Моральный «мусом» как раз и состоит по большей части из устаревших стереотипов, типизированных мнений, одряхлевших стандартов. Но не всегда «мусом» представляет собой сплошное пыльное старье. Некоторые писклявые звуки, изданные модой и принятые аудиторией близко к сердцу – это тоже «вещь, которую девать некуда, а выбросить жалко».

«Не нужны мне мама, ваши советы»

Обременительные черты «мусома» появились даже у такой соблазнительной сферы жизнедеятельности, как... секс. Именно по вине моды. На рубеже тысячелетий секс не просто освободился от многих запретов - он стал элементом престижа, и у него появились качественные характеристики. Сейчас нередко можно услышать: «Мне необходим хороший секс!» или «Это был некачественный секс!» Чтобы получить качественный секс, нужен не только образцово-показательный партнер, но и самой следует быть достойной хорошего секса. У секса появились «спортивные стороны». Подобные «нововведения» принципиально изменили отношение к сексу со стороны женского пола.

В традиционном обществе секс главным образом воспринимался и применялся как оружие, с помощью которого женщина берет в плен и удерживает выбранного ею мужчину. Кстати, многие «военные» игры по мере уменьшения кровожадности человечества перешли в категорию игр спортивных. Но секс – не биатлон, чтобы с той же легкостью переходить из

³⁷ Толкиен Дж.Р.Р. Властелин колец.

категории «погранично-охранной» в категорию «спортивно-развлекательную». Слишком многое с ним связано – даже в нашу странную эпоху. Неудивительно, что женский пол растерялся. С одной стороны, что мешает женщинам по-прежнему вести себя согласно племенным заповедям амазонок, отлавливающих мужчин по мере надобности? Спортивно-сексуальные правила ничуть этой стратегии не мешают – наоборот, упрощают процедуру: победивший в честном соревновании в качестве приза получает соперника со всеми потрохами. С другой стороны, в отличие от амазонок, нормальные женщины испытывают потребность не только в физиологическом, но и в эмоциональном контакте с отловленным мужчиной. А способен ли «спортсмен-сексоголик» на эмоциональные проявления?

Рита второй год работала в фирме и считала себя вполне зрелой и опытной особой. Студенческие романчики остались позади, беготня по кафешкам и танцуйкам утомляла, хотелось чего-то нового, более зрелого, основательного... Нет, замуж она пока не собиралась, вот только подобрать кавалера «по себе» было ничуть не легче, чем хорошего супруга и заботливого отца будущим детям. У Риты, на первый взгляд, было все для удачного выбора: красивая внешность, а также широкий круг знакомых, который без конца пополнялся – сотрудниками фирмы, посетителями официальных и неофициальных тусовок, друзьями приятелей и приятелями друзей. Она неплохо ориентировалась в этом «море лиц» и могла бы замечательно устроить свою личную жизнь, но... Риту мучило ощущение, что она, будто ночник в спальне, привлекает каких-то кровососущих насекомых, только в человеческом обличье – мускулистых типов с наглыми глазами и явным намерением «воспользоваться шансом», дяденек с разной толщины бумажниками и неприятной ухмылкой. А то и вовсе каких-то уродов, с первых минут знакомства намекающих на ожидающие Риту «незабываемые наслаждения». Такое отношение Риту совершенно не устраивало.

Однажды, в минуту жизни трудную, она разоткровенничалась со своей родственницей. Нина, работавшая не то психиатром, не то психоаналитиком, долго расспрашивала Риту о мелких скучных подробностях, на первый взгляд не имеющих никакого отношения к ситуации. Потом важно изрекла: «Ты неправильно себя ведешь с мужчинами! Надо знать, на что реагируем мы и на что – они. А ты, дорогая, ведешь себя чересчур вызывающе, активно демонстрируешь свое красивое тело, хорошенькое личико, вот и...» Дальше Рита даже не слушала. Опять эти нотации! Сама эта Нина красавицей и в юности не была, пылким темпераментом не обладала, да и карьеры выдающейся не сделала... В общем, брать с нее пример не хотелось, и консультация Рите скорее разозлила. Так все и шло «по накатанной», пока Риту не повысили. На новой должности на девушку свалилось много работы: пришлось разруливать дела, запущенные предшественником, налаживать бесперебойный ход процесса... На себя у Риты уже просто не хватало времени: ее привычная демонстративность сменилась деловитостью, чувство ответственности пригасило категоричность. Ей было не до привычных легкомысленных уловок – надо было беречь силы и думать, как ее будут воспринимать окружающие. Новая должность буквально «сожрала» имидж сексапильки-агрессорши. Забавно, но серьезные отношения с молодым человеком начались именно тогда, когда Рите стало «не до мужиков».

Будь Рита повнимательнее к советам «старорежимной Нины» – ей было бы проще решить свою проблему общения. Ведь проблема в том и состояла, что девушка не смогла себя, как сейчас говорят, «правильно позиционировать»: применяла хорошо освоенные методы «студенческого флирта», не понимая, что решает уже совершенно иные задачи. Для зрелых взаимоотношений

требовался другой образ поведения, но Рита, свыкшись с безотказными сексуальными приемами, не задумывалась над их «ролевой ограниченностью». Психиатр по имени Нина, вероятно, не обладала эффектной внешностью и сексапиллом, но дала бы родственнице полезный совет.

Надо четко знать свои потребности и строить свои контакты с окружающими соответственно этим потребностям, а не демонстрировать модное нынче высокое либидо всем подряд.

Ведь Риту спасла случайность: она бросила «студенческие фишки», потому что была слишком занята – и ее поведение стало более естественным и «человечным». Вот она и получила то, чего **хотела**, но чего сознательно **не добивалась** – внимания к себе как к личности. Спросите: почему прежние знакомые не видели в ней личность? Потому, что каждый современный человек предоставляет малознакомым людям в качестве своего «Я» не всю, как есть, подноготную, а целый набор масок и ролей. Вот Рита и выбрала, как ей казалось, наиболее привлекательную – маску сексуального объекта. И отношение к ней было соответственным, хотя девушке требовалось совсем другое. Сохранись этот статус кво на долгий срок – и Рита бы разочаровалась в мужчинах, присоединилась бы к обществу «сексисток-злопыхательниц», охотно обсуждала бы тему, к какому виду копытных относятся мужики, а ее эмоциональная жизнь так и осталась бы ущербной.

Но так уж устроен человек: он воспринимает и осмысливает только то, до чего созрел, то, что готов принять. Остальную информацию он усваивать не хочет – и отвергает, уничтожает, словно компьютер - зараженный файл. Это явление носит название «психической слепоты». К тому же женщина (в любом возрасте), как правило, спрашивает совета тогда, когда подсознательно решение уже принято. Ей нужно подтверждение ее выбора, а не чье-то мнение. Проблема усугубляется тем, что неверный **личный** выбор зачастую инсинуирован **общественными** стереотипами. В том числе и соревновательным отношением к интимной жизни.

Немало девушек озабочены тем, что искусно воплощают «сексуально-спортивные идеалы», жертвуя собой. Но как обстоят дела с «личной жизнью» привлекательных, умелых, сексапильных «рекордсменок»? Честно говоря, не намного лучше, чем у викторианских барышень. Раскованные, эмансипированные и сексуально подкованные девушки так же часто страдают от снижения либидо и даже от полного отсутствия оргазма. Все оттого, что им приходится действовать в том же духе, что и героиням сентиментального романа. А именно... подменять реальность иллюзорностью.

Если пуританские нравы не позволяли ни девушке, ни женщине демонстрировать свою сексуальность, то

гиперсексуальная культура рубежа тысячелетий, наоборот, требует подобной демонстрации.

И в том, и в другом случае от женщины ждут спектакля по общепринятому сценарию: «Что вы себе позволяете!» или «Я вся такая неукротимая...» - каким бы ни был индивидуальный настрой «актрисы». Современные «исполнительницы модных сексуальных ролей» уделяют огромное внимание внешним эффектам: «Как я выгляжу? Что обо мне думают? Какое я произвожу впечатление? Достаточно незабываемое?» Оттого «суперлюбовницы» нередко вынуждены симулировать оргазм. Им кажется, что, согласно мужским стандартам, полноценная женщина обязана переживать «оргазмический фейерверк». Всякий раз. Во что бы то ни стало. И если ничего феерического на горизонте не видать, мужчина, по идее, непременно «делегирует ответственность» партнерше: «Это ее проблемы - она какая-то вялая, холодная, бестемпераментная». Чтобы доказать свою «полноценность», женщина старается продемонстрировать яркое, взрывное удовлетворение. Желание мужчины видеть мощную разрядку женщины давит на поведение партнерши и даже снижает ее реальные «шансы на оргазм»: она не в силах отвлечься ни на секунду и вообще чувствует себя связанной.

Нелегко приходится и мужчине, если он готов принять современное представление о сексе – демонстративный компонент, вызывая в его мозгу все те же вопросы насчет «незабываемого впечатления», нервирует и отвлекает от полового акта как такового. Притом, что равнодушное, потребительское отношение к партнерше может «дорогостоять». Ведь для молодого человека репутация неопытного, грубого, эгоистичного любовника, неспособного удовлетворить женщину – самый черный из всех возможных пиаров. Репутация вчерашнего подростка, как правило, строится именно на его притягательности, «экстра-сексуальности» и на том самом «опыте», который помогает указанные качества развивать и демонстрировать. Остальные атрибуты «крутости» могут оказаться всего лишь средствами для достижения сексуального успеха. Причем нередко между сексуальным и социальным успехом ставится знак равенства.

С одной стороны, мужчины в юности действительно гиперсексуальны, с другой – секс является самым распространенным средством для повышения самооценки в молодежной среде. Позднее у большинства людей возникают другие, менее «биологические» способы поднять самооценку, но в молодом возрасте и сознание, и организм сильнее подвержены инстинктивному, наследственному поведению.

Конкуренция в сексуальной сфере – своего рода «игры молодых», подготавливающие почву для «взрослой» конкуренции в сфере социальной.

Соревновательность в сексе – закон, безусловно действующий в дикой природе – в человеческом обществе работает с перебоями. Все потому, что животное ведет инстинкт, а человека – эмоции, что не одно и то же. Инстинкт не знает сомнений и не видит препятствий, а наша эмоциональная сфера основана на страхах и аффектах, зачастую измененных до неузнаваемости³⁸. И потому конкуренция в интимных делах может вовсе отвратить от сексуальной сферы робких, замкнутых, не уверенных в себе людей – тех, кому особенно необходима любовь и вообще средство повысить свою самооценку. Но скажите: кто в юности не чувствовал себя замкнутым и неуверенным?

Когда возникло странное представление о сексе как о спортивном состязании, общество в первую очередь принялось сетовать на падение нравов, хотя главная проблема заключалась в другом: в коренном изменении восприятия сексуальной сферы. Из области наслаждений оно переместилось в область нагрузок. Ведь удовольствие от «испытания на прочность» невелико – примерно то же, что и при посещении тренажерного зала. Попахали, попотели и ушли с чувством глубокого... морального удовлетворения. Позабыв про удовлетворение сексуальное – какой секс в спортзале или на театральной сцене? Максимум, что здесь может быть, - это **имитация** сексуальных движений и реакций. И все – ради впечатления, произведенного на публику.

Взрослый человек понимает, что секс – та сфера жизни, в которой не стоит никому ничего доказывать.

Для молодежи секс – способ самоутверждения, личный компонент, превращенный в демонстративный.

Зрелая личность понимает, что и к себе, и к сексуальному партнеру надо относиться по-человечески: прощать ошибки и слабости, дарить внимание и ласку, и главное - не равнять индивидуальные особенности по «мировому стандарту» - два безусловно красивых человека любят друг друга на дизайнерских простынях. Тем более, что именно в сексе нет ничего стандартного, все глубоко личное. Поиск и выбор партнера, формирование индивидуальных сексуальных предпочтений и собственного варианта сексуального поведения – довольно сложная, но неизбежная сторона взросления. Конечно, в этой области сознательное и бессознательное, биологическое и социальное так переплетены между собой, что неспециалисту очень трудно разобраться в побуждениях, заставляющих человека совершать те

³⁸ Аффект – относительно кратковременное, сильно и бурно протекающее эмоциональное переживание (ярость, ужас, отчаяние и т.п.). Сопровождается резкими выразительными движениями, криком, плачем. Отщепленный аффект «отделяется» от своей идеи и «присоединяется» к тем идеям, которые более приемлемы для сознания, ущемленный аффект подавляется вместе с относящимся к нему психическим содержанием, существует также инверсия аффекта, превращающая аффект в собственную противоположность.

или иные поступки. И зачастую – довольно глупые. Родители время от времени только диву даются: что это с моим сыном/дочкой происходит? С чего вдруг такое вызывающее/подавленное поведение? Неужели он так распушен/закомплексован? Не мы ли, родители, виноваты? Или это друзья его настроили? Может, лучше избавиться от друзей, они плохо на него влияют? Или, напротив, ему надо побольше общаться со сверстниками?

Спрашивается, чем родители могут помочь ребенку в решении его коммуникативных – и особенно, сексуальных - проблем? Ввести сексуальный ликбез с посещением лекций и семинаров? Поощрять сексуальные эксперименты молодежи? Или, наоборот, ограничить сексуальную свободу – по крайней мере настолько, чтобы не возникало никаких «олимпийских ассоциаций» и «спортивных соревнований» там, где не следовало бы? Или просто не обращать внимания – а там что вырастет, то вырастет? Никаких «панацей» в данном вопросе не существует. Все дети - разные, и родители – разные, и социальная среда везде особенная. Помочь в решении жизненно важных – да и неважных - задач могут: знание индивидуальных качеств – и своих, и своего ребенка – плюс здравый смысл в анализе сложившейся ситуации.

Залогом верного подхода станет избавление от стандартизированного восприятия.

Не переносите на свою семью выдуманных идей и правил, давно почивших в бозе или буквально вчера взлетевших на гребне моды.

И не пытайтесь представить себе «все самое ужасное», что может произойти с вашим подростком **вне семьи**. Подобные мысли – ловушка. И для вас, и для вашего ребенка. Кошмарные картины, нарисованные встревоженным родительским воображением есть не что иное, как самооправдание для дальнейшего жесткого контроля. Никто не в состоянии развиваться как самостоятельная личность, оставаясь послушным малышом, непрерывно спрашивающим у старших: а это мне можно? А это? В конце концов, «взрослые» проблемы, стоящие перед вчерашним подростком, сложны, но разрешимы. Вы-то их решали? Почему бы и вашим детям в положенный срок не разобраться в себе и в жизни? И не думайте, что вашим детям придется особенно туго, поскольку некая абстрактная «нравственность» все падает и падает куда-то в пропасть. Одни рамки разрушаются, другие возникают. Поэтому и социальное, и сексуальное поведение человека беспрестанно меняется. Так было всегда – и, по всей видимости, так всегда и будет.

Но, спросят родители, вокруг столько опасностей и соблазнов – как же нам не волноваться? Что же, волнуйтесь. Но не переносите этого чувства беспомощности, опасения, тревожности на своего

ребенка. Он ведь тоже испытывает эти ощущения – причем намного острее, чем взрослые. Так что, если «приплюсовать» к его переживаниям ваши – легко получаем невроз и всякие другие негативные последствия. Для вас есть лишь одно средство снизить уровень тревожности. Необходимо изменить свое восприятие по отношению к ребенку, который уже не ребенок.

Невидимые миру тещины слезы

Анекдоты, юморески и интермедии про тещей, свекровей и прочих «благоприобретенных» родичей – целая сфера развлекательной индустрии. Сфера, построенная на невидимых миру слезах – причем обоюдных. Свекрови или теще, вероятно, и самой несладко приходится. Особенно если она все еще воспринимает свою «деточку» именно как деточку, а не как вполне половозрелую личность, имеющую право на личную половую жизнь. Вот и цепляется за все формальные поводы, позволяющие «отказать в сексуальной самоидентификации» человеку уже довольно взрослому (если не в психологическом, то в физиологическом плане). Как срабатывает этот механизм, «прячущий» от нашего сознания наши же подсознательные мотивации?

Оставив за кадром социальный аспект проблемы, остановимся на аспекте биологическом. У высших животных, которым свойственна забота о детенышах, выросшее потомство просто-напросто изгоняется и отправляется искать собственные охотничьи угодья и собственных сексуальных партнеров. А если подросшие детеныши остаются с родителями и получают место в стае, то все равно их интимная жизнь до поры до времени «под запретом»: ведь активно размножается, как правило, только доминантная пара, все прочие соблюдают целибат³⁹. Это два основных способа решения проблемы сосуществования старших и младших поколений в дикой природе.

Словом, дикая природа опять-таки не в силах предложить никаких разумных форм погашения конфликта. Придется снова подключать сознание, а инстинктивную реакцию по мере возможности подавить. Как это сделать с минимальными энергетическими и эмоциональными затратами, но с максимальным психологическим эффектом? Главное условие – это **осознанное** поведение. Родителям приходится преодолевать не только свой собственный страх, но и недоверие со стороны подросших детей, сомневающих в «широте взглядов», свойственных «предкам».

Если родителям не удастся вести себя «по-человечески», а не в духе доминантной пары в дикой стае,

³⁹ Целибат – обязательное безбрачие.

то они обычно предпочитают манеру «демонстративного непонимания».

До поры до времени «детям» удается скрывать, чем они там, за закрытой дверью, занимаются со своими подружками/друзьями. Родители вроде бы верят глупым отговоркам типа «музыку слушаем». И к тому же время от времени уезжают на уикенд. Так что «перерыв на секс» выкроить можно.

Но с возрастом скрываться становится все труднее. Особенно в тот период, когда романы перерастают в «пробные сожительства» и гражданские браки. Значит, родителям молодого человека надо быть готовым к тому, что однажды в доме появится некто (скорее всего, практически незнакомая личность), с кем придется считаться и общаться, как с новым родственником. Надо признать, к такому оказываются готовы немногие. И те, кому совершенно не по душе сам факт, что его «сопьяк» уже живет сексуальной жизнью, чувствуют себя «в своем праве». Родители, планомерно выживающие из своего дома «сожителей» своего подросткового потомства, могут «с ходу» набросать целый список причин, согласно которым «эта особа/этот мерзавец» не пара их «кровиночке». Причем **реальная** причина, как правило, одна-единственная: страх потерять свое чадо, как только в его жизни появится любовная связь, достаточно прочная, чтобы задержаться на несколько лет. И не только единственный ребенок в семье становится жертвой подобного «родительского террора». И, кстати, сам террор может начаться не тогда, когда «эта зараза» переступает порог, а постепенно, исподволь.

Ли́ка училась в академии физкультуры и подрабатывала на подтанцовках. Олег заканчивал аспирантуру на мехмате и подрабатывал в фирме. Познакомились они в клубе. Это была «любовь с первого взгляда». Вскоре молодые люди решили жить вместе... в доме родителей Олега. Семья у Олега была большая: родители, братья и сестра. Вначале Ли́ку встретили вполне благосклонно. Правда со временем обнаружилось, что у «невестки» много недостатков – например, имеются свои интересы, она достаточно загружена на работе и в институте, устает не меньше Олега и потому в свое свободное время предпочитает отдыхать и развлекаться, а не сменять потенциальную свекровь, деловую женщину Галину Борисовну, у плиты или стиральной машины – тут, естественно, Ли́ка стала ощущать свою второсортность на каждом шагу. Над ней издевались, если она чего-то не знала или не умела. Каждая ее ошибка вызывала волну пересудов и нотаций: велели купить еды и ждали, что Ли́ка припрет на собственном горбу полтонны продуктов на семерых человек, а та принесла йогуртов и пиццу; оставили ее квартиру убирать, она пропылесосила коврик и уселась перед телевизором; поехали всей семьей на дачу, где Ли́ка даже не прикоснулась к мотыгам, тямкам, ведрам и прочим «средствам активного отдыха» – ей, видите ли, приспичило прогуляться на речку!

Если Ли́ка защищала свое право на полноценный отдых или ссылалась на дефицит времени, ей ставили в пример мать семейства, которая «успевает все». Попутно Ли́ке объясняли, что «ногами махать» - не «головой думать», что она по сравнению с другими членами Олеговой семьи – безнадежный примитив, что ее «работа» не годится для умной, порядочной женщины и т.д. Было только непонятно, почему такой интеллигент, как Олег, предпочитает знакомиться с девушками в клубах, а не в читальном зале Российской Государственной Библиотеки. В общем, всем

Ли́ка была нехороша. И у всех вызывала желание критиковать и иронизировать. Хотя вина Лики, при ближайшем рассмотрении, заключалась в том, что ей хотелось завести **свою** семью, а не обслуживать домочадцев Олега. Да и странно было бы ожидать иной реакции в подобной обстановке: ты соглашаешься жить с любимым мужчиной, а попадаешь в коммуны, где все и каждый норовит тебя «приспособить» к общественно-полезному труду в целях процветания домашнего хозяйства!

Ли́ка не раз предлагала своему бойфренду переехать и жить отдельно, но Олег отказывался. Впрочем, он никогда не заступался за Ли́ку перед своим семейством, да и жениться, и детей заводить не спешил. «Живем же, ну и хорошо, а свадьбы пусть папы-мамы устраивают», - объяснял Олег. Лике было тошно, противно, непонятно. Со временем Олега она разлюбила, но уйти от него почему-то боялась. Вроде получалось, что проиграла. И Ли́ка тянула и тянула эту ляжку год за годом, на что-то смутно надеясь. Так прошло без малого шесть лет. Потом события стали развиваться с быстротой молнии. Олег решил жениться. Но не на Лике, а на своей коллеге по фирме, женщине не такой молодой и не такой красивой, как его бывшая пассия. Ли́ку Олег поставил перед фактом, она собрала вещи и вернулась к родителям. И постаралась забыть эту историю, вычеркнуть из своей биографии все шесть лет жизни с Олегом.

Мы познакомились с Ликой через год после этой истории. Мы, кстати, знали ее бывшую свекровь Галину Борисовну. Один из ее сыновей – брат Олега – все-таки женился и съехал. Но Олег и его сестра по-прежнему живут с мамой. Та самая «коллега» тоже недолго продержалась на роли «покладистой невестки». Олег теперь – главный добытчик в семье, и мама еще основательнее «бдит», чтобы на него не покушались особы женского пола. Случайные связи – пожалуйста, но все более ли менее постоянные подружки подвергаются остракизму. Олег пока терпит – видимо, и сам не ощущает потребности в браке. Когда мы рассказали Лике про Олега и его семью, «Ну, что ж!», - засмеялась она, - «Олег, видно, не скоро созреет как мужчина. Он еще мальчик – да, может, так мальчиком и останется. Знаешь, когда мы расстались, я была в шоке. А сейчас я понять не могу, зачем я жила с Олегом все это время, чего я за него цеплялась? Прямо наваждение какое-то. Хорошо, что это не продлилось лет десять или больше. Но нет худа без добра: теперь-то я знаю, чего в мужиках на дух не переношу».

С одной стороны, родителям требуется приложить немало усилий, чтобы осознать нехитрую истину: мой ребенок вырос и имеет право не только на личную, но и на **сексуальную** жизнь. С другой стороны, старшее поколение раздражают молодежные сексуальные установки на «сползание в брак» – лет пять проживут вместе, покупая совместно шкафы и столики, все семейные альбомы своими фотками заполнят, а потом – бац! «Мы решили разойтись – мы друг другу не подходим!» А были бы женаты – эти глупые капризы даже на горизонте не возникли бы! И с детьми бы столько не тянули, старшенький уже бы в детсад пошел! И первый взнос за квартиру отдали бы! Потерпели бы небось «несходство характеров»! И остались бы вместе как миленькие.

Такое видимое противоречие озадачивает: так родители готовы или не готовы принять брак или пробное сожителство своего изрядно подросшего «молокососа»? Им надо, чтобы эта «молодая семья» сохранилась или распалась? Начнем с того, что лучше бы «молодой семьи» вовсе не существовало. Так думают родители на первой стадии «перехода через Рубикон». В ход идут разные пояснения: еще рано вступать в брак, нет достойных кандидатов, нет условий для «пополнения семьи» и т.п. Бывает, что

все упомянутое – справедливо и истинно. А бывает, что это – обыкновенные отговорки, прикрывающие совсем другое отношение. Многочисленные обещания «лечь между молодоженами в брачную ночь», которые нам доводилось слышать от матерей семейства (они обычно откровеннее и эмоциональнее отцов высказывают свое неприятие мысли, что ребенок вырос и может уйти из семьи) инсинуировались разными проблемами. Кто-то не желал осознавать собственный возраст, а взросление своего ребенка воспринимал как оскорбительный намек на приближающуюся старость. Кто-то понимал, какое огромное значение имеет для него присутствие ребенка рядом, под рукой и твердо знал: без этой «компаний» жизнь опустеет и начнет разрушаться, словно заброшенный дом. Кто-то, не имея достаточно доходной работы, видел, что не проживет без «финансовых дотаций» со стороны прилично зарабатывающего отпрыска. Каждое из этих состояний требует индивидуального подхода, но у всех только один выход – расставание.

Попытки задержать ребенка в «подчиненном и подконтрольном положении» лишь усугубляет проблемы обеих сторон – и родителей, и детей.

Старшее поколение все глубже увязает в психологической зависимости от собственных детей, младшее теряет навыки и желание самостоятельного существования, обрекая себя на вечный «симбиоз» с родителями. Признаем, что психологическая гармония – прекрасная вещь. Но симбиоз – отнюдь не гармония, а взаимная зависимость. Бывает, родители с помощью шантажа и манипуляции все-таки заставляют ребенка «заботиться о престарелых маме и папе» - то есть принуждают их отказаться от личной жизни и десятилетиями служить «компаньонами» у собственных «предков». И наслаждаются этим статусом кво, стараясь не думать, что их дети, привыкшие к подобному «симбиозу», рано или поздно окажутся лицом к лицу с совершенно чужим миром, в совершенном одиночестве.

Представьте, с каким трудом маменькины сынки (или папенькины дочки) находят партнеров для совместной жизни, как часто отношения супругов рушатся из-за родительского вмешательства в дела молодой семьи. Ну, разумеется, не все родители мечтают о том, чтобы их дети остались одни и жили бы только папенькиными и маменькиными интересами. Все же в России престиж брака довольно высок. И многие подростки слышат: «Жениться/замуж бы тебе!» – и слышат чаще, чем смог бы вынести сам всесовершенный Будда. А когда они так-таки доставляют близким это удовольствие, почему-то до развода их доводят те же близкие. Как это получается? Ведь, казалось бы, ничто не предвещало!

Все начинается с момента, когда первый рубеж - рубеж нежелания отпускать «ребенка» в брачную жизнь - преодолен. Тогда наступает очередь рубежа второго – рубежа «добрых советов»: родители ведут «проверочный рейд», направленный на всемерное укрепление молодой семьи. Вроде бы все хорошо, хотя на деле не все обстоит так мило и славно, как кажется... Дело в том, **как** укреплять брак, **на каком основании** строить это здание. Некоторые «фундаменты» в наши дни абсолютно непригодны для «семейного строительства». И в первую очередь – тоталитарный подход к совместному проживанию, ведению хозяйства и, главное, к психологическим контактам.

Психологи давно установили: молодые супруги инстинктивно пытаются строить семью согласно «родительскому» образцу – даже если способы решения конфликтов в родной семье их ни капельки не устраивали. И даже не желая **сознательно** повторять схему взаимоотношений мамы с папой, бабушки с дедушкой, тети с дядей, представители младшего поколения все-таки выбирают партнеров с тем же набором душевных свойств. Причем делают это **подсознательно**, хотя после могут и раскаяться. Срабатывает рефлекс, который в природе называется «импринтинг»: увидел и пошел следом. Казалось бы - ну и что? Что в этом плохого? Да ведь партнерский брак в России находится в стадии формирования, он пока еще очень редкое явление. А вот привычная система семейных отношений – та самая, которую большинство россиян наблюдало в молодые годы - она, как правило, бывает похожа на диктатуру пролетариата и методы революционного террора: оппортунистам – бой! Все члены семьи «встраиваются» в семейную иерархию, которую время от времени сотрясают перевороты и гражданские войны. Кажется, этот опыт непродуктивен и вдобавок устарел изрядно. Но мы по-прежнему сталкиваемся с ним как с наиболее распространенной системой «семейного правления».

Надо отдать должное отечественной идеологии – она не поспекает ни за реальностью, ни за наукой, ни за экономикой. Оттого и проповедует ценности патриархально-тоталитарного устройства семьи, которое скончалось от старческой атрофии всех систем жизнеобеспечения по крайней мере в пятидесятые годы прошлого века. Психологи и социологи уже несколько десятилетий пишут об изменениях в самом «фундаменте» семейной жизни: «По мере того как некоторые старые социально-экономические функции семьи отмирают или приобретают подчиненное значение, происходит психологизация и интимизация семейных отношений, все большая ценность придается психологической близости, интимности между членами семьи...»⁴⁰. Такой подход к браку, с

⁴⁰ Кон И.С. Сексуальная культура в России.

одной стороны, бойко воспевается как «проявление истинного чувства», с другой – столь же бойко осуждается, как «легкомысленное отношение к священным узам».

Любой психолог сразу вам скажет – либо искренность чувства, либо священность уз. Ритуализация вытесняет личное отношение – и наоборот.

Статистика разводов, сколь это ни пугает наших чувствительных традиционалистов-романтиков, растет «параллельно повышению индивидуальной избирательности брака». Все потому, что «брак по свободному выбору, который обычно символизируется как основанный на любви, более интимен, но одновременно более хрупок, чем традиционный. Отсюда – увеличение количества разводов»⁴¹.

И вот, дабы избежать каких-либо «встрясок» в «семейной иерархии», родители пытаются вложить в сознание ребенка представление о «стабильной семье», основанной в большей степени на четкой координации ролей, обязанностей и ритуалов, нежели на психологизации и интимизации взаимоотношений. Такой подход избавляет семейные – и не только брачные – связи от «хрупкости» и «проклятых вопросов» типа «Что я здесь делаю?», а заодно и от свободы выбора. Естественно, менталитет современной молодежи не готов к подобной «дисциплине». Вот и бегут от друг от друга супруги, замученные «объемом работ», бездушностью обрядов и «священностью уз» в целом.

И вдобавок жертва гиперопеки страдает не только из-за семейных проблем. Неумение сделать самостоятельный выбор, сформировать независимый взгляд на вещи, настоять на своем мнении – куда более серьезный недостаток, нежели отсутствие четкого представления о том, как гладятся рубашки и готовится борщ. Бытовые навыки можно освоить или заменить услугами по найму. А вот неспособность принять решение заменить ничем нельзя. Для молодого человека оно опасно во всех сферах. И если родители не сумеют грамотно расширить область самостоятельных действий своего ребенка, а, наоборот, все ограничивают и ограничивают ее, то понравится ли им роль «симбионта»? И как они отнесутся к жестоким и грубым «рывкам» (вчерашние подростки, как правило, бывают крайне неделикатны в своих попытках освободиться) молодежи, стремящейся к самореализации и самостоятельности?

До сих пор мы писали о вчерашних подростках, как о **детях**, видящих мир так, как это свойственно детскому возрасту. Действительно, многие реакции двадцатилетних и даже двадцатипятилетних напоминают поведение тинейджера – в том числе и в такой «взрослой» сфере, как секс. Но по большей части

⁴¹ Кон И.С. Сексуальная культура в России.

бывший тинейджер и думает, и поступает как взрослый. Для некоторых родителей это «открытие» является открытием лишь в той мере, в которой оно дает начало для самой жестокой конкуренции – для той, которая «ставит на старт» близких людей.

Глава 3. Жизнь под микроскопом

Мы судим о себе по тому, чего мы способны добиться; другие судят о нас по тому, чего мы добились. Генри Лонгфелло

Конкуренция самооценок

Признаем: нас, представителей старшего поколения, невыносимо раздражает сама необходимость уступать молодым повсеместно – от семейного круга до профессиональных высот. Мы должны деликатно относиться к их ценностям и авторитетам, а разве **они** щадят наши авторитеты и ценности? Они разве деликатничают с нами, когда вынуждают с ними конкурировать? Они учитывают наши проблемы в условиях экономической нестабильности - сейчас, когда наличие фиксированного оклада и приличной работы есть первейшее условие **нашего** выживания? Попробуйте в наше время сообщить нанимателю, что вам «слегка за сорок»! Реакция такая, будто там слышали «слегка за сто». Опытные, знающие профессионалы могут удержаться на своем месте, только вцепившись мертвой хваткой. Отпустил – пиши пропало. На твое место посадят мальчишку, прошедшего курсы какого-нибудь нейролингвистического программирования и ориентирующего моделирования, но притом неспособного отличить хорошего работника от вдохновенного враля.

Как будто молодость – само по себе уж такое достоинство, что им легко можно заменить профессионализм! А эта понимающе-наглая ухмылочка на лице молокососа, подсевшего тебя на глазах у всего коллектива: вы, старичье, такой отстой, ваще! Поневоле войдешь в состояние из фильма «Старики-разбойники» и спланируешь опасную аферу и страшную месть – все ради поддержания и продления своей безвременно угасающей карьеры. Хотя подобные интриги тем и опасны, что нередко выводят на чистую воду не столько «объект», сколько «субъект» мести.

Если человек начинает нервничать, суетиться и злобиться от нападков младшего поколения – значит, он и сам не уверен в собственном «праве» на то самое «занимание кресла» и продолжение карьеры. А попробуй не занервничай – под таким-то прессингом! Особенно тяжело приходится тем, кто действительно любит свою работу, а не просто «дежурит» с девяти до пяти. Они-то и приносят свои стрессы с рабочего места прямоком в личную жизнь. И обрушиваются на собственных детей так, словно видят в них ту самую «вражину», узурпатора бесценной трудовой ставки.

Это, согласитесь, не улучшает обстановку в семье и укрепляет взаимопонимание между поколениями. И не стоит пенять на финансовый аспект и на инстинкт самосохранения. Они, конечно, играют немалую роль, но не они одни.

Социальная конкуренция шире, чем примитивное выживание.

Неудивительно, что аналогичные проблемы грозят и представителям «противоположного полюса», чье место, казалось бы, занять попросту невозможно – то есть знаменитостям, создавшим собственную «нишу». Их тоже вытесняют молодые – весьма почтительно, с поклонами и реверансами, но вытесняют. Так что в классе успешных, состоятельных, известных людей – те же погремушки. Пусть знаменитостей несколько меньше, нежели рядового работника, тревожит финансовый аспект. Зато опасный «серфинг» на волне успеха и сам по себе вызывает целый букет неврозов, и, разумеется, отражается на взаимоотношениях с детьми. Несмотря на кажущуюся «беспроблемность» образа жизни обеспеченных и успешных людей, их преследуют специфические неприятности, о которых с охотой пишут все – журналисты, беллетристы, поэты, психологи, историки... Повторять за ними, пожалуй, нет нужды. Обратимся именно к проблеме социальной конкуренции с собственным ребенком.

Всем известен тот факт, что еще в школьные годы дети успешных родителей (не говоря уже о детях знаменитостей) отчетливо понимают: для них самореализация представляет большую проблему. С одной стороны, связи и знакомства родителей обеспечат учебу и карьеру где угодно. С другой стороны, отпрыск известного человека всеми воспринимается в лучшем случае как продолжатель, бледная копия своего замечательного родителя, а в худшем – как представитель «золотой молодежи», широко гуляющий на деньги отца и матери. Индивидуальность ребенка подвергается небывало жесткой оценке: ну-ка, ты гений или не гений? Чтобы заткнуть рты и добиться уважения, изволь уже в детстве доказать: ты сын/дочь своих родителей, а значит, ты их догонишь и перегонишь! В подобной обстановке подросток практически не имеет шанса на «личные перспективы», зато у него есть шанс получить стойкий страх перед жизнью – ну и, опять-таки, заработать букетик нервных хворей.

«Золотая молодежь», вероятно, оттого так и буйствует, что ее представителям сложнее отыскать себя в «завалах лжи» – следовательно, взрослеть ей тоже сложнее. «Инфанты», на которых молва старается возложить чрезмерную ответственность – в частности, «перекрыть» достижения своих прославленных родных – пытаются «отбиться» от всяческих навязанных им обязанностей и от всяческих подаренных им перспектив. Как если бы муравей из

басни внезапно бросил бы свои неисполненные повинности, неучтенные запасы, неоконченные проповеди - и заскакал вместе со стрекозой в легкомысленной мазурке. Или хип-хопе. А потом поехал бы с ней на вечеринку, где напился и нанюхался до улета Валькирии. И в муравейник бы уже не вернулся, а стал джазменом в кабачке «Энтомо-хаус». Да, басни с моралью из этого уже не сделаешь. И потому, вероятно, любителям басен и моралей такой исход событий глубоко несимпатичен.

Некоторые дети знаменитостей храбрятся, стараясь повысить самооценку за счет понижения значимости родительских достижений. Другие впадают в депрессию, теряют надежду когда-нибудь сделать себе имя без присказки «это сын/дочь того самого». Третьи берут себе новое имя или новую профессию, чтобы не соперничать с собственным родителем. Четвертые... вот о четвертом варианте стоит поговорить особо. Когда ребенок сопротивляется натиску публики, это означает, что он отстаивает собственную личность и, возможно, не даст себя поглотить. А вот когда он покоряется всему, что с ним происходит – уже неважно, стрекоза он или муравей. «Плывя по течению», он рискует утонуть. И утопит его... родная семья.

Воспринимая своего отпрыска как часть себя, родители используют его именно как часть своего «Я»: решают свои задачи, занимаются своими делами, вдохновляются своими интересами и т.п. А ребенок должен во всем уподобиться папе/маме – и предоставить свою жизнь в полное распоряжение родни. Незачем повторять, что это вредит как развитию индивидуальности, так и самоощущению индивида.

Прежде чем решать за своего ребенка, следует предоставить решать ему.

И конечно же, в качестве оправдания авторитарного обращения выступают все те же финансовые соображения: если ты станешь искать работу самостоятельно, да к тому же по собственному вкусу, да с твоей-то наивностью - вообще неизвестно, что из этого выйдет. Ну и когда ты, спрашивается, встанешь на ноги? Давай я подыщу тебе место в моей компании (проекте, театре, институте) – пойдешь по моим стопам, мои люди тебе помогут, по крайней мере советом. Хотя далеко не все совпадают с папой/мамой в интересах и амбициях вплоть до мелких деталей. А если у ребенка оказываются **собственные** интересы, амбиции или хотя бы деловые стратегии, то между старшими и младшими неизбежно начинается обоюдное соревнование: взрослых детей с родителями, родителей со взрослыми детьми. У тебя идея насчет оптимизации производства? Зачем менять то, что и так работает неплохо? Хочешь сыграть эту роль? А не рано тебе? На вот мои исследования семьдесят... неважно какого года, защитись по ним. Не интересно? Ничего, ради

научной степени надо потерпеть. После станет получше. И так – шаг за шагом – успешный и любящий родитель превращает своего ребенка... в марионетку.

К чему еще приведет вас «марафон успеха»? Ведь и в обычной семье родители нередко «всуе» поминают свои успехи: вот, я в твои годы уже то-то и се-то, а ты... И приукрашивают тоже нередко. Хочется получше выглядеть перед младшим поколением. Похвастаться хочется. И вообще самооценку, упавшую в результате каких-нибудь объективных событий, поднять до приемлемого уровня с помощью субъективного освещения «этапов большого пути»: я шел по жизни с высокой поднятой головой, полной великих идей! А если и упал когда, то лишь потому, что меня уронили! Из зависти!

Самооценку можно поднять разными способами, но самый распространенный – это имитация успеха перед теми, кому информация о реальном положении дел недоступна.

То есть, говоря попросту, выпендрож перед домашними. Правда, чем домашние старше, тем их труднее провести. А вот младшее поколение словно создано (по мнению старшего поколения) для того, чтобы предки (в прямом и переносном смысле) напевали им в уши героические саги о славных делах и светлых путях. Неудивительно, что многие «предки» этим пользуются и таким образом нейтрализуют болезненные воспоминания о жизненных неудачах, упущенных шансах и нереализованных амбициях. Довольно тривиальная стратегия, которая, как ни странно, дает весьма странный эффект: подросток безразлично кивает и замыкается. Или даже произносит нечто нелюбезное в том духе, что, мол, слышу-слышу, не зудит.

Под железной пятой социальной конкуренции человек меняется. Американский бизнесмен Дэвид Сарнофф считал, что «конкуренция обеспечивает наилучшее качество продуктов и развивает наилучшие качества людей». Да к тому же конкуренция заставляет нас почувствовать себя комбатантами⁴². Нас со всех сторон бомбардируют требованиями и указаниями. Мы иной раз и сами не различаем, какие требования предъявляются в качестве индивидуальных, а какие – в качестве «эпохальных». Комплекс неполноценности мешает. «Перегибы» в сфере кадровой политики в переломную эпоху всегда примерно одинаковы: «старые кадры» пытаются отправить в отставку и заменить кадрами помоложе. Потому что все недостатки ушедшей системы ассоциируются со старшим поколением. Как будто все, кому сейчас за сорок, чего-то там не досмотрели, не доделали, не уберегли. Ложное

⁴² Комбатанты – в международном праве так называются лица, входящие в состав вооруженных сил воюющих государств и принимающие непосредственное участие в военных действиях.

представление, но изжить его трудно. Именно в силу стереотипного мышления, куда как сильно действующего на дилетанта. Легко возлагать свои надежды или обрушивать свой гнев на «абстрактного врага»: поэтому публичное мнение, которое, собственно, и является «продукцией» сообщества дилетантов, хвалит или обвиняет целую социальную категорию. Но проблемы-то возникают у ее представителей **по отдельности!**

Вот почему психологические игры, направленные на замену личного общения «обобщенным суррогатом» и обращенные не к личности, а к социальной группе в целом, воспринимаются людьми как претензии, направленные в адрес каждого из них. Оправдываться надоело. Возражать бесполезно. Да еще изволь быть вежливым, если автор претензий – посторонний человек. А если не посторонний? Если это ваш ближайший родственник – просто ближе некуда? Когда наше собственное чадо впадает в «критиканский раж», трудно удержаться от «симметричного ответа». Критика со стороны повзрослевших, но еще не вполне самореализовавшихся детей вызывает родительское раздражение, и в разговорах все чаще возникает стандартная формула «психических атак» со стороны уязвленных папы и мамы: если ты уже стал взрослым, то давай, доказывай. Естественно, требования, предъявляемые ребенку, завышены – как, впрочем, любые требования, созданные в состоянии раздражения. Но в данном случае действует и свойственная родителям идеализация любимого чада: дальнейшая жизнь его видится дорогой в гору.

Теперь, когда переходный возраст позади, перед вчерашним подростком открывается, выражаясь патетически, стезя, следуя по которой, он обязан брать планку за планкой - одну выше другой, без сбоев и перерывов. Если происходит заминка, то в неудачах обвиняют самого ребенка. Ему последовательно и обоснованно припоминают его вечную расхлябанность, отсутствие творческого подхода, недостаточную усидчивость, неумение концентрироваться и прочие пороки, пятнавшие его биографию в школьные годы. Заодно выдаются на-гора нелицеприятные прогнозы относительно будущего, которое, при таких-то недостатках, выглядит довольно мрачно. В общем, это похоже на финальную сцену боевика, когда все плохо и только чудо может помочь недотепе с пулеметом, в котором, конечно же, кончились патроны! Впрочем, у критикуемого совсем другие ассоциации. Он вовсе не ощущает себя «крепким орешком», способным спасти мир в последние пять секунд перед взрывом.

Как общаться со своим взрослым ребенком, балансируя на грани стимуляции его честолюбия и доверительных отношений, как уберечь взаимоотношения от «гонки вооружений» и «холодной войны»? И стоит ли добиваться пирровой победы над собственным

ребенком, развивая в себе и в нем наихудшие качества? Да к тому же не имея в этом никакой **личной** заинтересованности?

Общество заставляет нас охранять свою самооценку методами жестокой конкуренции с каждым соперником – в том числе и с тем, кто лишь кажется соперником.

А дети, с их несносным негативизмом, легко поддаются под формальное определение «опасного конкурента». В принципе, нужно быть терпимым и снисходительным, но для этого требуется иметь столько положительных качеств, что, право слово, впору обзавестись парой белоснежных крылышек и чудным золотым нимбом.

Идеология, с одной стороны, априори награждает пап и мам всем необходимым «ангельским позитивом»: дескать, родители – это святое. То есть святые. Они никогда не ошибаются, не хотят своим детям плохого, не мешают детям жить, не теряют в них веру – ни-ког-да! А с другой стороны, разве человек, став родителем, утрачивает свою естественную природу? С чего бы вдруг? И, соответственно, фрейдизм «уравновешивает» идеологическое прекраснотушие всякими ужасами: комплексами Федры и Гризельды, в частности. Сексуальная тяга со стороны матери/отца к собственному сыну/дочери в рамках культурного запрета на инцест заменяется жестким, а точнее, садистским контролем поведения, главным образом брачного и сексуального. Для неспециалиста звучит непереносимо. Для специалиста – тривиально.

Но и за пределами сексуальной сферы садистские тенденции, как известно, не исчезают, а лишь сублимируются. Поэтому нередки случаи, когда родные люди азартно мучают друг друга, причем без видимых причин. Вам никогда не доводилось завидовать близким? По-родственному – горячо, втайне, недостойно? А заодно бояться за себя – и вполне обоснованно: ведь проблемы вашего ребенка – это непременно и ваши проблема? К кому, как не к вам он обратится за поддержкой? Кому станет плакаться в жилетку? Кто, не дай бог, должен будет «реанимировать» это бестолковое создание? Пусть уж лучше у него «все получится».

Притом, что культ успешности – отнюдь не индивидуальное «приобретение» опрометчивых родителей, а, скорее, результат влияния социальных установок на дезадаптированное сознание. В состоянии повышенной тревожности человек восприимчив и внушаем. Он буквально улавливает идеи, которые носятся в воздухе, притом, что в воздухе носится все исключительно легковесное, болезнетворное и отнюдь не полезное. Суеверия, например. В частности, отношение русского человека к неудачам происходит целиком от суеверий. И довольно древних, принятых в язычестве, в первобытных культурах и сохранившееся до наших дней у индейцев. Согласно этим представлениям, неудачник -

больное, преследуемое высшими силами существо. Его неудачи – гнев духов, они в любой момент могут перейти на окружающих. В своем обращении с теми, кто переживает черную полосу в жизни, мы так же прямолинейны и некорректны, как и дети прерий.

Разве не пестрят журналы предложениями снять «венец безбрачия», порчу, сглаз и все в этом духе? Мы усмехаемся: «Шарлатаны!», а сами подкармливаем госпожу Неудачу своим фатализмом. Людям хочется верить в возможность «идеальной биографии», которая бы выгодно отличалась от всех этих ужасных «не встретил взаимопонимания, не нашел отклика, не добыл спонсора, не воплотил в жизнь, отчего и умер в нищете, забытый современниками». Нет, конечно, такого темного ужаса никакому гению не пожелаешь, и уж тем более своему родному гению. Вот мы и ищем того «волшебного помощника», о котором с позиций психологии ничего особенно позитивного не скажешь – так, плацебо. Хорошо уже, если помогает настроиться и сконцентрироваться. В конце концов, не помешает перед экзаменом пойти на заветную станцию метро «Площадь Революции» и схватить за нос изваяние пограничной собаки, как делает не одно поколение студентов Политеха.

В своем желании поймать за хвост синюю птицу счастья взрослые и дети зачастую ведут себя одинаково. Хотя существуют и различия. Взрослые отдают себе отчет, **что такое неудача** – и даже преувеличивают ее значение. Воображают себе всякие ужасы и необратимые последствия. Молодежь, наоборот, преувеличивает ценность удачи. Вроде как возьмешь эту вершину – и все! Кайфуй себе всю оставшуюся жизнь, всю рутинную работу за тебя сделают. Ты же победитель! Гений! Чемпион! Серые будни – не для тебя! Поэтому даже «покорителя Эвереста» может постигнуть разочарование. И победа оборачивается новой чередой проблем и трудовых подвигов.

Еще одна оборотная сторона удачи – многотысячная армия тех, кому не повезло, не подфартило, не обломилось – младшему поколению до поры до времени не видна. Впрочем, обнаружив эту неприятную «деталь» или даже присоединившись к этой «армии», молодые не унывают – берутся за что подвернется, высматривают, что в руки плывет, ищут, где ловится... Бывает, в процессе поиска приходится жертвовать всякими обременительными вещами – например, дипломами об окончании высших научных заведений. Бизнес, в частности, мало интересуется «корочками». Родителей это пугает. Ведь какие-то двадцать-тридцать лет назад именно диплом пролагал дорогу в жизнь! После окончания вуза и распределения в НИИ или в другую какую-нибудь контору начинался многотрудный и многолетний период восхождения из кабинета в кабинет – от лаборанта к мэнэсу, от мэнэса к сэнэсу (старшему научному

сотруднику, если кто подзабыл эту аббревиатуру). И далее, насколько возможно, планомерно увеличивая свой доход на... Нет, не будем о грустном.

Сегодня молодежь не желает расти по тридцать лет в одном и том же конторском горшке, будто пыльный кактус. Подобная стабильность кажется им рутинной – и зачастую вполне заслуженно. А родители, в свою очередь, думают, что мобильность, совершенно необходимая для современной жизни, и потому весьма распространенная в молодежной среде – не что иное, как легкомысленное, поверхностное отношение к жизни. Да и психологов перемены застали врасплох. Ведь они тоже люди и, следовательно, подвержены массовым настроениям. Поэтому мы нередко требуем взаимоисключающих вещей: например, чтобы ребенок относился к действительности, как взрослый, то есть с **нашей** точки зрения, но в то же время хорошо ориентировался в современных реалиях – так, как нам и не снилось; или чтобы он был послушен и мягок, а также удобен в обращении, но обладал изрядной «пробивной силой», а заодно крепкой броней, защищающей от психотравм; или пусть получит все причитающиеся дипломы, но быстро-быстро сделает карьеру – и лучше в бизнесе, а не в заштатном научно-исследовательском институте, который вот-вот закроют...

Почему стремление воплотить свою мечту в жизни нередко оборачивается крахом? Во многом из-за завышенных требований, которые предъявляются всему подряд – оболочке, упаковке, наполнению, содержанию, функциональности, внутреннему, внешнему, а также соседнему и близлежащему.

Завышенные или необоснованные требования неизбежно рождают то самое непереносимое психологическое бунтарство или заставляют ребенка замкнуться в себе.

И он впадает в депрессию, боится действовать, ждет осуждения и не доверяет даже самым близким людям. Все было бы иначе, если бы мы распространили действие «всемирных законов» – экономических, социальных, психологических – и на него. Нет, «издалека» мы все понимаем: некоторых «затемнений» по ходу жизни избежать невозможно, даже так называемым «мажорам». Но в отношении **нашего** ребенка это правило действовать не должно! У него все будет отлично – причем сразу! На ста-арт! Внима-ание! Ма-а-а-арш!!! И бежим рядом с секундомером, в надежде потешить свое честолюбие.

А между тем периоды выхода молодого человека «в большую жизнь» весьма богаты черными полосами. Проблемы с самореализацией бывают у всех, достичь успеха «с полпинка» нереально. И не стоит верить в щебетание иллюстрированных журналов: в номере не хватит места даже для одного интервью, если

печатать описание мытарств звезды, дававшей интервью, целиком и полностью. К тому же сегодня не принято «грузить» публику своими бедами. О бедах, в крайнем случае, можно упомянуть в мемуарах. Если, конечно, это не противоречит имиджу. В современном мире имидж «золотого мальчика/девочки» куда популярнее имиджа «рабочей лошадки», «ездовой собаки» и прочих полезных животных. В общем, в дискуссии стрекозы и муравья победила красота и ветреность. К тому же стрекоза к зиме укатила на Канары заниматься серфингом и дайвингом, а муравей остался бороться циклонами-антациклонами, и в марте его муравейник был сметен весенним паводком.

Людам хочется верить не в муравья, а в стрекозу, в то, что она обретет стабильность в песне и танце, а не в строительстве и пахоте. К сожалению, даже песня и танец оборачиваются пахотой, едва ими начинают заниматься профессионально. Вообще, профессиональная деятельность непохожа на строчку из цыганского романса «Мне мгновение наслаждения – остальное трын-трава!» - за «трын-траву» карьера мстит безжалостно. И надо быть готовым к неудачам, тем более если ты – начинающий специалист.

А между тем «проколовшийся» нередко ощущает себя прокаженным. Вместо поддержки от родных он видит одни упреки. И не знает, что упреки, собственно, исходят не от любящих мамы и папы, а от совершенно посторонних личностей – от журналистов, создавших «стандарт мажора», от соседки, навевшей «светлый образ крошки Эйнштейна»... Кто такой «крошка Эйнштейн»? Ее отпрыск, который всегда учился на одни пятерки - хотя и наделен креативным мышлением, мамочку слушал беспрекословно – и тем не менее обладал твердым характером, поступил в элитарный вуз – но после вуза тут же нашел денежную работу... Рядом с вами обязательно найдутся чьи-то родители, которые в захлеб рассказывают о своих прекрасных детях. И некому сказать родителям мнимого «прокаженного»: не верьте. Не бывает таких противоречивых Эйнштейнов. И врет соседка, и врут журналисты. Зачем? Чтобы было увлекательно. Чтобы раскрасить совершенно будничную жизнь яркими цветами.

Журнальный глянец в обыденной жизни

Когда речь заходит о мечтах, все сказанное вроде бы относится к молодым. Взрослые, по идее, опытнее, серьезнее, сдержаннее – и даже в своих мечтах. А все потому, что научены соотносить упоительные фантазии с жестокой реальностью. Им – если они и в самом деле взрослые – отчетливо видны препятствия, последствия, непредвиденные обстоятельства... Впрочем, многие из нас и в зрелые годы любят сладкое до дрожи и потребляют его до изнеможения, до одышки, не страшась крадущегося в ночи кариеса,

равно как и жировых отложений, пришедших, чтоб навеки поселиться. Зависимость от сладкого – в буквальном и переносном смысле - новая, небывалая доселе болезнь. Чума третьего тысячелетия. Ну, о буквальном пристрастии к сладкому пусть диетологи пишут, а вот пристрастие к «сладким грезам» представляет для нас непосредственный интерес. Поговорим о высоком – об искусстве. А именно о массовом искусстве.

Социолог А.Мендра так описывает роль современного массового искусства: «В индустриальных обществах картинки, созданные средствами массовой информации, позволяют индивидам занять определенное место в обществе и соответственно вести себя: нормы связаны здесь со стереотипами. То, как надо себя вести, диктуют, например, кинофильмы или женские журналы, и каждый может выбрать себе эталон героя... Со своей стороны, манипуляторы символами стараются использовать в фильмах и журналах людей повседневной жизни... Этот механизм подкрепления социальной реальности картинками очень существенен»⁴³. Искусство манипулирует нами, заставляя выбирать себе героя «из картинок», а потом, как иронизировал Станислав Ежи Лец, быть «всегда лишь эпигоном героев собственных фантазий». Есть, правда, надежда, что к тому моменту формирования личности, который можно назвать ключевым, – к моменту сложения индивидуальной иерархии ценностей – человек научится различать **необходимое лично ему и воображаемое необходимое**, навешанное масс-медиа. В противном случае он обречен всю жизнь обходиться стандартным вариантом – неким «суррогатным счастьем», далеким от его реальных потребностей. Многие так и живут – не зная собственных целей.

Готовность трудиться и рисковать ради **суррогатов** неразрывно связана со «сверхценностью счастья». О его могуществе мы слышим с детства, а его образ впитываем всю жизнь. В общем, масс-медиа удастся изрядно поработать над сознанием каждого из нас. Уже в юные годы мы сгораем от желания привнести в наше пресное (как считает любой подросток, будь он хоть наследник престола Монако) существование хоть немного «сахарной глазури», сваренной по рецепту СМИ. Просто чтобы украсить доставшийся на нашу долю непрезентабельный каравай. Вот почему в каждой судьбе наличествует хоть одна попытка вписать свою жизнь в форму современных технологий. Кто-то участвует в конкурсах юных дарований - «Звезды!», «Таланты-фабриканты» или что-то в этом роде, некоторые просиживают штаны в библиотеке, готовясь к олимпиадам для умников, а совсем уж чувствительные натуры пишут юношески (девически) страстные стихи, сильно

⁴³ Мендра А. Основы социологии.

напоминающие коктейль из Цветаевой и Асадова. За то время, пока мы дорастем до своего собственного стиля, до зрелой манеры самовыражения, любому из нас приходится пройти через стадию подражательности – это своеобразные «игры детенышей», подготовка к взрослой жизни.

Но, как мы уже писали, бывает и так, что человеку до седых волос не удастся повзрослеть. Он и в старости остается деткой-конфеткой. Инфантильное сознание – в некотором роде бегство от рутины будней, от самостоятельного выбора, от ответственности за действия и намерения. У подобного образа поведения есть и плохие, и хорошие стороны – как и у всего сущего.

К сожалению, не всегда мы выбираем, кому завидовать или на кого походить. Чаще выбирают **за нас**. Сегодня «общепризнанных идеалов» пруд пруди. Политики, звезды шоу-бизнеса, великие люди эпохи глядят на нас с обложек, сияя добрыми призывными улыбками. И так же радостно смотрят на нас их жены, тещи, дети и собаки. Все поголовно счастливы. И это глянцево-счастье в личной жизни является наградой за большую созидательную деятельность на благо общества. Мы рассматриваем знакомые подретушированные лица, изнывая от желания уподобиться избранным, любимцам и баловням судьбы. Мелованные страницы раскрываются, словно двери рая.

Идея «глянцевого счастья» базируется не столько на традиции, сколько, в первую очередь, на моде.

Глянец имеет самые жесткие принципы и рамки. Его основная стратегия называется «перфекционизм»: якобы для лучшей жизни отбирают только самых потрясающих, но из числа избранных в Эдем попадают лишь те, кому вдобавок умпомрачительно повезло. Ибо за порогом земного рая избранных ждет блаженство неопишное (хотя и неоднократно описанное). Пресловутое райское блаженство средства массовой информации демонстрируют в гипертрофированных пропорциях: в статьях и передачах о жизни звезд гораздо больше упоминаний про «полную гармонию», нежели способен переварить обычный желудок земного человека. При такой дозе гармонии не только йог, но и любой атеист способен навеки погрузиться в нирвану. А вот проблемы знаменитостей пресса показывает через перевернутый бинокль. Всякие мелочи вроде kleптомании, суицидомании, алкогольной зависимости, боязни черных кошек, тринадцатого числа, папарацци и критических отзывов представляются крохотными, незначительными деталями. Хотя спросите любого «любимца муз и Аполлона», он объяснит, сколько крови ему попортил путь к вершине Олимпа.

Глянец статей и передач изрядно лакирует картину звездных сфер, в которых легко и свободно парят светила, а любые трудности носят временный и легко преодолимый характер. СМИ с

непостижимой простотой соединяют в каждом таком «нерукотворном образце» взаимоисключающие достоинства: идолам одновременно присущи душевная чуткость и носорожья выносливость, истовая вера в христианские ценности и неумное желание «все попробовать». Психиатр, если бы ему в качестве анамнеза попало подобное «биографическое» описание, непременно вывел бы заключение: «явное раздвоение личности на фоне патологической эйфории». Впрочем, нет гарантии, что психиатр свободен от воздействия лакированных идеалов.

Сила стереотипа при поддержке масс-медиа настолько же огромна и незаметна, насколько невидима и чудовищна сила, скажем, геологического процесса. Пока вулкан не плюнет в небо - метров на восемьсот - тоннами пепла и пемзы, у подножия смертоносной горы спокойно пасутся овечки, и девушки в ситцевых платяницах плетут веночки своим возлюбленным. Но хулиганские выходы огнедышащих фурункулов земной коры – всего лишь результат миллионолетних подвижек литоральных плит, гигантских пластов, из которых состоит вся поверхность планеты. Океанское дно тихо сползает под материки, почва опускается и поднимается, меняется погода – то ли быть дождю, то ли засухе... Словом, никто и ухом не ведет. И лишь когда «на город ляжет семь пластов сухой земли» - вот тут жители изумятся: с чего бы вдруг? Приблизительно таким же методом происходит внедрение идеи в человеческие мозги: тихо-тихо, по-пластунски. А потом: ба-а! Только что в какую-нибудь личность или идею не верили ни о чем, осуждали, предавали остракизму, а теперь раз – и полюбили! Ну с чего бы это... вдруг?

Не вдруг. На самом деле для того, чтобы спровоцировать вулканический выброс на тысячу метров ввысь многих тонн народной любви, создателю идеи придется попотеть. Во-первых, необходимо все устроить так, чтобы состоялось, интеллигентно выражаясь, «соитие стереотипа и психики масс». Причем соитие с последствиями, а не просто развлечения ради. Для этого стереотип должен базироваться на простых и очень простых ценностях.

Идеи, передаваемые стереотипом, обязаны излучать доступность и усредненность.

Большая сложность и высокая избирательность мешают массовому охвату – и охвату мозгов, и охвату вообще всего, что подвернется. Значит, идеям надо быть проще. Не то лежать им на свалке в качестве несвоевременно родившейся «нетленки». Во-вторых, шлифуя грани идеи, особенно важно убрать все, что мешает целостному, запоминающемуся образу. Всякие сомнения, метания, излияния, разобщающие аудиторию – долой! Вот почему глянец так старательно маскирует коллизии, которых в любой жизни более чем достаточно. И тем более - в жизни звезд.

Простота имиджа в сочетании с гипертрофированным счастьем – вот что превращает судьбу знаменитости в сплошное великолепие, фата-морганой сверкающее перед взором обывателя. Да, теория создания глянцевого кумира выглядит сложным делом, а на практике глянец действует нехитрым методом наложения толстого-толстого слоя шоколадной глазури на любой подходящий объект. Собственно, качество и форма самого мучного изделия уже не просматриваются. К тому же подробности и не требуются: кексик может быть хоть из... туалетной бумаги с гипсом пополам – теперь публика с упоением станет медитировать на гладкую, источающую сладостный запах поверхность.

И вместе с «укрошением» и «подслащиванием» реальной «судьбы человека» образ «из телевизора» даже самую богатую натуру травестирует и выхолащивает: в «Понедельнике, который начинается в субботу» братьев Стругацких герой совершает путешествие в мир литературных произведений. «То и дело попадались какие-то люди, одетые только частично: скажем, в зеленой шляпе и красном пиджаке на голое тело (больше ничего); или в желтых ботинках и цветастом галстуке (ни штанов, ни рубашки, ни даже белья); или в изящных туфельках на босу ногу... Суровые мужчины крепко обнимали друг друга и, шевеля желваками на скулах, хлопали друг друга по спинам. Поскольку многие были не одеты, хлопанье это напоминало аплодисменты». Да, ради аплодисментов многие претенденты на «звездность» не особо дорожатся – не берегут свою многогранность и неоднозначность, и даже готовы остаться без штанов, а также терпеть крепкие объятия суровых неодетых мужчин с желваками на скулах.

Кстати, глянец боится вовсе не своего антипода (вернее, якобы антипода) – грязного белья, темного прошлого, трупов в шкафу и проч. Страшные тайны и ужасные разоблачения только привлекают внимание публики. Глянец боится жизненных реалий. При демонстрации перипетий восхождения будущего героя-полубога на Олимп пересказывать реалии его повседневной, «человеческой» жизни нельзя ни в коем случае, даже если про звезду «снимается кино», жесткое, будто солдатский сухарь, и искреннее, будто исповедь старой девы. Пусть именно такая - обыденная, кропотливая, утомительная - пахота сделала будущего народного кумира личностью. Глянец – неизбежное вложение имиджмейкера в образ идола. Для полноценного глянца нужны не разоблачение, и не изучение, а ощущения. Мысль о том, что знаменитый человек - не избранник богов, а такой же муравей, как и ты, работяга, комплексатик, и к тому же не слишком счастливый – вызывает ужас. Хотя ничего ужасного в «рабочих моментах» нет.

Да, прибегая к избитой метафоре, человек без счастья как птица без полета. Но и среди птиц встречаются страусы, которым орлы не указ. А среди людей, соответственно, встречаются личности, чьи амбиции очень велики. И среди них, кстати, множество знаменитостей. Они, чтобы взять от жизни что хочется, предпочитают «упереться» и терпеливо переносить дискомфорт, нежели отказаться от своей цели. И для них, в свою очередь, невротики, психотики и романтики, отчаянно ищущие все новые и новые дозы эмоционального допинга, – не авторитет. Ну, разумеется, подобное недоверие взаимно. Рожденные летать и наученные ползать, а также ходить, стоять и бегать на своих двоих (четверых, восьми, сорока), – они, конечно же, с трудом находят общий язык, и особенно – когда речь заходит о жизненных целях и суперпризах.

Бедная Лиза и светлый образ Павлика

Нормальные люди и рядовые ситуации, как правило, ничуть не похожи на гармонически сбалансированный идеал с его замечательной способностью служить переходником между вами и счастьем. У реальности имеется скверная привычка царапать и впиваться. Конечно, это неприятная привычка. Но если сравнить с присущей идеалам манерой обламывать, растворять и опустошать, то действительность изрядно выигрывает... Как же, спрашивается, быть: не соглашаться на то, что есть, «за неимением лучшего»; не заикливаться на воображаемых образцах; пытаться поверить в возможную «сбычу мечт»; плюнуть на пустые мечтания и упиться пессимизмом? Не знаем. Единого рецепта никто вам не даст. Придется учиться грамотному обращению с мечтой и самому решать, какой выход – наилучший.

Стоит ли «наводить глянец» на образ своего ребенка и/или на собственную жизнь – дело ваше. Но следует учесть одно: глянец – вещь хрупкая. Удаляешь один компонент и вся пирамида рассыпается, словно картонный домик. Достижения и свершения теряют ценность и смысл: теперь главное достижение – это, собственно, безоблачная жизнь. Такая «выдающаяся судьба» символизирует избранность ее обладателя. А избранность предполагает безупречность. Значит, чего бы вы не достигли, сплетня всегда найдет «прокол» в ткани вашего существования, как ни покрывай его золотым шитьем. Нравственный или внешний облик, семейные или деловые отношения – все дает почву для разговоров. Если ничего не обнаружат в настоящем, обсудят, наконец, сомнительное – или, наоборот, выдающееся – происхождение. Дескать, чего и ждать от выходца из такой семьи! То есть от потомка такого рода можно было бы ждать и большего! В общем, «не знаю як, но не так», как сказала невестке свекровь.

Бог знает почему образ жизни для обывателя важнее, чем творческие прорывы. Может, из-за того, что объективно понять и оценить результат труда, деятельности, творчества не в компетенции «человекозрителя»? Поэтому он просто хочет увидеть и символ - воплощение благодати, удачи и гарантированного успеха. Успеха, неизбежно приходящего к тем, кто живет не абы как, а «правильно».

Лиза училась курсом старше Павлика Соболева. На их гуманитарном отделении, где мальчики-студенты вообще редко выживали, Павлик казался просто светочем. Красивый, здоровый мальчик, с хорошей кожей, ровными зубами и открытым взглядом ясных голубых глаз. Преподаватели наперебой хвалили его работы, девочки в него влюблялись пачками. Сама Лиза влюблена в Павлика не была, но для нее он был чем-то вроде воплощения некоего принципа вселенской справедливости. Глядя на Павлика, она всем существом впитывала эту самую нехитрую, отчетливую справедливость: вот, если ты родишься у «правильных» родителей, получишь хорошее воспитание и образование, то все в жизни у тебя будет ясно, легко и хорошо. И за что бы ты не взялся – все у тебя получится, а за твои прекрасные качества тебя все заметят, полюбят, наградят. Видите: «хорошим Павликам» не надо долго-долго карабкаться к вершине через темные провалы и мусорные кучи, ломая голову и обламывая ногти, не надо идти на недостойные сделки с совестью ради успеха. Чистые помыслы, светлый путь – словом, человек будущего в наши дни. Так что, можно сказать, Лиза своими чувствами к Павлику выражала настроения восхищенного общества.

Кроме того, поскольку они учились в одном учебном заведении, Лиза прямо-таки чувствовала себя причастной к судьбе своего кумира. Она очень обрадовалась, когда Павлик стал известным актером и шоуменом. Это подтверждало ее мысли об светлом, усеянном розами без шипов, «правильном» пути прекрасного человека, чьи ясные глаза и добрая улыбка глядели на нее с рекламных щитов и с экрана телевизора. Однажды Лизе крупно повезло. По крайней мере ей казалось именно так - в начале. На вечеринке у своей подруги она встретилась с Соней и Наташей. Обе очень хорошо знали Павлика. Соня училась вместе с ним в одной группе, а Наташа работала вместе с Павликом. «Надо же, как повезло!» - подумала Лиза про девушек. Ей казалось, что находится рядом и дышать одним воздухом с Павликом – величайшая привилегия.

И Лиза завела беседу о своем кумире, вдохновенную и многословную – и говорила, пока не осеклась при виде иронии на лицах «счастливиц». Лизиных восторгов они явно не разделяли. «Большого ученого ума, говоришь?» – смеялась Соня. - «Но ведь его работы считали лучшими, - не сдавалась Лиза, - и курсовые, и диплом», - «Честно говоря, не думаю, что нужно иметь хоть какие-то мозги, чтобы написать такую дипломную работу... Одна тема чего стоит. «Архитектура деревни Гадюкино в работах художника Змеюкина!» Этот домик в том пейзаже, а этот в другом. Реестр, одним словом. Так что извини», - «А почему же хвалили?» - Лиза цеплялась за соломинку. - «Да потому, что все эти работы ему мама писала. Она еще у нас преподавала. Ну, ты помнишь, кудрявая такая. Что же им, коллегу прикладывать, мордой об стол? Вот и хвалили. Тем более, что тетка она неплохая, трудолюбивая, но без особого полета», - «Надо же, - засмеялась Наташа, - а я-то никак понять не могла, как же он университет окончил?» - «Почему?» - Лиза была готова расплакаться, - «Да туповат он, между нами, девочками, и к тому же в общении... неприятен. Я в его команде работала и при первой же возможности в другую группу перешла – и гуд бай, май лав!» - «А как же тогда все? Что такое Павлик?» - Лиза совсем упала духом, - «Штаны!» - хором ответили Соня с Наташей. «Ну, фактура у него подходящая, - снисходительно пояснила Наташа, - ее и эксплуатируют в хвост и гриву. Шоу-бизнес к штанам очень по-доброму относится. Польза от них есть, доход. Взять, вот, к примеру, тебя. Смотрела столько лет в лучистые Павлушины глаза и плакала от умиления. И другие так же. Так что миссию свою Павлик выполняет. А чем прекрасный принц является в реальной жизни - этого лучше не знать».

Конечно, Лизиной коллизии, пардон за каламбур, можно посочувствовать. Но девушка сама виновата. Ей бы присмотреться, разобраться: и за что я его полюбила? За красивые глаза? За выдающийся вклад в науку и искусство? Нет, скорее за то, что он символизировал. А Павлик символизировал успех, который не надо ни зарабатывать, ни поддерживать, ни упрочивать. Просто живи «как надо» – и все у тебя будет. Павлик олицетворял надежду на светлое будущее для всех «хороших мальчиков и девочек». И блистательный кумир превратился в грубо раскрашенную марионетку, едва трепетная девушка Лиза узнала подноготную Павлушиного «полета в стратосферу» – личные связи в институте да нехитрая функция «фактурного мальчонки» в неромантической индустрии шоу-бизнеса. От такого крушения идеалов люди болеют – и не потому, что «Павлика жалко», а потому, что жалко **себя**: своих надежд, мечтаний и нехитрых расчетов на то, что «правильный и здоровый образ жизни» гарантирует «заслуженный успех и признание». Не стоит ударяться в обожание символа.

Подстраивать реалии собственной жизни под глянец – дело неприбыльное, опасное тяжкими душевными разочарованиями.

Но что делать, если вам хочется – или даже требуется – хорошо смотреться? Делайте то же, что и любой имиджмейкер. Поступайте, как вам удобно, и демонстрируйте окружению лишь ту часть своей жизни, которая подпадает под образец. При этом не позволяйте «аудитории» подходить чересчур близко и настойчиво приниматься к вашему поведению, мыслям, переживаниям. Мало ли что унюхают!

Кстати, нельзя забывать и о том, что существует целая психологическая категория людей, чьей жизнью руководит **демонстрируемая** часть личности. Она направляет энергию сознания в определенное русло дальнейшего развития. Речь идет об экстравертах – то есть о личностях, для сознания которых фундаментальной характеристикой служит экстраверсия⁴⁴. Судьба экстраверта зависит от его интересов, а не от внутренней рефлексии. Поэтому он в первую очередь ориентирован на социальный контакт и на социальное одобрение. Экстраверт не склонен к глубокому анализу жизненных реалий. То, что общество видит и обсуждает, для экстраверта и есть действительность. Экстраверты охотно работают не столько над художественными или научными произведениями, сколько над собственной внешностью или над своей «социальной маской»: почему бы и нет? Ведь собственный светлый образ – ничуть не менее достойный объект, нежели образ, например, литературный? Экстравертам легко дается эксплуатация

⁴⁴ Экстраверсия – согласно концепции К. Юнга, установка, обращенная вовне, на объект.

«образцовых» фрагментов своей личности – они при этом не вступают во внутренний конфликт с «непоказной» частью собственной индивидуальности. Правда, экстраверт испытывает определенные трудности «в контакте с самим собой» и мало склонен к самонаблюдению. Он обычно хуже осознает мотивы своих поступков, не склонен копаться в себе, вычленять основы и закономерности своих побед и поражений. Экстраверт «легче и удобнее» в обращении, чем его противоположность – интроверт.

Как вы, вероятно, знаете, экстраверсивной установке сознания соответствует противоположная, интроверсивная⁴⁵. Ее носители – психологические антиподы экстраверта. Их судьба в большей степени определяется внутренней жизнью личности, а их мышление реалистично, но все же индивидуально. Интроверт хорошо осознает мотивы своих поступков, его социальные контакты ограничены, зато отличаются стабильностью и глубиной. Последствием такой установки сознания в первую очередь становится независимость и стойкость. Реальность не заставит интроверта бесконечно подстраиваться и прогибаться, а пересуды и советы «добрых друзей» не собьют с пути, на который интроверт ступил самостоятельно. Зачастую интроверты предпочитают перейти в категорию «оригиналов»: в таком положении можно лоббировать свои интересы, как бы не замечая реакции публики. З. Фрейд не признавал интроверсии в ее расширительном толковании: «Мы останавливаемся на том, что интроверсия обозначает отход либидо от возможностей реального удовлетворения и дополнительное наполнение им безобидных до того фантазий. Интровертированный человек еще не невротик, но он находится в неустойчивом положении». Вероятно, причиной такого взгляда явился тот факт, что при психогенных заболеваниях у экстравертов появлялись интроверсивные тенденции. А вот психические отклонения у интроверта не сопровождаются экстраверсивными проявлениями – наоборот, первоначальная установка усугубляется. Интроверт может полностью раствориться в «безобидных - до того - фантазиях» и погрузиться в аутизм⁴⁶. Или уж если «закружиться в вихре праздных удовольствий», то не напоказ, а насмерть.

⁴⁵ Интроверсия – обратная установка, направленная вовнутрь субъекта, на его собственную внутреннюю жизнь.

⁴⁶ Аутизм – феномен подчиненности познавательных процессов внутренним тенденциям и желаниям субъекта. Объективная реальность при этом выглядит искаженной. Чем сильнее действительность затрагивает самооценку человека, тем сильнее она искажается в его сознании. При психозах аутизма доходит до полного разрыва контактов с реальностью, к нарушению логических связей и грубому символизму. Э. Блейлер, описавший это заболевание, рассказывал о случае, когда пациентка заявила, что «она – Швейцария, потому что хочет быть свободной». Он же сообщил, что «более тяжелые случаи полностью сводятся к грезам, в которых проходит вся жизнь больных; в более легких случаях мы находим те же явления, выраженные в меньшей степени».

Кто прав - Фрейд или Юнг – для наших целей не столь уж важно. Важно другое: плюрализм в отношении «разнонаправленных» индивидуальностей полностью себя оправдывает.

Общество нуждается и в экстравертах, и в интровертах.

Просто и тех, и других следует использовать правильно, не доводя экстравертов до «патологического самоуглубления», а интровертов – до нервного срыва. Конфликты обычно в том и состоят, что люди, мало интересуясь реальными характеристиками сослуживца, собеседника, сожителя, соратника – в общем, «социального контактера» – напрямую предлагают: «Делай как я!», словно мы все – пионеры под присмотром товарища Дынина⁴⁷. Или верят в примитивные подсчеты, основанные на кратковременной (или даже на давно ушедшей) моде: надо встречаться, надо общаться, надо иметь связи и не морочить голову себе и мамочке всякими сложностями! Или (что еще смешнее) давайте рефлексировать, медитировать, добиваться катарсиса! Откроем чакры, третий глаз, внутреннее ухо, форточки, подвал, чердак – все откроем и проветрим так, чтобы крышу снесло!

Пусть экстраверты без всякой медитации выполняют свою роль, а интроверты, попусту не суетясь, - свою. И даже если вы согласны с Фрейдом в том, что интроверсия ведет к неврозу – не пугайтесь заранее. Мало ли что куда ведет. А вернее, все на свете ведет в одну-единственную обитель – и все там будем. Разумный человек найдет в себе силы задержаться подольше и сделать побольше. Так что следует помнить: талантливые люди и интересные находки не являются прерогативой какой-то единственной категории. А значит, и на успех может надеяться каждый. И конечно, нужно подготовить условия для достижения вождя деленного успеха.

Болезнь и талант – опасная связь

Но, прежде чем смотреть в будущее с оптимизмом, стоит осмотреться вокруг и уточнить некоторые «побочные эффекты» ожидаемого успеха. Нет, мы не станем рассказывать о тяжелой жизни звезд. В конце концов, даже самый наивный контингент «Фабрики звезд» понимает, какая их ждет пахота – и до, и после. Правда, родители не всегда сознают, что их дети в курсе грядущих трудностей – и пытаются отговорить свое чадо от намеченной авантюры с помощью наивных возражений в духе мизантропов Байрона и Онегина: «Он застрелиться, слава богу, // Попробовать не захотел, // Но к жизни вовсе охладел»⁴⁸. И зачем только зря

⁴⁷ Цитата из фильма «Добро пожаловать, Или посторонним вход воспрещен».

⁴⁸ Пушкин А.С. Евгений Онегин.

стараятся? Естественно, от страха за свое дитяtko, угодившее в тенета несбыточного. Родителю во всякой «погоне за недоступным» в первую очередь мерещится великая опасность. И даже не мерещится, а предстает воочию: угроза в ней вполне реальная и вред от нее - тоже.

Да, «грандиозные амбиции» могут в буквальном смысле отнять у человека жизнь. Предположим, у молодого человека не хватает таланта и вместе с тем не хватает смелости признаться в этой «недостаче», зато упрямства хоть отбавляй. Или он просто боится насмешек и фраз вроде «А тебя предупреждали!» – и все, налицо необходимые предпосылки, чтобы просадить свою жизнь без малейшей пользы и удовольствия. И опять-таки получается: давить на неокрепшую личность, зависимую от «социального одобрения» (в юности мы все экстраверты), совершенно нерентабельно. Напугаете до икоты и лишитесь доверия. Разве в этом ваша задача? Нет? А в чем?

Наверняка родителей заботит вопрос: какими аргументами удобнее всего нейтрализовать план «сомнительной аферы»? Как выступить, чтобы привести ребенка в чувство, не споря подолгу на разные глупые темы типа «Почему ты не станешь вторым Кусто или Хейердалом, пока не получишь диплома» или «Почем вы знаете, что я не гений»? К сожалению, «психологических отмычек» для таких разговоров не существует. Все зависит от конкретных условий, а больше всего – от того, насколько вы... знакомы с собственным ребенком. Не стоит недоверчиво хмыкать: мне ли моего дитяти не знать! Немало родителей пребывают в вечном заблуждении насчет «дитяти». По разным причинам. И в первую очередь, по причине своей... забывчивости.

Как мы уже говорили, взрослому трудно понять мышление ребенка, подростка и даже молодого человека, поскольку для него самого этот тип мышления – давно отработанный этап. Он плохо помнит себя на этапе взросления и потому все оценивает «по-взрослому», без подростковой остроты. С годами из нашей памяти уходит ощущение жестокости мира, свойственное молодым.

Мы и подростки словно живем в разных условиях: они – в военной обстановке, мы – в мирной.

И такой жесткой конкуренции, как в подростковом мире, давно не испытываем. А потому крепко-накрепко забыли, какое огромное значение может иметь внешняя атрибутика: во что ты одет, с кем общаешься, где работаешь и как проводишь время... Нет, для взрослого человека все это довольно важно, но его социальный статус – уже не единственное его достояние. А для молодого человека – фактически единственное. У него еще нет достаточного объемной и глубокой **внутренней** жизни – он же «возрастной экстраверт»: больше видит и чувствует, чем думает и

сознает. Для человека, у которого появилось что-то свое, неотъемлемое и непоказное, подростковая акцентуация на «демонстративном существовании» непонятна.

Вот почему со своей сегодняшней позиции родитель уверен: всяческое молодежное стремление в дали и бездны, а также желание заниматься невиданными (и очень дорогими) видами спорта или намерение сделать себе тату самого тошнотворного вида на самом видном месте – примитивный выпендрейж. Нечем пока выделиться – вот и придумывает фантастические проекты. Ничего не делает, сидит на шее у родителей, лоботрясничает от сессии до сессии и пытается компенсировать свою несамостоятельность старым способом - воображает невесть чего. Действительно, во многом возмущенный родитель прав. Попытки поднять самооценку путем фантазирования – стандартные приемы психологической защиты. Отнюдь не редко они сохраняются и у взрослых людей. Кто хоть раз в жизни не встречался с мифоманом, похожим на Гектора Хэшебая, у которого целый ящик медалей Альберта за спасение утопающих, но «он никогда не хвастается тем, что он сделал на самом деле... даже если кто-нибудь другой это говорит, он стыдится. Зато все его рассказы – это сказки, выдумки»⁴⁹?

Правда, зрелому (а точнее, перезрелому) вралю остается только одно оправдание – инфантильное восприятие действительности, стремление задержаться на стадии «дозревания» и страх перед «полной личностной зрелостью». А для молодого человека существует еще несколько оправданий - как социальных, так и биологических. От чего вообще зависит выбор идеалов, ориентиров, целей и средств, так влияющих на жизнь молодого поколения? Двухфакторные теории детерминации развития личности, при всем своем разнообразии, согласны в том, что самыми «могущественными» факторами являются наследственность и среда. Причем о наследственности человечество еще недавно знало так мало, что боялось буквально всего: не дай бог, у жениха найдется дядюшка – игрок, или бабушка – алкоголичка, или кузен – альбинос! Отказать! Сию минуту! Обладатели родственников, похожих на персонажей Вудхауза: «Так начинала моя тетушка. Застали на крыше конюшен, с гавайской гитарой, в голубом халате. Сказала, что она - Боадицея, а это не так»⁵⁰, - те покорно ждали «исполнения приговора», написанного кровью предков. Современная наука уже не столь категорична. Но о «биологическом приговоре» мы по-прежнему знаем немного.

Тем не менее сегодня, в эпоху бурного развития генетики, время от времени в печати появляются сообщения о расшифровке

⁴⁹ Шоу Б. Дом, где разбиваются сердца.

⁵⁰ Вудхауз П.Г. Даровые деньги.

гена, якобы отвечающего не только за ощущения, но и за мышление человека в определенной ситуации. Так, например, ученые обнаружили в человеческом организме ген склонности к наркомании и ген осторожности. Нет, их наличие - не приговор, который обжалованию не подлежит: будешь наркоманом! Или премудрым пискарем! Но вероятность попасть в психологическую зависимость (или заболеть, предположим, тропофобией – боязнью перемен) у обладателей этих генов все-таки выше, чем у того, чей генотип избавлен от подобных «даров природы». Генетик Дин Хеймер расшифровал так называемый «ген поиска новизны»: когда человек получает новый опыт, в его мозгу вырабатывается вещество под названием допамин, сопровождающий усвоение новой информации приятными ощущениями. Антагонистом «гена поиска новизны» оказался ген беспокойства – в аналогичной ситуации он провоцирует выброс серотонина. Полагаете, серотонин вызовет прилив наслаждения, как при удачном сексе или при поедании шоколада? Увы. Не та ситуация (или не та дозировка). В данном случае он вызовет неприятное ощущение – и человек больше не захочет плавать на байдарке по горным рекам или пробовать на вкус незнакомые плоды и животных, даже не помыв их предварительно. Получается, что обладателю гена поиска новизны легко стать экстремалом, а обладателю гена беспокойства – конформистом. И никакие внешние обстоятельства не изменят ситуации.

Но если под влиянием той же молодежной субкультуры кто-то **хочет** заниматься бейс-джампингом⁵¹ или игрой на бирже? И ему не нравится перспектива всю жизнь работать архивариусом? На первый взгляд гены, вызывающие негативные ощущения и повышающие уровень тревожности в сознании – сущий архаизм, пережитки биологической программы, создававшейся для сусликов. В цивилизованном мире нужна твердость духа, креативность мышления и жажда новых ощущений! Во всяком случае, так следует из блокбастеров про то, как молодость мира спасает планету, утерев нос старости мира, погрязшей в бюрократизме и эгоцентризме. Гены, заставляющие молодых вести себя несоответственно голливудскому светлому образу, есть саботажники юных надежд и гордых мечтаний! Пусть наука отыщет средство их подавить! Окончательно и навсегда.

К сожалению, потенциальному невротичу-конформисту изменение генотипа не поможет. Неизвестно, что из этого выйдет – в силу такого явления, как многофункциональность каждого из участков ДНК. Существует ген тревожности и депрессии, который также отвечает за... либидо. Все, кто хоть раз посмотрел американское кино, знают: для усмирения депрессии используются

⁵¹ Бейс-джампинг – прыжки с парашютом с высотных сооружений.

«лекарства страшнее болезни» – в частности, могучий антидепрессант прозак, опасный, словно героин. А ведь кому-то антидепрессанты не требуются вовсе: генотип этих «счастливиц» так устроен, что они с рождения спокойны и благостны, точно медитирующий Будда. Не удивительно, если обладатель гена тревожности, которого попеременно мучают кошмарные предчувствия и приступы уныния, завидует «прирожденному оптимисту» и мечтает об изменении генной цепочки на «тихое счастье», данное нам в генах и в ощущениях. Как ни странно, избавление от беспокойства и депрессии приведет к потере... удовольствия от секса. Прозак – и природный, и синтезированный – снижает половое влечение. Выбирай, но осторожно, осторожно, но выбирай!

Эмоции – не что иное, как последствия биохимических изменений в организме. Кто-то надеется, что наука отыщет способ привести человечество к счастью фармацевтическим путем. Но мы сомневаемся в самой вероятности существования «биохимической нирваны». В нашем ДНК – 40 000 генов. И только небольшая часть проявляет себя в физических данных – главным образом, в болезнях, а также в пристрастиях и предпочтениях. Ну, болезни, конечно, надо лечить – иных мнений быть не может. А вот что касается пристрастий... Предугадать, какая именно страстишка «всплывет» в нашем генотипе в качестве «активного компонента», - по меньшей мере сложно. Поэтому, чем играть в биохимическую рулетку, стоило бы заняться развитием тех возможностей, которые у организма **уже есть**.

Большая часть талантов не получает должной «отдачи и обслуживания» со стороны личности просто потому, что личность и не подозревает о своем потенциале.

Значит, надо искать таланты. Способности, вовремя реализованные и получившие признание – это почти гарантия успеха. Еще бы не хотеть заполучить **такое!** Но вспомните о том, как природа распределила функции в генах: вместе с жизненно важной – чудовищно опасную. Это ее – природы – своеобразная манера. И никто не знает, почему.

Тем не менее, с талантами – та же картина: в придачу к «бесценному дару» вы получаете как минимум недомогание. А то и опасную болезнь. Нет, мы не пугаем. Скорее предупреждаем опрометчивых родителей, мечтающих о том, что их ребенок окажется гением и проявит свои выдающиеся способности еще в юные годы. И опять-таки родительское тщеславие заставляет нас вспомнить восточную мудрость: «Молись, чтобы бог не исполнил твоих просьб». Ведь не каждый родитель дает себе отчет в том, **какая** опека понадобится «гению детства» – и чем все это может кончиться! Речь даже не о проблемах раскрутки. И не о проблемах

распределения доходов. И вообще не об экономической стороне дела. Речь идет об опасности, грозящей юному гению со стороны его собственного мозга.

Сознание ребенка отличается необыкновенно ярким, мощным образным мышлением. Оно настолько целостное, объемное и четкое, что встретить нечто подобное у взрослого человека – небывалая удача. Вот почему произведения, созданные некоторыми детьми в области живописи, музыки и математики (это главные сферы, в которых проявляется образное мышление), могут стать необычайно интересными, оригинальными, талантливыми и даже гениальными. Хотя чаще всего с годами талант тускнеет, а то и вовсе пропадает. Психологи давно изучают феномен детей-гениев, а также феномен исчезновения таланта. Пока удалось выяснить, что один из «факторов успеха» – плохая работа передних отделов мозга! Именно они отвечают за концептуальное мышление и за избирательность мозга. Для нормальной работы сознания человеческий мозг вынужден отсеивать все, что не представляет интереса в процессе решения текущих задач. Со временем отбор проводится все жестче, концепция интереса становится все четче. Попутно развивается вербальное мышление, что помогает селекции данных и... Да, вы, вероятно, уже догадались – это подавляет образное мышление. Если бы развитие передних отделов мозга можно было приостановить...

Некоторые болезни именно так и действуют. Например, уже упоминавшийся аутизм, или деменция (приобретенное слабоумие), разрушающая мозг пожилых людей, подавляют работу тех областей мозга, которые мешают человеку воспринимать мир единым, великолепным и незабываемым. Есть даже понятие «саванты» - гении-идиоты, с серьезным отставанием (или деградацией – если речь идет о стариках) в развитии и со способностями, лежащими за гранью возможного. Ведь наш мозг ничего не забывает. Просто полученные данные не поступают в сознание – как незначащие, второстепенные, ненужные. Поскольку они, согласно установке, не представляют интереса. И только во сне – в странном, сгущенном и искаженном виде – нас посещают образы, так и не обработанные сознанием. Бывает, что в сновидениях содержится больше правды, чем в рассуждении на обозначенную тему. На этом строится система психоанализа, а заодно и система поиска скрытых способностей.

Выявление талантов состоит в том, что блокировка со стороны передних отделов мозга снимается. Когда это происходит из-за болезни, слабоумный ребенок или старик, будучи не в силах досчитать до пяти, в течение нескольких секунд слушает мелодию или смотрит на здание с сотнями окон, колонн, декоративных деталей – а потом воспроизводит все **идеально точно**. Вот что

бывает, когда весь потенциал мозга сосредоточен на одной-единственной задаче. Но, как бы ни поражали такие уникамы, у нормального, любящего родителя не может не возникнуть вопроса: как быть с остальной жизнью душевнобольного гения? А то, похоже, перед нами всего-навсего робот, способный творить – только творить, и ничего больше! А личная жизнь, а семейные обеды по выходным, а полноценный отдых под пляжным зонтиком, а внуки? Внуки? Такие крепкие, розовенькие, хулиганистые существа, от которых никакого спасу нет! Значит, ничего не будет – только картины, мелодии, формулы... Почему же. Не все гении реализовались лишь потому, что ампутировали все области мышления, не касающиеся творчества. И не все гении – слабоумные. Хотя многим для того, чтобы сохранить твердость ума и ясность памяти, пришлось порвать с деспотически настроенными «покровителями таланта». Между прочим, среди таких покровителей бывали и близкие гениям люди.

Выигрывают те, кто делает упор не на патологическую одаренность, а на гармоническую личность.

Пусть это не столь эффектно, как ребенок-гений – но и не столь чревато непредвиденными трудностями. Поистине, гений – самое незащищенное и беспомощное существо в мире, вечный младенец. Ему нужны бескорыстные и безгранично преданные опекуны, няньки, слуги. В том числе и тогда, когда гений уже большой мальчик/девочка. Софья Толстая сетовала на тех, кто этого не сознает: «Гению надо создать мирную, веселую, удобную обстановку, гения надо накормить, умыть, одеть, надо переписывать его произведения бесчисленное число раз, надо его любить, не давать поводов к ревности, чтоб он был спокоен, надо вскормить и воспитать бесчисленных детей, который гений родит, но с которыми ему возиться и скучно, и нет времени, так как ему надо общаться с Эпикетами, Сократами, Буддами и т.п. и надо стремиться самому быть им. И когда близкие домашнего очага, отдав молодость, силы, красоту – все на служение этих гениев, тогда их упрекают, что они не довольно понимали гениев». Как, вы готовы? Словом, лучше дать своему любимому детищу созреть **интеллектуально**. Пусть он, став полноценной личностью, сам соберет и перепробует все плоды, которые принесут слава и успех.

К тому же, сняв хотя бы один источник внешнего прессинга, молодой человек снижает вероятность поражения и повышает свои шансы на успех. Уважаемые родители, постарайтесь сделать так, чтобы не оказаться в списке негативных факторов.

Не стоит спорить с Терминатором

Дети (в том числе и подростки), хотя их часто упрекают в необоснованных претензиях, на самом деле не так уж неправы,

когда капризничают. Их потребность в осмыслении и освоении мира по сути своей позитивна. Их желание выработать собственные шаблоны поведения – тоже. Под чьим бы то ни было **тотальным контролем** задачи познания мира трудновыполнимы.

Внутри рамок, поставленных априори, без объяснений и комментариев, нормальное развитие невозможно.

Притом, что полное отсутствие развития означает тяжелый инфантилизм. Вот почему послушание перестает восприниматься как обязательство младших по отношению к старшим, как только оно начинает мешать проявлениям и развитию **личности**. Требуя беспрекословного подчинения, родители провоцируют бунт беспощадный, но не бессмысленный – и особенно тогда, когда процесс воспитания уже не касается биологического выживания, а затрагивает индивидуальные черты характера. И даже если родителям кажется, что их деликатная «семейная» коррекция выправляет лишь мелочи, вроде деталей поведения, это могут быть кажущиеся мелочи. Для подростка или молодого человека они выглядят как нечто важное для формирования личности.

Поэтому как маленькие, так и совсем взрослые дети бунтуют не только в силу подросткового негативизма, но и в силу более важных причин. Когда-то большинство требований старших касались главным образом жизненно-важной «запретительной» сферы (не ходи куда не надо, не ломай имущество, не водись с криминальными структурами, не взрывай трофейных боеприпасов на кухне) и были разумны и справедливы; зато сентенции наших пап и мам стали значительно подробнее, ибо те боролись за... непререкаемый авторитет. И, видимо, зря боролись. Человеку не стоит бороться с мифом – неважно, с древним или современным, изложенным письменно или нарисованным виртуально. Поэтому лучше уподобляться нашим дедушкам и бабушкам с их четко очерченными «границами воспитательной деятельности», чем нашим амбициозным мамам и папам с их беспредельным управленческим честолюбием.

«Да-а!», - скажете вы, - «Хорошо давать советы и писать «письма издалека»! А как быть родителям, которым приходится конкурировать сначала с Терминаторами и Барби, потом с Биллом Гейтсом и Абрамовичем? Как прикажете соперничать с образом успеха и олицетворением совершенства?» А не надо с ними соперничать. У них своя функциональная сфера – развитие яркого образного мышления, в частности. А у вас своя - не менее (а может, и более) важная.

Вы должны ввести вашего ребенка в социальную среду, помочь ему наладить связи с нею, показать пример адекватного восприятия действительности, научить его делать самостоятельный выбор и отвечать за него.

Неужели мало? Если да, то у вас мания величия. Или комплекс неполноценности. В любом случае, вы берете на себя слишком много или попросту завидуете героям современных мифов и легенд. Вас раздражает невозможность стать на одну ступень с каким-нибудь персонажем компьютерной игры, у которого, как у кошки в пословице, девять жизней и вдобавок длинный хвост для равновесия. И дает себя знать родительская ревность, в которой, как и в большинстве разновидностей ревности, никакого проку нет и быть не может.

Попробуйте разобраться в себе: вы пытаетесь компенсировать какие-то «недостачи» психологического плана, без меры укрепляя свой авторитет среди домашних? Или боитесь за свое чадо, воображая всякие ужасы, связанные с безжалостной поступью высоких технологий - вроде психологической зависимости от интернета или прогрессирующей шизофренией на почве увлечения голливудскими блокбастерами? Или завидуете, что у ваших детей имеются всякие роскошные игры, фильмы со спецэффектами, убойная музыка, а вот в ваши юные годы ничего такого не было? Или беспокоитесь, что вашему ребенку «по барабану» все, что вы считаете нужным ему сказать: вечно он витает в облаках и интересуется только своей молодежной субкультурой, а реальная жизнь ему кажется досадным глюком? На какой почве произрастает ваша ревность, ваше стремление подчинить всю мыслительную деятельность вашего отпрыска родительскому контролю?

Довольно многие родители сразу же отмахиваются все подозрения на свой счет и «переводят стрелки» на счет сомнительной морали, изложенной в этой самой «современной мифологии» – в книгах, фильмах, играх. Жестокость, насилие, бездуховность. Все не то, все неправильное, все примитивное. И не помогут никакие победы Добра над Злом после пятнадцатиминутной показательной драки с применением холодного и огнестрельного оружия с обеих сторон. Чему они учат, эти истории? Тому, что прав самый сильный и самый вооруженный? Ничего себе мораль!

Идея, что побеждает не тот, кто прав, а тот, кто лучше вооружен, полезна человеку, который хочет победить.

И нет в ней ничего безнравственного. Вступая в борьбу за правду, не пренебрегай хорошей подготовкой к этой борьбе. Если ребенок, играя в игры, научится просчитывать собственные силы и оценивать ресурсы противника – есть шанс, что взрослея, молодой человек не задержится на инфантильном представлении о всепобеждающей силе детского нытья, а перейдет к другим методам покорения мира.

Кстати, добро с кулаками – непопулярный в свое время образ – сегодня получает новое раскрытие и освещение. Непротивление

злу насилем – мысль соблазнительная, особенно для людей боязливых и слабохарактерных, но в современном нестабильном, кризисном обществе она есть синоним медленного суицида. Проводить ее в жизнь можно только в стенах монастыря или в кругу заботливой семьи. Ну, а за пределами указанных стен и кругов надо быть готовым к худшему: тебя съедят, дело твоей жизни положат на полку, учеников передадут в другие руки, идею поставят с ног на голову, автобиографию фальсифицируют. Непротивление – жестокий аттестат на прочность. Им проверяется «качество» даже не самого дела (идеи) – им проверяется «группа поддержки» того самого непротивленца, который бросил своих людей на съедение оппонентам. Признайтесь: вы бы хотели оказаться в составе группы обреченных? Наверняка нет. Поэтому дайте ребенку возможность научиться просчитывать силы и защищать свое и своих.

Вы боитесь, что он погрязнет в насилии, станет обижать слабых и превратится не то в Саурана, не то в Бармалея, не то в Жириновского? Бросьте. Если и станет, то не оттого, что взалел смотреть фильмы и передачи с этими, гм, персонажами. Игры в Сауранов-Бармалеев-Жириновских человеку навязывает общество. Умелый тактик найдет такой путь, чтобы поменьше измазаться, а импульсивный романтик поперет напролом и вляпается по уши. Для особо щепетильных заметим: пролететь над хлябями и грязями, не замаравшись, способен лишь ангел или Карлсон. Будем смотреть действительности в лицо: гуманизм и чистоплюйство суть разные вещи. Гуманизм предполагает борьбу и действие, полноценную жизнь и веру в себя. Чистоплюйство – отстраненное, осуждающее отношение к современности, полусонное существование взаперти.

Ну, а тем, кто боится скоропостижной кончины гуманизма, советуем не беспокоить себя выдуманной опасностью. Сегодняшнее отношение к аутсайдерам, слабакам, очкарикам изрядно отличается от вчерашнего и позавчерашнего – равно, как и отношение к супергероям. Оно перестало быть однозначным. Так, современные развлечения дают ребенку представление о том, что даже у самого-самого неуязвимого Ахиллеса есть уязвимая пятая – и конец супергерою. Криптонит какой-нибудь, микрочип, растворяющийся в расплавленном металле, кольцо власти, попавшее в руки отнюдь не тому, кому следовало. В общем, все, включая персонажей сказок, имеют свои слабости. Гарри Поттер, например, добрый, но чрезвычайно нервный и непоседливый ребенок. А храбрые хоббиты Толкиена – обжоры, разгильдяи и ксенофобы. И то, что на их плечах – на плечах недоучившихся малолетних магов и героически настроенных полуросликов - держится все благополучие мира, указывает на важную-преважную тенденцию: публика учится снисходительно относиться к слабости и не преклоняться перед грубой силой.

Может, и родителям не стоит прибегать к грубой силе? Даже если очень хочется. Когда, например, возникает идея - прикрыть свою ревность и оскорбленное самолюбие праведным возмущением. Например, возмущением по поводу безграмотности и инфантильности младшего поколения. Добро бы классику читал – а то ерунду какую-то! Травит мозги масскультурой! Как мы уже сказали, «ерунда» может оказаться довольно важной и интересной, если посмотреть на нее непредвзято. Да и масскультура вовсе не заразная болезнь, а средоточие примет и символов современного искусства и коллективного сознания. Без хорошей ориентации в этих дебрях человек выпадает из общественной жизни. Пусть уж сам разберется в окружающем мире и своим умом дойдет до собственной системы ценностей.

Подумайте: разве ваши дети заслуживают пожизненного заключения в башне из слоновой кости?

Да, на их сознание действуют массовые психологические «поветрия». Но и мы, кстати, не свободны от этих «поветрий». И ничего, в здравом уме и твердой памяти находимся, слава богу. Хотя влияние коллективного сознания на сознание индивидуальное может стать еще одной причиной конфликтов с подросшими детьми – особенно в тех случаях, когда каждая сторона не отдает ни пяди «своей земли» и ведет себя не как личность, а как толпа.

Г. Лебон, описывая механизмы, руководящие психологией толпы, полагал: лишь ученые-теоретики, не зная законов этой психологии, воображают, что разум меняет людей и правит миром. Он только подготавливает идеи, которые изменят мир позже, а сейчас, в ближайшее время, воздействие разума остается ничтожным. Массы нечувствительны к рассудочным доводам – на них не подействует ни правдоподобное рассуждение, ни дискуссия, ни неоспоримые доводы. К тому же массы не стремятся знать правду, да и всякая дискуссия умаляет авторитет вождя⁵². Массы готовы воспринимать дискуссию как зрелище или как игру – этакое ток-шоу в реальном формате, где под руководством ведущего оппоненты, поддерживаемые своими фанатами, лупят друг друга аргументами разной степени тяжести. Они вовек не договорятся, но вечерок проведут не без пользы. Каждый положит свой кирпичик в фундамент коллективного мнения.

Стереотипы крепчают и незаметно укладываются в фундамент «псевдоиндивидуального мнения», а мы понемногу вливаемся в «коллективное русло», проложенное авторитетами **нашей** социальной группы. И вступаем в конфликт с другими социальными группами - в том числе и с теми, к которым принадлежат наши дети. Разница наших «групповых» вкусов, помноженная на разницу

⁵² Лебон Г. Психология масс.

приоритетов, в результате дает трещину глубиной с Марианскую впадину. Чего ради мы так отдаляемся от наших близких? Ради наших идеалов? Но что они собой представляют, эти идеалы? Нередко идеал, кумир, лидер – словом, авторитет - процентов на семьдесят состоит из коллективных представлений. А. Мендра пишет об основах авторитета как такового: «Стабильность мнений демонстрируется и объясняется распространенностью стереотипов и символов, лежащих в основе этих мнений. Все согласны с небольшим количеством клише, которое мало изменяется под посторонним влиянием. Люди верят в то, во что они верят, и в то, во что верят окружающие»⁵³.

Но, несмотря на эти сложности, мы понимаем: идеалы и лидеры нужны. То есть идеалы нужны, а лидеры пусть выступают в качестве носителей, передатчиков, материальных воплощений... То есть своеобразных «операторов». Оскар Уайльд заметил: «Ценность идеи не имеет ничего общего с искренностью ее глашатая». Можно добавить, что идея вообще может не иметь общего со своим глашатаем, как ни странно это звучит.

Законные родители любой идеи практически никогда не бывают лидерами.

Их положение куда скромнее – это чаще всего не самые успешные и обеспеченные люди. Они предлагают обществу нечто невиданное – свои интеллектуальные находки, философские взгляды, ученые труды, ноу-хау. А вот руководят только собой - и то не всегда.

Чтобы «охватить» массы какой-либо идеей, требуются, как уже говорилось, «стимуляторы» - лидеры и пророки. Вот они-то и используют мысль, рожденную интеллектуалом-аутсайдером, на благо страны или целого мира, а больше всего на благо себя: создают группы, сообщества, секты и клубы по интересам. Здесь формируется авангард – из последователей, сторонников, поклонников и эпигонов. Авангард направляется туда, куда Макар телят не гонял. А масса реагирует только если идея окажется своевременной, то есть если большинство граждан не в силах вынести существующее положение дел. Тут вспыхнувшая энтузиазмом масса примыкает к авангарду, напирает сзади и наконец подминает под себя и первопроходцев, и пророков. Может и насмерть затоптать, чтобы впоследствии поставить памятник особо выдающимся и проводить ежегодные фестивали имени задавленных во имя светлого будущего.

Последователей, как видите, ждет жалкая участь, еще хуже, чем судьба лидеров-пророков. И сказок о них не расскажут, и песен о них не споют. Эпигоны – либо рабочая сила для продвижения

⁵³ Мендра А. Основы социологии.

чужих принципов, когда те входят в моду и становятся актуальными; либо жертвы «кризисной эпохи», когда общество вырастает из «детских штанишек» и с поспешностью перелезает в новые, подростковые. Мы с вами живем именно в такое время, оно наше – вот и приходится смотреть ему прямо в лицо. Хотя и не мы первые. Опыт тех, кто прошел через «эпохальные кризисы» и «кризисные эпохи» до нас, поможет нам составить план действий, а заодно понять: что, собственно, происходит в голове у нас, родившихся до кризиса, и что – в головах у наших детей, родившихся **во время кризиса** или несколько **после**.

Демон разрушения в человеческой душе

Мы, старшее поколение, зачастую мечтаем обрести в младшем поколении свое отражение – облагороженное, осовремененное, «апгрейденное», но все-таки похожее. Мы, честно говоря, не очень-то помним, каковы были **мы** в **их** годы, но, по законам психологической защиты, избавляющей нас от неприятных воспоминаний, издалека все выглядит мило и душевно. Почему бы и не повторить эти прекрасные времена на фоне высоких технологий? И пусть наши дети постараются полюбить тот стандарт мышления, который так симпатичен **нам**. Да, это один из вариантов авторитарного обращения с близкими, но мы стараемся об этом не думать. Или объясняем необходимость «жесткого подхода» своим выдающимся жизненным опытом: мы, дескать, точно знаем – потом, с годами «станет будет лучше» - для страны, для потомков, для мировой культуры. И заодно не замечаем, как сами себе создаем проблему – ту самую, которую долго изживали.

А сделали ее нам... наши родители. Ведь у поколения шестидесятых, которое было нашим общим наставником, имелись два основных средства освоения действительности – романтизм и нонконформизм. И они их нам вручили от доброты душевной, всерьез предполагая: это – лучшее, что у них есть. А мы, согласно эстафете поколений, приняли – пусть формально – и понесли дальше, нашим детям. Так ли эти «приобретения» полезны, как кажется? Так ли они актуальны, как нам хочется? Пожалуй, стоит детально рассмотреть, что когда-то предлагали **нам** и что стоит предложить **им**, нашим наследникам.

Среди этих «предложений» неизбежно присутствуют «обманки» – соблазнительные, но опасные идеи, с массой «побочных эффектов», разрушающих личность. И многие прячутся в пышную упаковку «культурной традиции» - как уже упоминавшийся романтизм. Тем более, что в качестве художественного направления романтизм имеет чрезвычайно привлекательное «лицо» - многосторонний, плодотворный, темпераментный. Но в качестве идеологической «обманки» он

примитивен и одновременно коварен. Почему? Да потому, что незатейливо играет на чувстве тревожности, используя психологические потребности большинства людей - «обожествление героя»⁵⁴ и поиск «волшебного помощника»⁵⁵. Инстинктивное напряжение снижается, тревожность уходит, но самостоятельность и независимость суждения сводится к минимуму. О какой свободе выбора может идти речь, когда идеалы и герои служат для сознания прямо-таки нерушимой рамкой? Тут сам не заметишь, как твое видение мира превратится в игольное ушко или в оптический прицел.

Говоря о лидерах-пророках, чьи разглагольствования с одинаковым успехом оболванивают и младшее, и старшее поколение, мы уже касались причин «эпохального» стремления «одуреть во имя чего-нибудь великого». Но и отсутствие высоких (альтруистических или эгоистических) целей не избавляет человека от потребности понизить «уровень содержания» самостоятельного мышления в своем сознании. Отчего? Да оттого, что самостоятельности неизбежно сопутствует ответственность. Как говорил шекспировский персонаж Шейлок: «На голову мою - мои дела!»⁵⁶ И свое независимое мнение, в большинстве случаев, приходится защищать и от правых, и от левых, и от сочувствующих. Стереотипизированное мышление, равнение на героя и надежда на волшебного помощника сильно облегчают «земные тяготы». Правда, результат, мягко говоря, непредсказуем – как оно всегда бывает, если без карты бредешь по бездорожью, надеясь на удачу или вовсе на чудо.

Причинами подобного неверия в свои силы, обращения к помощниками и героям – и все это на фоне общего «усреднения» восприятия – становятся наши внутренние потребности: в эмоциональном допинге, в подавлении аномии, в психологической разрядке... А в качестве внешних причин выступает... правильно, романтизм. Он на протяжении двух столетий формирует образ так называемой «славянской души», основным наполнением которой служит... истерия. А также садомазохистский комплекс.

⁵⁴ Обожествление героя – психологическая потребность многих людей в авторитете, личности, которую можно обожать, подчиняться ей и, если нужно, пострадать за нее. «Соответствующий шаблон поведения предписывает радость, когда человек заметит героя, злоба на тех, кто замечает у героя изъяны, сильное желание воздать должное заслугам героя... Герой части используется как модель, по которой человек пытается строить свою жизнь» (Т. Шибутани).

⁵⁵ Волшебный помощник – термин, введенный Э. Фроммом, которым обозначается потребность субъекта в защите и опоре, некоей внешней силе, которая помогла бы ему осуществить заветные желания, а также избавить от чувства страха, одиночества, униженности. Фея-крестная, Конек-Горбунок, джинн из лампы – фантастические модели «помощника». Реальный волшебный помощник – близкий человек (супруг, родитель, врач-аналитик), животное, техническое средство, на которое переносится привязанность, предназначенная для живого существа.

⁵⁶ Шекспир В. Венецианский купец.

Литературным воплощением загадочной славянской души отлично послужит «молодая девица Елизавета Расторгуева, не нашедшая еще себе занятия по вкусу», и оттого, «когда в доме появлялся новый человек, она зазывала его к себе, и начинался головокружительный разговор, весь построенный на остриях и безднах, причем она выпытывала – нет ли у ее собеседника жажды к преступлению? способен ли он, например, убить? не ощущает ли в себе «самопровокации»? – это свойство она считала признаком всякого замечательного человека... В общем, это была неудовлетворенная девушка и все ждала каких-то «переворотов», «кошмарных событий», которые сделают жизнь увлекательной, такой, чтобы жить во весь дух, а не томиться у серого от дождя окошка»⁵⁷.

Ожидание «переворотов» и «жизни во весь дух», без сомнения, не может считаться признаком зрелой индивидуальности.

Взрослая личность не ждет жизни, а живет – хорошо ли, плохо ли, но живет.

Было бы странно застыть на стадии «неудовлетворенности» пополам с демонстративной тягой к суициду – да так и провести весь свой век. Но с другой стороны, подобная «заморозка» сильно экономит ресурсы, необходимые для развития самостоятельного и деятельного образа жизни. Можно сидеть, сидеть у того самого окошка, а однажды как-нибудь поддаться «самопровокации» – и в бездну головой! Без размышлений и сомнений. Уж переворот так переворот. Елизавета Киевна Расторгуева, персонификация мятущейся славянской души, одобрила бы и прослезилась.

Бывает, что эти незрелые ожидания оформлены в виде протеста – против чего угодно. Хотя по большому счету, инфантильная личность протестует против жестокости окружающего мира и несовершенства мироздания вообще. Экстернализация⁵⁸ в виде нонконформизма присуща люмпенизированной – или еще молодой - части населения. Верно сказал юморист Владимир Колечицкий: «Вы не имеете ничего против или вы против, потому что ничего не имеете?» - и в самом деле, пока человеку нечего терять, он всей душой приветствует радикальные перемены. Молодежи часто требуется лишь повод для того, чтобы примкнуть к экстремистам политического, спортивного или художественного толка.

Есть шанс, что со временем экстремизм пройдет. Все, что удастся «вплести» в ткань культуры, останется будущим

⁵⁷ Толстой А.Н. Хожение по мукам. Книга первая. Сестры.

⁵⁸ Экстернализация – один из механизмов психологической защиты. Внутренние проблемы осознаются как внешние обстоятельства. Страх перед каким-либо действием не осознается, но субъект считает, что непреодолимые объективные обстоятельства мешают ему совершить этот поступок. В целом, это выражение тенденции, когда человек видит себя лишь частью внешней силы и ощущает себя полностью от нее зависимым. Эта черта весьма характерна для тоталитарного типа личности.

поколениям, а сиюминутные эмоциональные «выбросы» уйдут в небытие. Но это – идеальный исход. Множество людей так навек и увязнет в трясине спонтанной психологической разрядки, не контролируемой ни разумом, ни опытом. А в качестве оправдания приплетет вереницу фантазий на тему «За то, что мир жесток и груб, за то, что Бог не спас». Мол, я не смог себя отстоять, весь мир против меня, я в корне не согласен со всем, что мне предлагают, я вообще предпочел бы уйти по-английски, а вернее, по-ирландски: ни с кем не попрощавшись, но чтобы после хлопка закрывшейся двери прогремел взрыв – и наступила тишина! Пусть все начнется с чистого листа – авось вдругорядь лучше получится.

Так рассуждают не только подростки в тяжелом приступе негативизма, но и люди вполне дееспособные – дееспособные согласно паспортным данным. Плохо дело, если фантазеру/фантазерке никто не объяснил – деликатно, но твердо: все это бредни, восторженные или депрессивные, но одинаково деструктивные.

Уничтожая себя, разрушая свою (или чью-нибудь еще) жизнь, нельзя доказать ценность собственной личности.

Максимум, на что можно рассчитывать после саморазрушения: со стороны знакомых – саркастическое «Вот дурак/дура!»; родные и близкие, не в пример дальним, будут не сплетничать, а страдать и убиваться всерьез – и что? В этом состоит твоя цель, эфирное ты создание? Нет, конечно, не в этом. Здесь мы видим не **цель**, а **предчувствие**. Молодым свойственно чувствовать страх перед долгой «дорогой жизни», хотя в конце ее человека, вероятно, ожидают не только разочарования, но и награды. И все-таки вступить на эту дорогу не так просто, как описывает «Даодэцин»: «путь в тысячу ли начинается под ногами». Ощущение дальности и трудности путешествия вызывает желание избавиться от опасных ситуаций с помощью разных психологических игр. Притом, что все выигрыши – преимущества, извлекаемые в ходе игры – сводятся, главным образом, к экстернализации.

При таких взаимоотношениях личности и действительности и возникают разные фикции и фантазии⁵⁹. З. Фрейд писал: «Остается факт, что больной создал себе такие фантазии. И этот факт имеет

⁵⁹ Фикции – согласно теории А. Адлера, принципы и идеи, не имеющие отношения к реальности, которых, однако, придерживается значительное количество людей. Люди ведут себя так, словно фикции существуют реально. Большинство фикций имеет символическое значение. Психически здоровый человек способен отбросить фиктивные цели.

Фантазия – продукт воображения, состоящий из группы символов, объединенных в связную историю. Компенсирует неудовлетворенные желания, конфликты между «Я» и реальностью. Обслуживает «Я» как один из механизмов психологической защиты, но может обслуживать и «Сверх-Я», представляя поведение субъекта соответствующим строгим моральным нормам. Имеются и бессознательные фантазии, обслуживающие бессознательные функции «Я».

для невроза вряд ли меньшее значение, чем если бы он действительно пережил содержание этих фантазий. Эти фантазии обладают **психической реальностью** в противоположность материальной, и мы постепенно научимся понимать, что в **мире неврозов решающей является психическая реальность**». Если человек удаляется в «психическую реальность», ему грозит целый список неврозов и психозов. Словом, все происходит по законам сказки: чем дальше, тем страшнее. Чем дальше индивидуальность от реальности, тем страшнее ему возвращаться и адаптироваться в этой недружелюбной реальности. Но если человек психически здоров, он, кряхтя и постанывая, вернется в этот мир и пойдет по упомянутому «пути в тысячу ли».

Естественно, и нормальный человек подвержен нервным срывам. И не стоит свято верить: адекватная личность, погрязнув в семейных неурядицах, трудовых конфликтах или моральных дилеммах, нипочем не станет падать на рельсы, ходить с топором на старушек, травиться сулемой. Может и не станет. А может... Под давлением обстоятельств не каждый остается нормальным и адекватным. Группу риска, как назло, составляют люди душевно тонкие, чувствительные, с ярким воображением, но с нестойкой психикой. А под непрерывным «романтическим прессингом» происходит перерождение архетипа героя⁶⁰ в другой подвид – в героя-мученика. Этот архетип органично сливается с инфантильным воображением в следующей прекрасной картине: вот лежит покойный идеалист в гробу, бледный и элегантный, вокруг гроба теснятся рыдающие близкие, недругов покойного дико терзает совесть, все, кто при жизни недооценил, недолюбил, недохвалил, теперь скорбные речи произносят, жалеют о невосполнимой потере... Опять же красивым дополнением к ранней смерти выглядит неумеренное славянское «питие», дабы заглушить грусть-тоску – о судьбе России, например. Можно также писать стихи и песни, сидеть на игле и дебоширить в местах общественного пользования. Или влюбиться безнадежно, никому ничего не сказать и зачахнуть, будто неполитая лилия.

Даже смирившись с повседневностью и приняв рутину обыденного существования, фантазер регулярно изводит окружающих своими депрессиями, нотациями или пафосными декларациями типа «Не верь, не бойся, не проси!». Если фантазеру меньше тридцати лет – пусть его. Для молодых подобные «капризы» – отличная возможность потешить инфантильную и нервную часть

⁶⁰ Для этого архетипа характерны красота, агрессивность, отсутствие привязанности к определенному месту пребывания, гиперсексуальность. Архетип героя предполагает нарушение основных нравственных норм во имя некоей «благородной цели». Другим подвидом этого архетипа является «страдающий герой», мученик, приобретший качества героя именно в результате перенесенных им страданий.

своего «Я», стосковавшуюся по одинокому, но всеми любимому защитнику Добра и Правды. Кто-то воображает, что «герой» где-то поблизости и вот-вот предложит свое покровительство. Кто-то и сам не прочь стать «героем» и даже супергероем, вооруженным новейшими (или древнейшими) технологиями. Выбор широк: для тех, кому не претит разгуливать в колготках, - благородный разбойник типа Зорро или Робина Гуда; для любителей верховой езды и быстрой стрельбы – все персонажи Джона Уэйна; для отчаянных ловеласов – Бонд, Джеймс Бонд; для тех, у кого ничего святого, - Остин Пауэрс, чучело-2. Если идентифицировать себя с «героем», жизнь уже не выглядит такой беспросветной.

Кстати, дорогие родители! Не забывайте: вышеописанный персонаж – не обязательно представитель именно **младшего** поколения. С тем же успехом это может оказаться особа далеко за сорок – и весьма далеко. Как уже говорилось, острой формой романтизма массово страдают шестидесятники, воспитавшие не одно поколение достойных преемников. Их «флюиды», если так можно назвать стереотипы мышления, не могли пройти мимо нас, даже если мы и посмеивались (да и сейчас посмеиваемся) над старыми физиками-лириками, которые из года в год вдохновенно поют плохие стихи, положенные на три аккорда, а потом мрачно решают глобальные проблемы нравственно-экологического характера. Как будто и моральные нормы, и парниковый эффект зависят от их усилий.

Шаблоны поведения в большей степени – плод многократного повторения, а не сознательного выбора.

И на этой особенности держится «эстафета поколений», несущая из века в век многое такое, о чем стоило бы забыть. Чтобы сделать этот процесс передачи информации более осмысленным, надо разобраться в себе – в своих представлениях и поступках, а не действовать «как всегда», потому что, видите ли, «все так делают». Поэтому перед тем, как искать инфантильные или истерические проявления в поведении своего отпрыска, проверьте: как лично у вас обстоят дела с изживанием атавизмов романтизма?

Притом не стоит воображать себе всякие ужасы и искоренять в домашней библиотеке творения русских классиков и западных фантастов. Проблемный «уход в грезу» начинается не с них – они лишь **средство** психологической защиты. **Причиной** ухода становится и неприятие реалий, и инфантильность мышления, и «романтический прессинг». О последнем хотелось бы добавить: что все мы – каждый по-своему – испытали влияние старого, доброго (но несколько глуповатого) романтизма. А ну-ка вспомните, как романтическая традиция трактует процесс взросления? Верно, как «общее понижение качества» личности: дескать, был такой

бескорыстный, великодушный, отважный борец – а стал такой алчный, себялюбивый, трусоватый мещанин. Вот несчастье!

Не соглашайтесь. Твердо стойте на позициях разумного эгоизма: никакого несчастья в том, что человек перестал рваться на амбразуру, нет. Целее будет. А «руководящие структуры», привычные к лозунгу «В жизни всегда есть место подвигу!», пусть привыкают к мысли, что большинство людей стремится держаться подальше от этого места. В конце концов, амбразуру можно заткнуть не только пушечным мясом. Родители – и тем более матери взрослых сыновей – не могут с нами не согласиться. В общем, жертвенность и самоотречение во имя великих истин необходимо ограничивать и контролировать. Как и романтические порывы.

То, что в юном возрасте на «вершине» системы ценностей помещается «половодье чувств» - это норма.

Эмоциональная сфера «расцветает» именно в юные годы, а рациональное мышление «шлифуется» всю жизнь.

Поэтому и любовь, и идеализм, и самопожертвование в юной природе доминируют, но по мере взросления и развития индивидуальности их «содержание» в характере несколько понижается. Вдохновенный, красивый образ «великого подвига» исчезает, на его место приходит более адекватное представление о неприятных последствиях и болезненных ощущениях, сопровождающих подвиг как таковой. Любовь тоже смещается от центра эмоциональной жизни к периферии – есть же другие радости, помимо любви! Короче, в бескорыстные чувства юного существа вмешивается растущий эгоизм зрелой личности, которой есть что терять при совершении акта самопожертвования.

Это неизбежный, а главное, позитивный процесс. Если человек хорошо представляет последствия своего поступка, то, значит, он способен минимизировать потери, сохраняя результативность. Иначе всяческие «побочные эффекты» придется разгребать родным и близким «спонтанного героя»: возить фрукты в больницу (передачи в Матросскую Тишину, лекарства от депрессии, деньги в долг), искать ему врача (другую жену, новую работу, съемную квартиру), учить его жить в мире и согласии с собой и окружающими, а не лезть на баррикады по любому поводу... Только благодаря рациональному мышлению, планированию и прогнозированию своих поступков человек «дотянет» до момента воплощения «светлой мечты» в жизнь. Глядишь, и увидит, как великие истины приоткроют завесу тайны и начнут приносить человечеству дивиденды.

Кто-то может принять все вышесказанное за призыв «к немедленным действиям». Выходит, ребенка нужно избавить от этих «пережитков созревания»? Недрогнувшей рукой вывести на большую дорогу (нет, это звучит как-то двусмысленно), то есть в

большой мир – и показать все как есть, во всей неприглядности? И жестко вернуть на земную поверхность, чтобы в облаках не витал? Чтобы поскорее стал взрослым, самостоятельным, разумным и циничным? Опять что-то не то... В общем, полярные варианты – жизнь в грезах или жизнь в грязи – не слишком хороши, когда приходится выбирать мироощущение для любимого детища. А для выполнения задачи нужно основательно поработать над собой - и не только юному энтузиасту. Его родителям тоже придется внести серьезную лепту.

Глава 4. Индивидуальность «в движении»

Жизнь как чужой язык: все говорят с акцентом. Кристофер Морли

Внеси лепту и спи спокойно!

Предположим, вы человек здравомыслящий, и нет у вас намерений украшать свою жизнь смертельными душевными надрывами и надломами. Вы не считаете, что каждого ждут великие дела, надо только найти своего пророка и следовать за ним, в какую бы... сомнительную местность он вас ни завел. Вам не кажется, что за яркое переживание стоит заплатить если не жизнью, то здоровьем, поскольку главное – было бы о чем вспомнить перед смертью. Вы не предполагаете, что молитвенное предстояние заменяет деятельность по достижению желаемого и что боженька ради истово молящегося готов на любое нарушение естественного хода событий (а чем, собственно, является чудо?). В таком случае поздравляем: вы не подвержены патологическим романтическим настроениям. Зато есть вероятность, что время от времени у вас возникают конфликты с вашими детьми, которые вас считают совсем не крутым и даже довольно скучным человеком.

Что поделать! Крутость, она же экстремизм и нонконформизм самоубийственного толка, выглядит ярко, глянцево, феерично – совсем как остросюжетное кино или рекламные ролики про свежее дыхание. Поэтому молодежи интересно увидеть, как оно выглядит в реальности, в исполнении ближайших родственников. А не увидит ничего подобного – так уже и нос воротит. И хочется в ответ окатить их свежестью с привкусом резонерства – в духе столичного дядюшки Адуева из «Обыкновенной истории» Гончарова: «Велика фигура – человек с сильными чувствами, с огромными страстями! Мало ли какие есть темпераменты? Восторги, экзальтация: тут человек всего менее похож на человека, и хвастаться нечем. Надо спросить, умеет ли он управлять чувствами: если умеет, то и человек...». Впрочем, Адуев-племянник не очень-то слушал рассудительного дядюшку, а если и слушал, то потом злился и каждое слово отвергал. Сам автор, кстати, называл поведение Адуева-дяди «холодной и тонкой тиранией», причем обвинял

«тирана» еще в том, что он родную жену погубил – забыв, что «она не служила, не играла в карты, что у ней не было завода, что отличный стол и лучшее вино почти не имеют цены в глазах женщины, а между тем он заставлял ее жить этою жизнью»⁶¹. Вот и проговорился Иван Александрович Гончаров: в такой-то пустоте, да еще если муж своей «холодной и тонкой тиранией» оградит тебя от «внебрачных радостей жизни», и заболеть недолго. Примем же к сведению эту информацию, щедро подаренную классиком.

Выходит, что человек, когда он не в силах обрести «упоенье» в службе, картах, заводе, а также во вкусной и здоровой пище, сильно нуждается в «искусственно подогретых» переживаниях. Кстати, больше всего это относится к подросткам и к тем, кто еще недавно числился подростком. Нет у них ни своего завода, ни интереса к игре «по маленькой», ни приятных пороков, отшлифованных временем до безопасного, «пикантного» состояния, ни собственных семейных традиций, которыми при случае можно было бы и пренебречь. Все заемное – и традиции, и пороки, и интересы. Просто он/она еще молод/молода, чтобы из всего предложенного окружающим миром выбрать и, если так выразиться, «оплатить» нечто особо приглянувшееся. И для выбора, и для оплаты надо иметь вполне сформировавшуюся индивидуальность, и вполне личные средства.

Некоторое время молодые живут, «вприкуску и вприглядку» пробуя разные радости жизни, а реальные ощущения процентов на пятьдесят заменяя выдуманными.

Или на все восемьдесят. Это уж кому как повезет. И если рядом окажется сухой и безжалостный резонер, умело, но грубо разрушающий «детские фантазии», - не факт, что он поспособствует ускоренному развитию личности. Вернее всего, он, ничего не дав взамен, разрушит ту часть психоэмоциональной сферы, которая, мягко говоря, контрастирует с реальностью. Именно о таком «утилизаторе фантазий» писал Ричард Олдингтон: «Что за извращенное чутье подсказывает им, в какую минуту нанести удар? Как они ухитряются так безошибочно разбить хрупкую тишину души? Почему так люто ненавидят эту тайну?»⁶².

Способность к творческому восприятию погубить легко, а понять трудно. Вот почему родители, даже если их так и уносит на волне рассудочности, непременно должны этот «серфинг нотаций» прекратить и «сойти с доски». Во-первых, тот, кто взрослее, должен вести себя снисходительно и «не заостряться» на зарождающихся конфликтах. Во-вторых, позвольте молодому человеку приобрести собственную «базу» для рационального мышления. В-третьих, не пытайтесь посеять в его душе во-от такие плевелы недоверия к

⁶¹ Гончаров И.А. Обыкновенная история.

⁶² Олдингтон Р. Смерть героя.

родителям. Или – еще того хуже – научить ребенка резонерствовать. Разве ему пойдет на пользу категорический отказ от эмоциональной жизни, высокомерное отношение к людям и идеям? Попытка подняться над окружающим с позиций своего – весьма скромного – жизненного опыта, а также со своего – пока недостаточного – интеллектуального багажа может закончиться плохо. В результате может родиться маленькое, но ужасное чудовище.

Среди наших знакомых было как раз такое юное чудовище. Оно активно занималось просвещением девиц, неизменно их при этом унижая. «А ты можешь, село, перечислить имена и годы правления византийских императоров?» - мог он ни с того, ни с сего обратиться к кому-нибудь из сокурсниц. Самым распространенным ответом ему было смущенное «хи-хи». А дальше, пока Шура сыпал именами и датами, девицы таяли, рдели и заглядывали ему в глаза. «И что с тебя взять, дура?» - миролюбиво заканчивал он с царскими династиями и, добывая жертву интеллектом, шел на второй заход: «А знаешь, сколько...?» И все повторялось. Вот такой покоритель девичьих сердец. Мы, грешным делом, полагали, что если девушка вынесла три-четыре подобных «речитатива» и не придушила этот «уникум», то ей полагается хотя бы небольшая компенсация в виде приглашения в кабак или на дискотеку. Но увы, на просвещении у Шуры все и заканчивалось. Ибо до танцев он не унижался (он вообще с трудом ходил), а тратить деньги на кормежку дур необразованных, далеких от заучивания километровых списков имен и дат, – это он просто считал ниже своего достоинства, о чем заявлял открыто. Шура считал, что ухаживать должен не он, а за ним. Впрочем, если одна из слушательниц и отважилась на попытку накормить-напоить этого, гм, интеллектуала за собственный счет, то он все равно отказался... бы. Он патологически боялся женщин. Грубый напор служил верным приемом, позволяющим самоутвердиться и быстренько сбежать, пока тебя не разоблачили. У Шуры были большие проблемы с общением. Но решать их было стремно: имидж не позволял. Разве при таком образе поведения признаешься, что весь твой апломб – не что иное, как застарелая подростковая болезнь?

Но барышни и пожилые преподавательницы были от него в восторге. И никто не догадывался до поры до времени, что на самом деле обожаемый Шура прост, как репа. Информацию он копил оттого, что боялся собственной заурядности. Надеялся на ложные предпосылки, на «закон отличника»: чем больше прочтет, тем умнее будет. Увы. Чтобы так прямолинейно рассуждать, надо не иметь ни малейшего представления о природе ума. Он, кстати, и сам в собственном интеллекте не был уверен, потому и вел себя агрессивно. Вопросы задавал, будто перед ним отчитываться обязаны. Хотя уверенные в себе люди не давят и не грубят - им это незачем. Они спокойны и благодушны, а Шура всегда был ошетиненный. Школьники от таких комплексов лет в пятнадцать выздоравливают. Вот Шура, бедолага, увяз в скепсисе и в комплексе неполноценности.

Притом, несмотря на преподавательскую любовь, Шуре никто не предложил пойти в аспирантуру и излить свою интеллектуальную мощь в научном труде. Подспудно преподавательский состав понимал: своего «потолка» Шура уже достиг и никуда больше не вырастет. Анализировать накопленное он не умеет и уже не научится. Ничего дельного и интересного не создаст, как бы ни выпендривался. А значит, нечего с ним время тратить. Примерно так же реагировали и девушки: обожать обожали, но почему-то никто из них не пытался всерьез Шуру «захомутать» и сделать своим спутником на всю жизнь – или хотя бы на ближайшие годы. Правда, один его приятель, вовремя осознав туиковую модель Шуриного поведения, сжалился над парнем и познакомил его с подходящей девушкой – прелесть какой глупенькой. И, пока ее не постигло разочарование в «интеллектуале», довел эту пару до брачных уз. И Шура еще советы приятелю давал: «Не женись! Вот женишься – и все, конец карьере! Вот я женился – какая уж тут наука. Семью содержать надо». Снисходительный друг кивал и посмеивался, понимая: Шура нашел отличную «отмазку» всем своим неудачам

в плане карьерного роста. Так что расти интеллектуально отныне не требуется, а жена у Шуры уже есть.

Когда описанная выше тактика становится **единственной** в арсенале приемов общения, человек сильно рискует собой – и особенно молодой человек. Если всезнайство, высокомерие, пренебрежение тем, что может дать развитие и взросление, действуют на публику отрицательно, «юный резонер» оказывается в изоляции и планомерно предается нарциссическим неврозам⁶³. А если он видит положительный эффект, то постепенно создает вокруг себя некую «ажитацию» и уже боится признаться в своих ошибках, беспомощности, дезориентации. Слишком уж серьезно он относится к собственной личности, слишком остро переживает критику – и ту, которую **слышит**, и даже ту, которая еще только **последует**. Словом, и так плохо, и этак нехорошо.

Между тем старшее поколение, во избежание порождения таких вот «карманных Байронов», должно помнить: в основе взаимопонимания с младшими лежат не замшелый романтизм пополам с застарелым экстремизмом и не ядовитый скептицизм, замешанный на всепожирающем цинизме, а глубокая снисходительность пополам с хорошим чувством юмора. Люди, которым удается «взрастить в себе» и то, и другое, как правило, терпимы, забавны и щедры. С ними хочется общаться, их легко полюбить. А любовь, что ни говори, лучшее средство для поднятия самооценки. Особенно любовь подростков к повзрослевшим родителям. Мы, в общем, и сами хотим, чтобы нас любили. И совершаем ради этой цели немало опрометчивых поступков.

Правда, на вопросы типа «Разве есть что-нибудь важнее любви?», мы, оторвавшись от экрана телевизора, показывающего милую сердцу мелодраму, бестрепетно отвечаем «Да все!» А подразумеваем при этом душевный и физический комфорт, финансовую стабильность, карьерный рост. Потребность в любви может тихо посидеть в уголке подсознания, пока мы вдохновенно исполняем социальные функции. Она свою функцию исполнила: заставила нас – кого еще в детстве, кого в юности, а кого уже в молодости – сформировать собственные цели и идти к ним собственными путями. Теперь чрезмерная потребность в любви, наоборот, мешает жить спокойно и делать свое дело. Кстати, подчеркиваем: речь идет не о сексуальных, а об «общечеловеческих» взаимоотношениях – о той любви, о которой говорят «Его/ее все любят!» и не делают при этом никаких оскорбительных намеков. Если человек жить не может без всеобщего обожания и ведет себя, словно малоизвестный актер, «нарываясь на комплименты и аплодисменты», он непременно

⁶³ Нарциссические невроты – термин, который З. Фрейд применял по отношению к тяжелым психическим болезням – шизофрении, паранойе, депрессии.

выглядит инфантильным. Подобное стремление выявляет детскую жажду внимания и защиты. Для ребенка она естественна. В характере взрослого – смешна и даже опасна. Почему же эта потребность не всегда «отпадает вовремя», как, например, молочные зубы?

Все оттого, что особенности детского мировосприятия – своего рода психологические «молочные зубы» - они, как мы уже писали, не исчезают, а откладываются в «архивах подсознания», из которых при случае легко всплывают на поверхность сознания. А в юные годы каждый из нас, мечтая о любви, ищет возможности **контролировать** отношение окружающих. Успокоить неприязнь. Вызвать восхищение. Добиться любви. И у большинства людей возникает закономерное предположение, что любовь – детище успеха. Богатых, знаменитых, обаятельных, но недоступных публика обожает. Следовательно, вполне достаточно выполнить хотя бы два из этих четырех условий – и тебя искупают в овациях. В своем воображении человек нередко создает «романтических двойников», которым присуще то, чего в у реальной личности нет и, по всей вероятности, не будет: власть, деньги, шарм и защита от внешнего прессинга. Причем последнее условие – едва ли не самое важное. Да что там! Оно и есть самое важное.

Людям всегда хочется отгородиться от негативной реакции со стороны окружающих.

А в качестве такой «ограды» многие используют сознательное неприятие действительности (кто сказал, что меня не любят? меня все любят! а то стали бы вы меня предупреждать! значит, и вы тоже меня любите! просто много себе навоображали!). Или «игру в поддавки» (я постараюсь быть милым – таким, как вам хочется... а вы уж полюбите меня – ну что вам стоит!). Третьи применяют метод жесткого контроля (все будут делать то, что я скажу! неважно почему! я скажу, и все будут делать **это**, а не что попало!).

Причем, как было сказано выше, фантазии о любви всенародной и всепоглощающей бывают столь прекрасны, а действительность – столь ужасной, что молодой человек начинает буквально злоупотреблять этим средством психологической защиты. При истерии даже возникают такие явления как бегство в мир фантазий или публичное фантазирование («псевдология»), когда содержание фантазий выдается за реальные события. Что в подобных ситуациях делают взрослые? Стыдят мечтателей и стараются руганью или занудством вернуть детей обратно на земную поверхность. А молодежь в ответ обвиняет старшее поколение в обструкции и «мертвечине». Это действенное, традиционное и весьма распространенное «оружие» подрастающего поколения в конфликтах с поколением давным-давно подростком.

«Молодости нашей нет конца!»

Между тем старшие, подпав под влиянием идей, пропагандирующих культ юности, и сами соглашаются с некоторой «омертвелостью чувств», якобы наступающей одновременно со зрелостью личности. Да, дескать, были когда-то и мы рысаками – не то что нынче... Подобное самоощущение вызывает беспокойство, желание действовать немедленно, пока не все потеряно. И кое-кто действует – то есть искусственно пытается «вернуться в юность», но в результате разве что впадает в детство. Естественные процессы необратимы.

Притупление ощущений, их подконтрольность, произвольность поведения – черты, с которыми зрелая личность должна научиться жить, а не бороться.

Все равно из этой борьбы ничего хорошего не выйдет. К.Юнг пишет о проблемах созревания индивидуальности, как о «выраженном в той или иной степени застревании на детской ступени сознания, о сопротивлении действующим в нас и вокруг нас силам судьбы, которые пытаются вовлечь нас в мир. Что-то в нас хотело бы оставаться ребенком, быть совершенно бессознательным или по меньшей мере осознавать только свое «Я» и отвергать все чужое, в предельном же случае подчинить все другое своей воле. Хотелось бы ничего не делать, а если уж что-то делать, так ради собственного удовольствия или же для того, чтобы утвердить свою власть. В этом проявляется нечто вроде инертности материи, что в свою очередь выражается в застревании на предыдущей фазе, сознание которой меньше, уже, эгоистичнее, чем сознание фазы дуалистической, где индивид поставлен перед необходимостью признавать и принимать другое, чужое, как свою жизнь и как «тоже-Я»⁶⁴.

И действительно, борьба за то, чтобы «подчинить все другое своей воле» не является прерогативой юности. О чем-то таком может мечтать и человек, формально признанный взрослым, но так и не повзрослевший. Хотя у взрослого все проблемы созревания – эгоцентризм, безответственность, жажда власти и проч. - принимают иную форму. Ведь молодой человек проходит все указанные стадии по пути к «Сверх-Я»⁶⁵ - к сверхличности, к целостной сущности, не дробящейся на множество масок и ролей из-за возникших сиюминутных потребностей. Для него это проявления «трудного возраста» и внутренней борьбы за формирование зрелой и самостоятельной индивидуальности. Но для

⁶⁴ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени.

⁶⁵ Сверх-Я или «суперэго» – одна из трех «инстанций» личности наряду с «Я» («Эго» – посредник между личностью и реальностью, главная функция – восприятие реальности и адаптация к ней) и «Оно» («Ид» - психическое бессознательное). Развивается в процессе социализации, хотя и имеет глубокие инстинктивные, биологические корни. Система «Сверх-Я» выполняет функцию внутреннего цензора, совести.

человека взрослого подобное поведение - отнюдь не подъем по пути к зрелой личности, а совсем наоборот - безвольное соскальзывание вниз, к безличности, к деперсонализации, к инфантильности. Поэтому, несмотря на всю «возрастную ностальгию», необходимо учесть, насколько несбыточно это «возвращение в мечту».

Другой полюс «по-детски капризного» отношения к окружающему – дидактизм на грани аутизма. Время от времени хочется обрушить на свое подросшее дитячко целую лавину упреков: ты же ничего в жизни не понимаешь, я тебя уму-разуму учу, дубина ты народной войны, а ты еще имеешь наглость заявлять, что мне современную молодежь не понять, ваще! Так я ж тебе докажу, что это не я - вобла сушеная, а ты - лох малолетний! Остановитесь. И вспомните, что отсутствие иронии и самоиронии – существенный изъян. И для старших, и для младших. Вы слишком серьезно относитесь к себе. Вы не даете себе права на то, чтобы **быть неправым**, извините за каламбур. По-вашему, вы не можете ошибаться просто потому, что вы старше – а следовательно, дольше прожили и больше повидали? Но сознайтесь: вокруг нас столько такого, чего **мы** раньше не видали **никогда**. И речь не только о плодах цивилизации и прогресса.

В конце концов, к наличию сотовой и интернетной сетей привыкнуть несложно. Какая-нибудь микроволновка, при всей неясности принципа действия, отлично экономит время. Видеомагнитофон позволяет смотреть фильмы и передачи в свое свободное время, а не тогда, когда их показывают по телику – ранним утром или глубокой ночью, поди пойми. Утилитарное отношение «к удобствам» делает мир проще и доступнее. И только патологический страх перед техникой мешает выучить те несколько команд и кнопок, которыми очередное «удобство» управляется. Гораздо сложнее выявить и запомнить команды и кнопки, управляющие **сознанием**, которое сформировалось уже в другом, простом и доступном мире.

Когда, под влиянием той же сотовой связи и интернета, реальность становится новой, каково приходится человеку, который родился и рос в **старом мироздании** (вспомните этот эмоциональный образ из нашего детства: вселенная такая огромная, непознаваемая, а я сам - такой маленький и беспомощный!)? Он не видит доступных перспектив и простых решений, он делает проблему из всего подряд, он пугается самых обыденных явлений. Поди договорись с таким! И если для своего ребенка вы (на данный момент) – глупый пингвин, который робко прячет что ни попадя в утесах, а он себя, соответственно, видит помесью орла с альбатросом, неудивительно, что он и слушать вас не пожелает.

Вот какое впечатление нередко мы производим друг на друга. Конечно, это довольно неприятно. А для особо самолюбивых – так

просто унижительно. И потому многие стараются внедрить в сознание другого поколения свои собственные воззрения. Чтобы не было расхождений, порождающих неуважительное отношение. И никто при этом не желает учитывать разницу между ценностными ориентирами старших и младших.

В идеале, конфликт должен сгладиться по мере адаптации: родитель поймет, например, что работа или стажировка, найденная с помощью интернета, отнюдь не всегда есть коварная попытка завлечь подростковую «детку» в сети порнобизнеса. А та самая «детка», раз обжегшись, научится внимательнее «фильтровать базар» из соблазнительных предложений, исходящих из сомнительных источников. Но, как вы и сами догадались, подобные «эксперименты на человеке» могут оказаться довольно опасными. И родители, которые дорожат своими детьми, будут стоять насмерть: пусть шанс будет упущен, зато мое дитя останется цело и невредимо. Но и ребенок, которому необходимо чего-то добиться в жизни, не смирится с предложением «покойного теремного прозябания». Как быть?

Сначала рассмотрим ситуацию в деталях. Итак, вам кажется: он неуправляем! Ничего понимать не хочет! Соображает не головой, а щитовидкой! У него в сознании сплошняком гормональные бури – и ни одного просвета! Вы периодически выражаете свое возмущение по поводу такого «безобразного поведения». Естественно, весь этот негатив накапливается в сознании молодого человека и провоцирует ответную реакцию.

Подросток (и даже вчерашний подросток) – это существо, чье мировосприятие построено на уловлении психоэмоциональных раздражителей, и оно просто обязано быть чувствительным и внушаемым.

Плюс подростковая мнительность, плюс заниженная самооценка, плюс завышенные требования к себе... Таким образом, ребенок **уверяется** в собственной «некондиционности». И в бой идет тяжелая артиллерия – мощные защитные системы, прикрывающие неокрепшую психику от внешней агрессии. Вы получаете заряд неприязненных проявлений – прямых и косвенных, а в ответ, разумеется, демонстрируете свое возмущение, нетерпимость и дидактизм. Десяток таких конфликтов – и глядишь, между вами протянулась отчетливая трещина - узкая, но глубокая, как геологический разлом. Ваш ребенок уже на другой стороне, хотя вы еще слышите друг друга и даже можете поговорить по душам. Но чувствуете, что может быть и хуже – гораздо хуже. В самом этом ощущении присутствует некая обреченность. А между тем именно от родителей зависит, насколько расширится «семейный разлом» и как будут развиваться отношения: закончатся личной экологической катастрофой или, благодаря многочисленным, умело построенным

мостам, контакт с младшим поколением сохранится. Значит, надо выбрать подходящую стратегию.

Что можно посоветовать родителям, на попечении которых имеется «рвущиеся на волю» отпрыски? Не надо бояться, что дети получат негативную информацию. Глядишь, они ее осмыслят и сделают сознательный выбор – и тогда у них не возникнет нервных срывов и соматических заболеваний, едва обнаружится нехитрая истина: мир не так уж добр. С реальностью надо уметь обращаться – и получить подобный бесценный опыт возможно исключительно путем проб и ошибок. И никакие авторитеты – отвлеченные или лично знакомые – не заменят благо- (или неблаго-) приобретенных познаний.

И конечно же, не следует злоупотреблять любовыми столкновениями. Относитесь к скандалу как к искусству... тяжелой артиллерии. Во-первых, рассчитайте свои возможности: на скандал должно хватить и времени, и сил. Выдохлись раньше времени – загубили дело. Вас уличат и будут смеяться. Во-вторых, у вас должен быть серьезный повод для такой масштабной операции. В противном случае ваше поведение будет расцениваться как буря в стакане. В-третьих, не частите. Иначе ваше чадо начнет равнодушно «линять из дома» или превратится в опытного окопника, который успешно оттачивает свою боеспособность на родителе. Если страшно хочется сорваться, вспомните: что из арсенала воспитательных методов остается у вас на тот судьбоносный день, который сможет предотвратить «день черный»?

Скандалы должны быть редкими и страшными.

«В еще более трудное мирное время» придется сделать ставку на политичность. Да, мы понимаем, вы чувствуете себя правыми и вам хочется разразиться гневной тирадой, выражающей самое праведное негодование. Но это не даст результата, а только оттолкнет вашего ребенка. Он обратится за советом к тем, кто его не ругает, а поощряет – и наделает глупостей. Так что тяните время, родители, тяните! И попутно занимайтесь деликатным просветительством. Ваш юный любитель свободного парения непременно спустится с небес – и довольно скоро, уже через несколько лет. Таков результат формирования «взрослой» приемки информации. Когда то самое «Я», служащее проводником между личностью и реальностью, примется за работу всерьез, гормоны перестанут бушевать, а эмоциональная сфера помирится с рациональной, он/она отрешится от протестной подростковой субкультуры и адаптируется к тому, что психологи называют «принципом реальности». Каждый рано или поздно привыкает к социальным установкам и рамкам, ограничивающим стремление летучих орлобатрясов к неземным наслаждениям. С течением лет мы все понимаем необходимость такой регламентации: не то,

глядишь, ниже стратосферы вообще разумной жизни не останется, все собьются в стаи, улетят и не вернуться.

Необходимо хорошо представлять, что происходит в организме и в голове молодого человека: эта информация стимулирует родительское чувство и умеряет нетерпение. К сожалению, многие взамен конкретной информации пользуются абстрактным принципом, изложить который можно в двух словах. Вернее, в пяти: «Я бы на твоём месте». Как-то вылетает из головы, что это не вы на его месте. Скорее уж, он на вашем. Поскольку вы давно уже не ребенок, хотя и были им когда-то. А вот он, никогда прежде не бывший взрослым, непременно станет старше. И повзрослеет. При одном условии: когда (если) у него появится в жизни **своя** социальная роль, **свои** жизненные стратегии и **своя** система ценностей. И родительские тревожения, наставления, обмен опытом (зачастую насильственный) – все это не в силах заменить собственного «первичного накопления психологического капитала». Кстати, в истории и экономике сам этап первичного накопления капитала описан как криминогенный, хищнический, незаконный, безжалостный и проч. А Сергей Довлатов верно определил родство между двумя структурами – общественной и родственной: «семья - не ячейка государства. Семья – это государство и есть. Борьба за власть, экономические, творческие и культурные проблемы. Эксплуатация, мечты о свободе, революционные настроения. И тому подобное. Все это и есть семья».

Да, у родителей в ходе «государственных прений» периодически возникает желание «последний раз попользоваться» тактикой ябеды: «Он первый начал!» - и переложить вину на другие плечи. Особенно это касается отцов семейства: они весьма остро реагируют на то, что другие взрослые жуют их обоих – и провинившееся чадо, и родителя, который свое чадо не остановил и к ответу не призвал. И тем более взрослый не должен вести себя, словно капризный ребенок, при конфликтах с младшими. На то он и взрослый. Стать с ребенком на одну ступень невозможно – все равно это будут разные ступени. Точнее, разные эскалаторы. Его эскалатор ведет вверх, к зрелости. Ваш – вниз, к инфантилизму.

Итак, здесь мы вплотную подошли к такой животрепещущей теме, как социальная конкуренция – в том числе и между родственниками. Она, как известно, может принимать самые разные формы. Какой еще бывает социальная конкуренция и как на нее правильно реагировать?

Семейные дразги – дело тонкое

Не все перемены в менталитете можно списать на исторические и экономические условия: дескать, время нынче такое,

что люди с нежной душой, чистые помыслами и бескорыстно преданные своему делу не в цене. Их заменили бойкие молодчики с неопределенными записями в сомнительных дипломах: какой-то там лизинг клиринга, мерчандайзинг тимбилдинга, мониторинг импичмента... И непонятно, и звучит противно, но им, проклятым временщикам, все нипочем! Пусть мы не верим им – в отместку они не верят в нас! И все норовят сделать по-своему, не спросясь! Вот до чего довел нас исторический кризис. Раньше было лучше. Вот лично мне – точно лучше было. И печень после Пасхи не барахла...

Все эти не слишком благородные (зато и не осознанные) чувства произрастают на почве обыкновенной зависти. Человеку трудно признаться в собственном эгоизме – в том числе и себе. Поэтому «производные зависти» маскируются под благородное негодование по тому или сему поводу. Под такой «личиною» зависть уже не стыдно выказывать – и наедине, и на людях. Прием этот настолько стар, что о нем смешно говорить всерьез – так и тянет съехидничать насчет истинных мотивов «благородных обличений». А между тем ситуация сохраняется во всей своей средневековой «неприкосновенности» и по-прежнему так же больно ранит и субъект, и объект зависти – а все оттого, что человечество до сих пор не нашло выхода из той ловушки, в которую нас загоняет зависть. И даже если отыщется средство от этого душевного состояния, применить новообретенное действенное «лекарство» будет... нельзя. Как было сказано выше, природа ничего не разграничивает: здесь нужное, здесь ненужное, здесь плохое, здесь хорошее... Лишь человеческому сознанию все время хочется расставить по полочкам дела, слова и чувства. Но, по большому счету, у нас мало что получается. Вот и в отношении зависти: что в ней плохого, знают все; а что в ней, на первый взгляд, хорошего?

Пушкин писал: «Зависть – сестра соревнования, следственно из хорошего роду». Так оно, действительно, и обстоит. Именно зависть побуждает нас к повышению собственной самооценки. Затем рождаются амбиции, потребность в самоутверждении, стремление к самореализации...

«Потомки зависти» представляют собой мощный стимул для формирования личности и для ее карьерного роста.

Жалко только, что эти «детки» бывают, как и все детки, очень разными. И с равным успехом могут завести личность в тупик и оставить там на веки вечные плакаться о «несложившейся судьбе». Зависть при участии психологической защиты может создавать весьма несимпатичные гибриды: в частности, игры на понижение в адрес «объекта». Он, мол, на самом деле глупый и безнравственный, необаятельный и грубый человек. Его никто не любит, а его авторитет – дутый. Или за деньги купленный. Все техники «черного пиара» давно заложены в поведении завистника. Когда официальная

моральная догма **на государственном уровне** разрешила сплетню, большинство людей... обрадовалось. Ведь зависть, сублимированная в сплетню, не только избавляет от «разъедания изнутри» - она еще и развлекает всех знакомых сплетника, кормит их любопытство новейшими «жареными фактами», позволяет моментально находить темы для разговора, делает сплетника желанным во многих компаниях. Непочтенное занятие, но какое необходимое!

Как бы мы не отреклись от участия в «словесных оргиях с участием записных сплетников», на нашей совести немало подобных «развлечений». Скучен человек, неспособный ни при каких обстоятельствах расслабиться, пропустить рюмку, рассказать анекдот или передать слухок. Никакой кодекс поведения истинного джентльмена/леди не спасают от пересудов даже высший свет, для простого человека совершенно недостижимый. Что же говорить о семейном круге, в котором всякий представитель «клана» получает свое место и свою долю внимания? Естественно, здесь и страсти накаляются сильнее, и соперничество острее, и пиар почернее. Но, тем не менее, люди, как правило, не осознают того, что видят.

Бывает и так, что папа с мамой трепетно прислушиваться к мнению прочей родни – а та, из зависти или из «спортивного интереса», распускает о ребенке дурные слухи или делает гнусные намеки. Такая публика обожает сбиваться в стаи или в маленькие компании. Этот тип зависти традиционно более характерен для представительниц прекрасного, но злопамятного пола. Объединившись в команду, тетушки-бабушки принимают громко и агрессивно выражать объекту своей зависти «общественный протест». В ходе этой операции им чрезвычайно важно объявить объекту, что его пресловутые «достижения» есть не что иное, как большая жизненная неудача, или, в крайнем случае, дать понять: вот лично им, весьма достойным особам, такого «сто лет в обед не надо»! И хотя сперва кажется, что родича завидующего легко отличить от родича заботливого – это один, выражаясь биологическими терминами, «подвид». Никаких особых различий, никакого специфического поведения. Более того: забота легко переходит в зависть – и обратно.

У нашей приятельницы Александры была большая родня. У ее отца, Юрия Петровича Барбарисова, родных сестер и братьев имелось аж одиннадцать человек. Его семья жила более чем скромно, но дети, что называется, «выбились в люди», крепко встали на ноги, обзавелись семьями, хотя, надо сознаться, особых высот никто из них не достиг. Братья и сестры по жизни всегда держались друг за друга и очень любили отмечать праздники «всем семейным составом». Они испытывали огромную гордость от того, что их много, что вкуче они составляют большой семейный клан. Еще бы! Если Барбарисовы съезжались на «клановое» торжество, стол приходилось накрывать на сорок пять человек. И отовсюду доносилось: «Мы Барбарисовы! Мы Барбарисовы! Барбарисовы - то, Барбарисовы – се!»

Александра относилась к барбарисовской «семейственности» с иронией, хотя с удовольствием встречалась с кузинами и кузенами на семейных раутах. В их компании она будто бы снова превращалась в маленькую девочку. Ее двоюродные братья и сестры, очевидно, испытывали сходные чувства. Все дурачились, носились колбасой, подтрунивали друг над другом и потихоньку покуривали в рукав, чтобы не заметили взрослые.

Из молодого поколения Барбарисовых именно Александра первая добилась успеха. Она выиграла гранд на учебу в американском университете. Родители, конечно же, были счастливы. На очередное торжество клана Барбарисовых Юрий Петрович с женой приехали уже без дочери. Две недели назад Саша уехала в Америку. Но поздравлений от родственников почему-то не дождались. Напротив, их встретили хмурые, настороженные лица. «Вы с ума сошли! Отпускать дочь за тридевять земель», - почти кричала на Юрия Петровича сестра, - «Да и куда? В гнездо разврата!» - «Ну, ладно, Юрка – дурак, он мужик, они в этом не понимают. Но ты, Татьяна, что ушами хлопаешь?» - это другая сестрица Юрия Петровича песочила неподалеку его жену. «Да чтобы я свою дочь отпустила так далеко одну? Ни за что! Слава богу, моя Света приличная девушка!» - презрительно цедила невестка.

Слова обиды и раздражения вперемешку с самыми мрачными прогнозами на Сашкино будущее обрушились на Юрия Петровича и Татьяну Борисовну со всех сторон. А робкие попытки возразить родне, что учеба в университете, пусть даже и в Америке, не способствует моральному падению, что не станет их дочь, покинув отчий дом, ни алкоголичкой, ни наркоманкой, только сильнее раздражали окружающих. Стоит ли говорить, что с семейного торжества они ушли пораньше? Да и вообще стали встречаться с родственниками пореже, в надежде, что те со временем смирятся со свершившимся фактом.

Увы, но родителям умненькой дочурки долго придется снисхождения дожидаться. Может быть, несколько лет. Родня слабину даст не скоро и будет канать родителей «выскочки» до последнего. Нет им, родителям, прощения. Раньше все семейство Барбарисовых на равных выпивало и закусывало на крестинах, родинах, именинах и смотринах, а эти двое все радостные события превращают в похороны. В похороны самооценки остальных представителей клана. Разве теперь погордишься всласть любимым чадом, поступившим в рядовое, заштатное учебное заведение с непрезентабельным названием и невнятной перспективой последующего трудоустройства? Да и новости типа «А моя детка захомутала бизнесмена: у него свое дело, доход аж тысяча долларов... в год» - те вообще на корню увядают. Попробуй прихвастни, когда тут эти двое сидят – доченька ихняя в американском университете, зараза, жирует! Глядишь, доучится, профессором станет, папу-маму к себе выпишет. Везет же некоторым! А чем они лучше? Да просто подфартило! И нечего переглядываться, сволочи вы самодовольные!

Понять, как действует чей-то успех на самооценку окружающих, нетрудно. А функция этого механизма еще проще: понижая ценность чьего-либо успеха, можно повысить ценность собственных достижений. А следовательно, и свою самооценку. Это гораздо легче, нежели совершать поступки, вызывающие восхищение, имеющие **самостоятельный** вес и **самостоятельное** значение.

Тот, кто предпочитает делать «великие дела», а не увеличивать их «визуальный размер» путем сопоставления с чьими-то еще «мелкими делами», - даже он не обходится без социальной конкуренции. Он, скорее всего, не будет участвовать во всяческих «публичных обсуждениях» других «героев дня» – до тех пор, пока, по всеобщему закону, не превратится из героя в зануду. Но туда, куда «деятели» пригласят, чтобы поговорить о нем самом, он

пойдет. Один раз или несколько – зависит от конкретной ситуации и конкретной личности. И здесь ему придется выслушать множество дурацких вопросов, претензий, советов – и не менее дурацких комплиментов. На некоторое время герой станет мишенью для тех, кто предпочитает самоутверждаться **иным способом** – не действием, а рассуждением. Вернее, осуждением. Приверженцы этого способа сопоставляют со своими достоинствами (в том числе и мнимыми) чьи-нибудь пороки (в том числе и мнимые). Обвиняя «деятелей» или прочих «критиков» в глупости, опрометчивости, невежестве и т.п., они добиваются определенных успехов. Как реальных, так и выдуманных. Главное в жизни «критика» – самооощение. А оно зависит от внешнего одобрения. Положительный эффект от «кулуарной беседы» приравнивается к материальному результату от проделанной работы.

Непосредственное действие – удел одних, а сравнительный анализ – удел всех прочих.

Разумеется, второй вариант «экономичнее» и за него держится немалое количество народу. Поскольку все мы хотим поднять свою самооценку – тем или иным доступным нам способом.

Ритуалы диких прерий в родственном кругу

Самооценка – штука хрупкая. И субъективная. Она не существует сама по себе, вне общества. На необитаемом острове у Робинзона Крузо вообще никакой самооценки не было, одни проблемы. С кем ему было себя сравнивать – с козами, что ли? А как появился Пятница, тут Робинзон сразу понял, насколько он цивилизованней и нравственней: каннибализмом не балуется, травку сам выращивает, домашний сыр производит и записки в назидание потомству кропает. Притом бестолковый туземец ничего такого не умеет и нуждается в наставлениях, а заодно в хорошей порке, чтоб не шалил. Интересно, какие мысли о мудром и мастеровитом хозяине бродили в мозгу Пятницы? Впрочем, его никто и не расспрашивал: есть ли у вас, уважаемый дикий человек, собственное мнение о прогрессе? Но если бы молодой и физически крепкий каннибал не воспринял мистера Крузо в качестве хозяина, а, наоборот, ощутил бы зависть к его имуществу или стал бы спорить насчет социального положения – к моменту прибытия спасительного шлюпа остались бы от Робинзона шляпка козьего меха да секстант.

Конкуренция делает социальную среду чрезвычайно агрессивной. Любого человека могут «съесть» даже в родном семейном кругу, не говоря уже о враждебном племени. Единственным спасением от этой участи служит жизненный опыт. В основе опыта, как правило, лежат именно мелкие неприятности. Конечно, при условии, что они не следуют друг за другом

бесконечной чередой. В таком случае, это уже не мелкие неприятности, а смертельно опасное нападение роя пчел-убийц.

Малые дозы негатива выступают в качестве «прививок», спасающих от опасных заболеваний посредством формирования иммунитета.

Если вашему ребенку грозит такая «прививка», не пытайтесь его оградить и увести из-под любого укола, шлепка, укуса. Вероятно, испытанная в детстве или в юности «неприятность» избавит его в зрелом возрасте от большей глупости и больших разочарований. Но и в том случае, если ваш ребенок уже довольно взрослый человек, строго отмеренные негативные ощущения пойдут ему на пользу. Применяя верный подход, не закливаясь на проблемах и тщательно дозируя отрицательный опыт, человек постепенно создает положительный опыт – самую действенную защитную систему, а заодно трезвый взгляд на жизнь. Поэтому, уважаемые родители, не старайтесь изолировать вашего ребенка от негативного опыта и не пытайтесь сделать из него послушное и кроткое создание: все-таки молодому человеку придется адаптироваться в агрессивной среде.

При всем при том мы понимаем: стремление родителя прогнать потенциального «обидчика», которого наивное дитя воспринимает как доброго друга, любимого человека или заботливого родственника, - просто инстинктивная реакция. Она, как ей и положено, происходит до осознанной реакции и заставляет нас вести себя неразумно – еще бы, в инстинктивном поведении бесполезно искать разумное начало. В дикой природе некоторые заботливые мамы прогоняют от своих детенышей даже безобидных зверьков, которые слишком близко подошли к «малышне». Это - не проявление непонимания, а проявление произвольной установки: рядом с потомством никто не должен крутиться – ни хищный, ни травоядный. Не можешь отогнать – уводи! И бедная мать несколько месяцев, а то и лет находится в чудовищном напряжении. Со временем материнский инстинкт слабеет, детеныши получают все больше свободы и все больше опыта – пока, наконец, не вырастут. Тогда уже и родная мать станет на них кидаться, как на посторонних самок и самцов. Для нее наконец-то наступила долгожданная свобода, теперь она может и о себе подумать.

Человеческий мозг никогда не забывал наследственных поведенческих стереотипов. Он только искажил их, перемешал, распихал по дальним уголкам и оттого выбрасывает инстинктивные реакции на поверхность сознания в неподходящее время в неподходящем месте. А именно в минуту опасности, когда, наоборот, требуется холодная голова, чистые руки и ясный взгляд – на мир вообще и на противника в частности. В том числе и в минуту, когда на вас или на вашего ребенка нападают – и кто?

Собственная родня, которую вы кормили, поили, привечали!
Выброс агрессии, образовавшийся в этой ситуации, может
обратиться, как ни странно, вовсе не туда, куда следовало.

Это история одной из наших давних знакомых, матери двоих уже взрослых сыновей. Марина в детстве была послушным ребенком, хорошо училась, проблем родителям не доставляла. Ее собственные дети оказались «совсем другой историей». Нарекания соседей, жалобы учителей и ябедничания сверстников преследовали обоих ее сыновей буквально с пеленок. Притом, что ничего сверхъестественного ребята не вытворяли. Они были нормальные озорные мальчишки. Марина в таких случаях терялась, пугалась и громко отчитывала сыновей по полной программе. Ее не останавливали ни несуразность обвинений, ни тяжесть провинностей. Со временем ничего не изменилось. Вот один из таких случаев. Однажды Сергей, старший сын Марины, приехал в родной город «навещать своих». Встретил на улице своего школьного приятеля, Костю. Когда-то, учась в школе, они вместе ходили в бассейн, и дружба их, по-видимому, держалась в основном на совместном переживании физических нагрузок. После школы их дороги разошлись: Сергей стал архитектором, а Костя – тренером в том самом бассейне. Оба от души порадовались встрече. И, как водится, встали посреди улицы и принялись азартно обсуждать свои дела и общих знакомых. Конечно, настал черед и младшего брата Сергея - Васьки. На вопрос приятеля: «Как он?» Сергей отшутился - с братом он давно не виделся и поговорить еще не успел: «Серьезный стал. Диссертацию пишет» и переключился на расспросы о судьбах бывших одноклассников. Поболтав часок, молодые люди разошлись по своим делам. Сергей встретился с родителями и братом и, довольный, отбыл домой.

Тем бы эта история и закончилась, если бы не одно «но»: ничего не значащая фраза про диссертацию страшно разозлила Костину маму. Ведь Васька всего только учился на третьем курсе и даже диплом еще не писал. «Ну и что?» - спросите вы. Действительно, подумаешь – велика важность! Для кого-то и невелика, но только не для уязвленного материнского самолюбия. У Сережиного друга жизнь, как назло, не сложилась. Работа шла ни шатко ни валко и приносила очень скромную зарплату. Семью Костя тоже пока не завел. Его мама мучительно переживала за сына, поэтому, когда тот пришел домой и вывалил кучу новостей о Сереже и его семье, у нее в зобу дыханье сперло. И она прямо на глазах у изумленной общественности превратилась в неукротимого мстителя. На следующий день оскорбленная Костина мать явилась на работу – на предприятие, где служило полгорода, отыскала в другом отделе Марину и обрушила на нее поток брани. «Вы что себе позволяете!!!» - голосила она, покрывая шум станков, - «Вы что слухи распускаете!!! Как ваш младший сын может писать диссертацию, когда он еще институт не закончил!!! Как вы смеее так нахально врать! Не отпирайтесь, я точно знаю...» – и в ход пошли расчеты, основанные на сроках совместного посещения ясель, детсада, санатория и еще каких-то мест, куда мамы водят и возят своих чад. В общем, ничего не понимающую Марину заклеили как отъявленную лгунью.

«Заклейменной мамаше» тут бы и перекрыть словесно-грязевой поток словом либо жестом. Было бы достаточно покрутить пальцем у виска и вернуться к работе. Но Марина по привычке обиделась на сына. Опять Васька ее подставил. И вечером, испив чашу позора, она обрушила всю мощь своего негодования на младшего сына. «Это что такое!!! Ко мне из-за тебя люди с претензиями заявляются!!! Стыдят меня на всю округу!!! Докатился!!!» Сын, который знать не знал, в чем дело, окаменел от изумления.

Если бы подобный нервный срыв оказался единственным – что ж, не выдержало ретивое. Бывает. Неприятности на работе и конфликт в родном коллективе нет-нет, да и принесешь в семью – в виде беспочвенного скандала. Или, как говорят психологи, агрессивного аффекта. Но Марина **постоянно** использовала детей как «выключатель аффекта» - и сливала на них всю накопленную агрессию. Со старшим сыном она такого проделать уже не могла – он жил отдельно. Поэтому младший «отдувался» за весь жестокий мир. Ваське были неприятны материнские скандалы, но

он давно знал им цену, а потому поступал именно так, как следовало поступить его матери – крутил у виска пальцем и уходил в свою комнату.

Родители, которые несут агрессию из внешней среды в семейный круг, засоряют свой единственный «чистый источник» тепла и покоя. Когда-нибудь родителям-агрессорам отольются слезы их детей. Не каждый ребенок способен простить, даже поняв, откуда в маме/папе было столько злости – и по поводу, и без повода. Конфликт длиною в жизнь – не следствие каких-то чудовищных предательств или семейных катаклизмов вроде развода. Это отравление семейной атмосферы «выхлопами и выбросами» негатива – в форме нападок, нотаций, грубостей и дикостей. Критика должна быть обоснованной – это главное условие. И выражаться должна в разумной форме – условие тоже важное.

Если вас «распирает» негативная информация и вы попали в западню того же рода, что и упомянутая крикливая мама двух вполне успешных сыновей, подумайте, прежде чем давать выход своему гневу просто для разрядки. У индейцев существует обычай: если кто-то нанес человеку оскорбление – например, ударил, то оскорбленному стоит «передать гнев» – стукнуть первого встречного, не разбирая, виновен этот встречный или чист, как белая грива белой лошади после купания в горной реке. Нехитрое и действенное правило: если негатив «слить», он не причинит тебе вреда. А отсутствие принципа справедливости и понятия о подходящем месте и времени позволяет не искать объект «слива», а воспользоваться первым попавшимся. Правда, нам кажется: если первым обиженному индейцу попадется ковбой, вооруженный до зубов, или вождь племени при всех своих регалиях, или родная теща с пятivedерным котлом кипящего варева – индеец еще потерпит. А пока что пойдет и поищет другую кандидатуру для психологической разрядки – так, чтобы не наблюдалось вероятности летального исхода.

Судите сами: если чистое первобытной чистотой дитя прерий способно оценить ситуацию и воздержаться от дозволенного ритуала в связи с неблагоприятными условиями – почему бы современному, цивилизованному человеку не поступить так же? И пусть вас не обманывает кажущаяся беспомощность вашего ребенка – в отличие от какой-то нервной тетки, накинувшейся на вас в транспорте, в конторе, в поликлинике, ребенок вам близок. Его отношение для вас что-то значит – иначе бы вы не читали эту книгу. И вы будете рядом очень долго, если отношения не прервутся из-за вмешательства «посторонних лиц», которые вечно передают сплетни и вообще гонят волну. И уж тем более не следует образовывать с ними «комплот», направленный против собственного ребенка. Да, они старше или выше вас по положению. Да, их почему-либо нельзя использовать для «разрядки по-

индейски». Да, им даже нельзя ответить тем же на хамство или на клевету. А разве своим детям - можно?

Если вы начнете служить «передатчиком» негатива от внешней среды к внутреннему миру вашего чада, то окажетесь на противоположном полюсе по отношению к «сумасшедшим мамашам».

Почему-то папаш редко обвиняют в сумасшедшей заботе о детях, хотя такие «субъекты», безусловно, существуют. В общем, если ваши «оппоненты» норовят оградить ребенка от жизни, формируя физически здорового социального инвалида, разве стоит заниматься тем же, но «с другого конца»? У «сумасшедшей мамы» в конце процесса выйдет мамсик, не умеющий и не знающий ничего «из практической жизни». Но и у вас, при последовательной обработке, получится затюканное существо, боящееся шаг ступить без вашего разрешения. Только «мамсик», несмотря на общее чувство усталости от гиперопеки, все-таки будет уверен в доброте и преданности своего родителя. А ваше чадо станет называть вас про себя «моя кара» и ждать, когда «срок наказания» окончится.

Чтобы ничего подобного не произошло, определитесь в своем выборе.

Родственники и знакомые все же не настолько вам дороги, чтобы вытеснить вашего ребенка из вашей жизни?

Значит, и их «разговорчики» имеют недостаточное значение, чтобы травить ими дочь или сына. Да, насмешки и упреки могут язвить больно, очень больно. А родственные «злые языки страшнее пистолета», да к тому же родным известны наши болевые точки, а вот насчет снисхождения и всепрощения у них, как правило, слабовато... Увы, никто из нас не гарантирован от того, чтобы стать субъектом или объектом сплетен. Но если работу можно поменять, или не обращать внимания на «гадюк и подлюк», или примириться с окружающей социальной средой – например, наесться шоколада «Нестле» и смотреть на все с нежностью, то с «родными людьми» этот номер не пройдет. Хотя «нормы морали и нравственности» предписывают любить родственников просто потому, что кровь, видите ли, не вода.

Впрочем, всем нам не помешает отрешиться от «кровнородственного подхода» и присмотреться к ближнему своему с той же точки зрения, с которой мы оцениваем дальнего своего. Требуя от родных выдающейся доброты, прозорливости, самопожертвования, мы сами провоцируем их на вспышки гнева и на «родственные гадости». Хотя бы потому, что родственный круг, как правило, узок. А следовательно, интересы близких постоянно сталкиваются: кто-то кому-то на мозоль наступил, кто-то с кем-то наследство не поделил, кто-то кому-то дорогу перебежал. И чем мельче сфера интересов, тем больше поведение родственников

напоминает поведение жителей патриархальной провинции, изображенной в детективном сериале - вроде «Чисто английского убийства»: дня не проходит, чтобы не вскрылась чья-нибудь грязная тайна. А когда в череде разоблачений наступает перерыв, все скучают и от безделья копаются в старых обидах: помнишь, как в школе ты мне списать не дал? Я ведь тогда банан схватил, выпорол меня – вот этот самый старый хрыч и выпорол! А ну поди сюда, Гитлер столетний! Давай сюда ремень! Ах, у тебя треники на резинке? Да ты нарочно, чтоб меня позлить! Подобные «семейные развлечения» глупо считать признаком безнравственности именно этого семейного клана, к которому, собственно, и принадлежит столетний Гитлер в трениках. Это стандартное поведение близких людей, которых одновременно мучают и развлекают взаимные наветы и обиды.

С другой стороны, среди близких непременно найдутся и совершенно... чужие люди. То есть личности, которые не испытывают в ваш адрес никаких теплых чувств. И обижаться на них не стоит, поскольку сходный набор генов не является гарантом дружественных и теплых чувств. Будьте разумны: тогда вас не тронет негативное отношение чужого человека, хоть бы и связанного с вами кровными узами. А заодно постарайтесь не паниковать и не совершать опрометчивых поступков, вызванных именно паникой: не пытайтесь оградить вашего ребенка от любого отрицательного опыта, идущего извне, но и не пытайтесь обрушить на него селевую лавину, составленную как из реальных нелицеприятных высказываний, так и из ваших «эмоциональных дополнений».

Старый верный путь к победе

Кстати, в том, что касается сплетен, не следует грешить исключительно на теток и кузин. Мужчины так же склонны завидовать, как и женщины. И поговорить насчет чьей-нибудь беспросветной тупости, плохой физической формы или идиотской самовлюбленности – так же не прочь, как и лица противоположного пола. Просто у мужчин зависть сублимирует (или **как бы** сублимирует) в сферы честолюбивых помыслов, игры амбиций, профессионального соревнования, чистой и не слишком чистой конкуренции. Мужской пол в массе своей расхваливает себя, предоставляя необъективную критику своим «половинам» или, в крайнем случае, профессиональным критикам или профессиональным болтунам, что часто одно и то же. Притом зависть и рожденные ею интриги в мужской среде приобретают вид занятия практического - нет в нем искусства ради искусства, бескорыстного творчества, полета фантазии. Многие мужчины, изнывая от зависти, хитро и энергично плетут паутину: там куда

надо стукнут, здесь кому следует шепнут, головой снисходительно покачают, посмотрят «со значением» - глядишь, нахальный соперник и отпал. Не дошел до финиша. Утилитарное отношение к сплетне убивает ее «художественный уровень».

Женский пол менее прагматичен в том, что касается «приемки и распространения» слухов. Ведь женщины, не пренебрегая и макиавеллевской политикой, заводят игру ради игры. Выберут себе подходящий объект – за стройную фигурку, за многочисленные романы, за оригинальность поведения – и давай палки в колеса вставлять. У меня фигуры нет, романов не намечается, неординарностью бог не наградил - значит, и тебе, милочка, ничего такого не требуется. Я без всех этих глупостей век прожила – и тебе того же желаю! А уж методы... В борьбе за повышение самооценки все средства хороши – выбирай на вкус! И никаких конкретный целей завистница себе не ставит. Как говорят на Западе, «it just a game»⁶⁶. Не слишком спортивная, прямо скажем, не олимпийский вид.

«Тяжелая моральная атлетика» больше распространена в женской «лиге блюстительниц нравственности» – просто потому, что в силу биологических особенностей женская натура чувствительнее мужской.

Женщины на порядок эмоциональнее и восприимчивее. Миллионлетняя эволюция специализировала мозг женской особи именно для этой цели – для продуцирования и восприятия эмоций, для прогнозирования реакции собеседника, для успешной коммуникации. Отсюда и основные параметры общения, и физиологические особенности женского мозга. У женщины имеется не только обширный, развитый, выделенный центр речи – он к тому же дублируется и в правом, и в левом полушарии. Благодаря этому «дубликату» женский пол может не просто произносить длинные монологи, но и сопровождать их любым другим действием, какое бы полушарие им ни руководило. У мужчин речью управляет все левое полушарие: сканирование мозга говорящего мужчины показывает повышенную активность всей левой стороны мозга, а не какого-то специализированного отдела. При такой активности человеку требуется большая концентрация внимания, чтобы вести беседу или произносить речь. Мужчина либо говорит, либо делает что-то – ведь разговор усиливает магнитный резонанс, то есть заставляет усиленно работать все левое полушарие. Значит, остальные функции временно приостановлены – идет беседа. Женщина, наоборот, не может молчать – практически никогда. В крайнем случае она ведет внутренний диалог сама с собой.

Естественно, для беседы требуются все новые и новые темы – настоящий конвейер тем. Ради удовлетворения этой не только

⁶⁶ «Это только игра».

социальной, но и биологической потребности большинство дам не пощадит и лучшей подруги. Им не требуется преодолевать никаких «мужских» запретов, вроде «сплетничать нехорошо». А вы пробовали пообщаться с подружкой, не затрагивая достоинств какой-нибудь Верки-шалавы, Таньки-идiotки, Любки-заразы и прочих любимых, но в данный момент отсутствующих приятельниц? Ну, хорошо, оставили вы знакомых в покое. А незнакомые? Как про шоу-звезд не поговорить? Не затронуть внешность кинодивы или супермодели? Да чего ради тогда вообще в гости ходить: восторгаться хозяйкиной стряпней? Беседовать про последний писк моды? Ненадолго ее, стряпни и моды, хватит, если не перейти на тот кошмар, которым вас накормила в прошлый уикенд свекровь, и на ту претенциозную жуть, которую приобрела за бешеные деньги невестка.

Проблема «нарушений родственной этики» только усугубляется отсутствием, если так можно выразиться, «семейного этикета». Получается, что формально здесь и нарушать-то нечего. А потребность в пережевывании косточек - огромная, как мы уже сказали, дикая, инстинктивная. Почему бы не пожить, как мать-природа заповедала – пусть и за чей-нибудь счет? Хотя нет человека, который не задал бы себе вопроса: за что они так? Объяснив – и не раз, - за что и почему, мы признаем: каждый человек усердно верит, что его семья **будет** любящей и доброжелательной. Мы продолжаем так думать, даже встречая под внешними проявлениями добродушия чувства не столь приятные: мстительность, ревность, зависть, равнодушие и др. И не желаем понимать, что корни подобных отношений скрыты в раннем детстве, в каких-то дурацких спорах из-за кукол, мячиков, совочков; в подростковом периоде – неверные кавалеры, неподеленные платья, жестокие слова... В общем, так глубоко, что эти корни невозможно ни извлечь, ни обрубить.

Мы не желаем знать, что ближние периодически хотят нам плохого, даже если сами не в силах им пожелать ничего хорошего.

Это и есть ритуал – распространенный прием психологической защиты. Для ритуального восприятия сама идея серьезного конфликта, предположим, родителя с ребенком, кажется невероятной. И сознание начинает искать первопричину конфликта в каком-нибудь старом недоразумении: ведь наверняка родитель не виноват, он хотел как лучше! Может, и хотел как лучше. Как было лучше **ему**, а не его ребенку. Не столь уж редкое явление. Ведь и сам родитель, и его «психологические защитники» подразумевают, что родительская **роль** и есть родительское **отношение**. Уровень **личной** ответственности, таким образом, благодаря ритуализации снижается, а на первое место выходит **ролевое** поведение.

И вот, дабы спрятать поглубже и замаскировать получше стойкую антипатию, человек... становится заботливым. Только заботится он не о счастье конкретного лица - он заботится о схематизированном, усредненном персонаже, которому не помешает поступить в институт, выйти замуж/жениться, завести ребенка... Очевидно, это проще, чем живое участие. Подсознательно желая сэкономить энергию, люди стандартизируют и ритуализируют заботу друг о друге.

Стандартная установка на то, что родственный круг – это надежная опора, верные и понимающие друзья, любящие и добрые души, довольно долго мешает молодому (а то и не слишком молодому, но по-прежнему весьма наивному) человеку узреть реальность во всей неказистости. Да, мы собственными руками роим могилу своему здравому смыслу, стараясь притянуть реального человека «за уши» к мифическому образцу – и что мы получаем в результате? Ничего не получаем, только теряем. Мы теряем и иллюзию, и действительность: разочарование заставляет нас расстаться и с придуманным идеалом, и с близкими, «не дотянувшими» до идеала. В детстве такие «крушения» переживаются легче. Видимо, сказывается присутствие титанических планов на долгую-долгую жизнь.

Мысль о том, что «все еще будет» приглаживает наждачную шкуру жизненного пути.

С возрастом, когда контакты налаживаются с большим трудом, когда начинаешь высоко ценить не столько новое, сколько привычное, когда всякая потеря оставляет шрам на душе, человек готов закрыть глаза на очевидное, дабы продолжать верить в невероятное. И тогда в игру вступает механизм психологической защиты.

Многие проблемы решаются все тем же способом - при помощи стереотипов. Стереотипизация мышления и поведения - старый, испытанный способ руководства – как государственного, так и индивидуального. Когда свое мнение отсутствует, легко запастись на слоган – четкую, нехитрую формулу, в которой от перемены слагаемых сумма не меняется. Но в то же время нехитрая мысль: окружающий мир сложнее, он не подчиняется четырем действиям арифметики - почему-то в черепную коробку не помещается. А ведь достаточно спросить себя не «Сколько будет дважды два?», а «Дважды два чего? Две женщины и двое мужчин? Две барабанные палочки и две губных гармошки? Две бутылки водки и два сантехника-абстинента?» – и сразу станет ясно: вселенная - не настолько абстрактная субстанция, чтобы ее можно было уложить в единую систему принципов. Точные науки, кстати, того же мнения.

Понять эти простые вещи человеку мешает манипуляция сознанием. Мы окружены ею. Мы находимся под влиянием манипуляторов всю жизнь. Среди них - наши родители, учителя, знакомые и незнакомые, например, ведущие телепрограмм. И всех их даже нельзя упрекнуть в корыстолюбии – ведь они действуют неумышленно, интуитивно, да к тому же не всегда по своей воле. Социолог и психолог Г. Блуммер так объяснял это поведение: «Когда люди, составляющие общественность, возбуждены апелляцией к какому-либо общему для них настроению, они начинают толочься и устраивать контакт. Тогда они выражают себя в форме общественного настроения, а не общественного мнения»⁶⁷. А настроение не есть мысль. Это всего лишь эмоция. Которая, в свою очередь, влияет на формирование мысли. И человек даже не заметит, как его подманят, вовлекут, оплетут и отведут, куда следовало. Куда заказывали.

Мы только после перестройки, в вихрях ежеминутно меняющихся общественных настроений, увидели, что такое опытный штатный идеолог, и осознали, насколько идеологи циничный и оборотливый народ. Специалист этого профиля еще тем удобен, что не выясняет поминутно всякие глупости вроде «что такое хорошо и что такое плохо?» Не такой он кроха, чтобы у власть предержащих подобную ерунду спрашивать. А спрашивать можно только самое важное, а именно: «Куда ехать, барин?» Потом нужно сговориться насчет оплаты, выполнить заказ и постараться не загнать лошадей. Как говорил Гарри Трумэн: «Если не можете убедить – запутайте».

Главное для идеолога – сохранить заказанное направление.

Так же и на «негосударственном» уровне человек может ловко манипулировать другими людьми, не получая платы ни от какой политической партии. Перечень базовых приемов описал в своей книге «Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор» американский психолог Эверетт Шостром. Типы манипуляторов не очень многочисленны.

1. Диктатор: преувеличивает свою силу, доминирует, приказывает, грубит, орет, надувает щеки, цитирует великих – делает все, чтобы поднять свой авторитет.
2. Тряпка: противоположность Диктатору – а потому часто становится его жертвой. Всюду демонстрирует свою чувствительность. Неприятные факты просто игнорирует – забывает, не замечает, замалчивает.

⁶⁷ Блуммер Г. Коллективное поведение.

3. Калькулятор: старается контролировать всех и вся. Пытается одновременно перехитрить окружающих – но и перепроверить, не утаили ли от него чего-нибудь интересенького?
4. Прилипала: противоположность Калькулятору. Изображает зависимость, жаждет быть объектом заботы и ухода. Исподволь заставляет других делать за него работу, а сам ноет и благодарит, благодарит и ноет.
5. Хулиган: изо всех сил показывает, какой он агрессивный, жестокий, злобный тип. Людьми управляет исключительно с помощью прямых угроз. Сварливая баба – «пила» – типичный женский вариант Хулигана.
6. Славный малый: внимателен, заботлив, добр до приторности. Прямо-таки убивает добротой. Борьба с ним невозможно – начинаешь испытывать жуткое чувство вины.
7. Судья: выказывает критичность, никому не верит, вечно настроен обвинять, негодовать, обличать. С трудом прощает, всегда готов обидеться и отомстить.
8. Защитник: противоположность Судье – чрезмерно, подчеркнуто снисходителен к чужим ошибкам. Портит других, прощая им все подряд, сочувствуя сверх меры, заботясь о других так, что они не могут быть самостоятельными, независимыми.⁶⁸

И все это – не природы, а именно маски. С разными людьми умелый манипулятор ведет себя соответственно: с Диктатором он – Тряпка, с Хулиганом – Славный малый и так далее. А сам-то он что чувствует, актер погорелого театра? Как ни странно, ответ на этот вопрос не имеет значения. Манипулятор не будет выказывать своих истинных чувств – сразу по многим причинам.

1. Недоверие: человек сознательно и подсознательно не доверяет себе и надеется, что его спасение – в других людях. Но им он тоже не доверяет! Поэтому он старается их контролировать – через манипуляцию: так женщина, не умеющая водить машину, садится рядом с водителем и поминутно дает советы.
2. Любовь: мы верим в то, что чем мы лучше, чем совершеннее, тем любимее. Это противоречит истине, но противоположностью правды испокон веков становится не примитивная ложь, а художественно отделанный миф. В легенду о великой любви, которая достается исключительно совершенному «предмету», а всем, кто несовершенен – им, как говорится, не судьба – в эту старую сказку верит все человечество, и мы не исключение. А поскольку у каждого человека есть слабости и недостатки, мы, неидеальные и мнительные, всячески стараемся контролировать свой имидж в глазах других личностей. Для чего и мистифицируем наших близких и отнюдь не близких – так, чтобы

⁶⁸ Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор.

они думали, видели и чувствовали только «усовершенствованную» маску.

3. Неопределенность: понимая, что все вокруг непредсказуемо, каждый шаг – шаг в неизведанное, человек ежеминутно ощущает свою беспомощность. Поэтому при общении мы стараемся оперировать теми эмоциями, реакция на которые нам известна заранее. Эмоции, вызывающие непредсказуемую реакцию, стараемся не проявлять – или подменяем их более «удобным» вариантом. Например, мы уверены, что в ответ на гнев наш собеседник испугается, а вот на обиду – неизвестно - или удивится, или расстроится, или поморщится, или уйдет. Лучше выказать гнев – тогда и результат известен.
4. Жажда одобрения: конечно, мы не бриллианты чистой воды, чтобы нравиться всем подряд – но душа наша требует именно таких «безоговорочных» побед! В результате некоторые манипуляторы готовы сменить собственную неповторимую индивидуальность на «маскарадный» стиль жизни, эксплуатировать и контролировать себя и других денно и нощно, лишь бы вызвать одобрение «у широких масс».

Манипулятор общается с людьми, словно совершая ритуальный танец: все заранее просчитывая, не получая удовольствия и относясь к жизни серьезно, ответственно и нудно, как к повседневной работе. Яркая, будто карнавал, реальная жизнь с ее сюрпризами, радостями, взлетами и падениями представляется ему слишком рискованной, чтобы можно было хотя бы недолго побыть собой.

Представьте себе такое существование – безграничный контроль, бесконечная работа? Юстас – Алексу: «Мы в тылу врага, отдых проходит нормально, все под контролем!» Избави господь от такого счастья...

«Я ни в чем не виновата – а кто докажет?»

Ради чего манипулятор готов терпеть это мучительное состояние? Конечно же, для глубокого морального и материального удовлетворения! Сколь ни парадоксально это звучит. Отсюда и безжалостно отношение манипулятора и к окружающим, и к себе. И чем манипулятор моложе, тем он неукротимее.

В сплаве инфантилизма и максимализма, свойственном юношеству, присутствует и жажда успеха, и жажда власти. Но эти цели кажутся недостижимыми в той обстановке, в которой младшее поколение делает свои первые шаги. Чаще всего молодежь, живущая с родителями, еще учится или только-только начинает работать. Вчерашние школьники пока не в курсе, какой ценой достается успешная карьера, душевный комфорт, высокая самооценка... И оттого в головах у молодых правят бал

идеализированные представления о «правильной жизни» (неважно, прагматические или романтические), а заодно и глубоко индивидуальные, но не менее завышенные «ставки на жизнь». Это сочетание в глазах старшего поколения выглядит как бурная фантазия на тему «Один корнет задумал славу прекрасным днем добыть в бою». Или «Один корнет решил жениться и взять в приданое мильон». Скепсис со стороны родителей, учителей, начальства, младшее поколение отражает по-своему, в долгу не остается. И окружающим, поверьте, солоно приходится, когда дети начинают «борьбу за свои идеалы».

Недостаток опыта и возможностей юные компенсируют критикой и, как правило, выбирают тактику Судьи. А самым близким объектом для грубой или нудной критики становятся, естественно, родители.

Жизнь родителя оценивается в сравнении с «идеальным результатом», то есть всегда не в пользу нормального человека с его слабостями и промахами.

Также в ход идут дидактика и начетничество: младшее поколение таким образом оттачивает механизм анализа информации, а заодно готовится к воспитанию своих собственных детей. Хотя нельзя не признать, что методы Судьи не лучшим образом действуют на взаимоотношения между людьми: он слишком суров и нуден, чтобы его хотелось выслушать, а тем более понять. К тому же он критикует ради критики, а отнюдь не ради достижения справедливости.

Когда «предки» осознают, что отныне их ждет существование под постоянным взглядом «домашнего критика», их рано или поздно охватывает раздражение пополам с отчаянием: «Ну что ни сделаю – все плохо! А сам-то ты кто?» - и большинство родителей переходит на тактику Диктатора или Хулигана. Помните, кто «подходит» этой «сладкой парочке»? Тряпка и Славный малый. Добиться подобного поведения от подрастающего поколения можно только запугав его и затюкав до полного выветривания достоинства, амбиций, уверенности в себе. Если этого не происходит, начинаются бесконечные выяснения отношений. Они могут создать в доме тяжелую, нездоровую атмосферу.

К тому же родители, попавшие в роль «воспитуемых», зачастую принимают «разбор полетов» с использованием простейших логических ходов за первый признак взросления. Вроде бы молодежь только того и добивается, чтобы ее принимали всерьез? Увы, у подобного мнения – свой негативный эффект: повышено пристальное внимание к успехам – и, что важнее, неуспехам – младшего поколения. Теперь родители становятся Судьями и действуют по принципу: «Раз ты теперь взрослый, веди себя иначе, а не как капризный, избалованный младенец, которому

все не по нраву, что ни предложи. То есть кончай зудеть и покажи класс, покажи, какой ты крутой!» – в общем, пытаются перехватить инициативу «разбора полетов». А результат? Бесконечное судебное заседание, где нет истцов и адвокатов, одни только прокуроры и обвиняемые, может кого угодно довести до нервного тика.

Конечно, не одни только Хулиганы, Диктаторы и Судьи вершат свои черные дела в «ближнем» кругу общения. Встречаются также Тряпка и Прилипала. Полагаете, что они главным образом выступают в роли боксерской груши? Вы ошибаетесь, глубоко ошибаетесь. Эта пара сильно действует на женские сердца. И потому некоторые молодые люди в отношении с девушками предпочитают выказывать не силу, а слабость. Тем более, что сила отнюдь не всегда срабатывает, а слабость на то и слабость, чтобы ее осечки не были столь чреватые болезненными уколами и даже ударами по самолюбию. Хотя... всегда неприятно, если тебя уличают в манипуляции. И своего не добился, и позором себя покрыл вдобавок.

Однажды нам позвонила подруга и рассказала о серьезном ЧП, приключившемся в личной жизни ее дочери Аллы. «Отработанный» бойфренд никак не желал расстаться с девушкой, и Алла додумалась до того, что пригласила «тяжелую артиллерию» в лице трех «свидетельниц», чтобы наконец-то окончательно порвать с Валериком. Об этом молодом человеке мы были наслышаны: Валерик в свое время на родных и близких Аллы произвел неоднозначное впечатление. Он был из тех идеальных мальчиков, которые никогда не вырастают. И очень нравятся родителям девочек. Прежде всего - своей безопасностью, серьезным отношением к жизни, которое по преимуществу выражается в полном отсутствии чувства юмора, и потенциальным благородством намерений, которым всегда можно воспользоваться, если хочешь избавиться от подросткового ребенка. Валерик был золотым медалистом, спортсменом, круглым отличником и психом.

Упомянутая патология была тщательно взлелеяна собственными родителями Валерика, которые, очевидно, сразу после рождения ребенка стали готовить его в «золотые мальчики». Основным средством воспитания стали «репрессивные меры»: за любые промахи и неудачи ребенка стыдили и наказывали несообразно поступку. Если Валера приносил из школы четверку, его объявляли «позором семьи». Плоды воспитания не замедлили сказаться: Валерик с двенадцати лет наблюдался у психоаналитика, и Алка строго-настрога запретила говорить ему «добрый день», ссылаясь на его сложный внутренний мир и полученную в детстве психотравму. Вначале Алла просто упивалась комплексами своего бойфренда, потом подустала, но Валера всерьез и не по-детски добивался Аллы: а именно устраивал ей сцену за сценой. Посему Алка созвала своих знакомых, дабы они поприсутствовали при возвращении Валерику его вещей, «случайно» позабытых в у Аллы. Без них профессиональный зануда непременно втянул бы Алку в очередную дискуссию насчет их отношений, а потом, конечно, пробил бы ее на жалость.

Девушки собрались, расселись, грозные и торжественные, но старательно делая вид, что ничего не происходит, под оживленно-нервный разговорчик. Наконец, Валерочка прибыл. Он застыл в дверном проеме, обводя подруг испуганным взглядом, словно перед ним предстали во всей красе Чужой-1, Чужой-2 и Чужой-3. Потом воскликнул: «Так значит, ты действительно...» - и упал в обморок. Последствия напоминали старое кино: тривиальная мизансцена, страсти в ключья, запоздалое раскаянье, герой на полу в соплях... Алка хлопотала над Валериком, положила его голову себе на колени, присутствующие с испугом на лицах побежали за водой и нашатырем. Но не все. Алла попросила маму вызвать «Скорую», но та никакой

«Скорой» вызывать не стала. А вместо этого подошла к распростертому на коврик кавалеру, отвела от его носа пузырек с нашатырем и заявила: «Либо ты сейчас же встаешь, либо я действительно вызову кого следует! И тогда уж тебе не поздоровится!» От неожиданности Валера подскочил, вызвав у остальных участников события натуральный столбняк.

Не будь у одной из авторов этой книги чрезвычайно темпераментной родственницы – речь идет о двоюродной тетушке, обладательнице темного артистического прошлого – мы бы усомнилась в том, что Валерик просто «ломал камедь». Вдруг мальчику и правда поплохело. Но упомянутая тетя и не такое откалывала: валялась по всему дому в отключке, закатывала истерики, билась в пароксизмах, впадала в каталепсию – и все ради сущих пустяков вроде признания жуткого сооружения, похожего на подушку с букетом и бантом, за великолепную модную шляпку. Если, впрочем, кому-то подобный подход кажется чересчур женским, нельзя не согласиться – это правда. Правда, но... частично. Поскольку кругом пруд пруди женственных мужчин и мужественных женщин. И они используют предоставленные судьбой средства как им заблагорассудится. И в качестве триумфа тоже выбирают что им заблагорассудится. Достать человека, которому ты осточертел, заставить его плясать под твою дудку против воли, выжать досуха – ничуть не хуже, чем очаровать, обаять, покорить и лишь потом выжать досуха. Валерик выбрал, вероятно, единственно возможный путь: манипуляцию и домашний театр. И теперь бедная Алка потребляла то, что вылепили из Валерика его ненормальные родственнички, на которых действовал только драматизированный шантаж. Хорошо, что у нее оказалась совершенно неромантичная мама, которая лихо развенчала умирающего от любви Ромео, вызвав у дочки двойственную реакцию.

Когда раскрытый манипулятор с позором удалился – вот тогда, по выражению Булгакова, «был гадкий, гнусный, соблазнительный, свинский скандал»⁶⁹. Маме пришлось пояснить дочери, что ее кавалер не «болезнью заболел», как говорил товарищ Дынин про малолетних симулянтов⁷⁰, а всего-навсего попытался Аллу шантажировать. Менее опытные лица женского пола в ее правоте засомневались. Пришлось напомнить о главных симптомах обморока – о тех, которых у Валерика не обнаружилось: нечувствительности к боли; бледности кожных покровов; синюшности губ; расслабленности мышц; последующей вялости и слабости... Человек, упавший в обморок, не подскакивает, словно мячик, от угрозы, произнесенной над ним старшими из присутствующих. Он продолжает лежать, простертый в немочи и безучастный. Валерику на безучастность не хватило артистизма. Поэтому он был уличен и бежал быстрее лани. «Нет, как он мог?!!» – прошептала Алла. Остальные в унисон наморщили носики и покачали головами. Потом Аллочка сообразила: развенчана не только Валерикова «великая любовь»! И ее, Алкины, рассказы об огромном чувстве, которое питает к ней трогательный псих Валерик – они теперь так же недостоверны! А значит, подруги не разнесут по курилкам трогательную легенду о расставании влюбленного трубадура с жестокой дамой сердца – вместо этого появится анекдот о неудачливом симулянте... Этого Алкино самолюбие не вынесло: «Слушай, что у тебя за манера все опоплять!» – затопала ногами Алла, - «Ты сделала все, чтобы я о Валерике вспомнить не могла без омерзения! Зачем было все портить? Я думала, он ко мне относится по-особому, по-рыцарски, а ты... Ну зачем были нужны эти игры в мисс Марпл?» На что мама резонно возразила, что без ее, как Алла выразилась, «игр» все сейчас играли бы в его игры. Он тут прохладился бы на диванчике с компрессиком на голове и томным голосом вопрошал: «Ты ведь останешься со мной? Ты ведь не бросишь меня?» А все остальные кивали бы, словно китайские болванчики. «Нет! Я бы с ним порвала! Но не так! У меня, по крайней мере, сохранилось бы ощущение... будто... будто... будто меня искренне любили! Вот! Я бы верила, я бы знала: из-за меня можно упасть в обморок! Теперь я все время буду гадать: меня действительно любят, или только шантажируют!»

⁶⁹ Булгаков М. Мастер и Маргарита.

⁷⁰ Цитата из фильма «Добро пожаловать, Или посторонним вход воспрещен».

Французский писатель Абель Эрман считал: «Говорят, что ложь убивает любовь. Но откровенность убивает ее быстрее». Любовь погибла под грузом разоблачений, к тому же ее «послевкусие» оказалось горьким, словно хина... Алкино раненое самолюбие причиняло боль, и страдальца сетовала, что «в старости и вспомнить будет нечего», что теперь придется все время гадать, любят ее или шантажируют... Аллина мама прекрасно понимала: дочкин ухажер есть «жуткий охмурыло и врун»⁷¹. Малому важно добиться своего, а интересы возлюбленной и ее душевное благополучие – ничего не значащие детали.

Отметим, что этот прием по своей жестокости и прямолинейности, безусловно, является... детским. Потому что именно в детстве человек не в силах предугадать последствия своего поступка – и особенно последствия негативные. Да к тому же не осознает, какую боль способен причинить. Его больше интересует материальный результат: подарят ли ему велосипед, простят ли за разбитую вазу, освободят ли от занятий... И вот, он укладывается в постель, имитируя жестокие боли где-то под ложечкой, закатывая глаза и стеная. Если с годами он освободится от этой дурацкой привычки – считайте, что повзрослел.

Впрочем, некоторые все же меняются. В сторону того, что психоаналитики называют «пассивной агрессией»: человек не давит на психику собеседника, не высказывает своих требований открыто, не «выжимает» для себя поблажек и льгот, но его беспомощный лепет и смущенные «Да нет, что вы, не надо, не стоит!» почему-то заставляют собеседника исполнять все «невывказанные» требования. Но бывает так, что их смирение вызывает у окружающих сильнейшую негативную реакцию – куда более мощную, чем если бы «агрессор» был несдержан или даже буен.

Смиренники и страдальцы могут провоцировать раздражение недюжинной мощности – у людей опытных. Если человек однажды уже «нарвался» и немало времени потратил на исполнение «невывказанных просьб», ему трудно отнестись к аналогичному манипулятору спокойно, выдержанно, а уж тем более – сострадательно. Разве что он – законченный мазохист и сам ищет, с кем бы еще помучиться.

В большинстве случаев опыт заставляет нас относиться к разоблаченным манипуляторам скептически, иронически или саркастически.

Но как быть, если упомянутые манипуляторы для наших детей – ну прямо как родные? Обычно родителей страшно раздражает наивность их вроде бы давно выросших детей, их податливость, уязвимость, внушаемость перед лицом этих... шутов гороховых! А когда старшие начинают возмущаться, младшие, в свою очередь, принимаются протестовать, манипуляторы, ставшие «камнем преткновения», подогревают обстановку. И кто, как вы полагаете,

⁷¹ Булгаков М. Мастер и Маргарита.

должен всех нейтрализовать? Конечно же, тот, кто старше – не по возрасту. По уму.

Природа - особа легкомысленная

Нам, взрослым, конечно, нелегко приходится. Что поделаться! Ноша родителя **должна** быть увесистее «детской клади». Да вдобавок надо помнить: с окончанием пубертатных «катаклизмов» - гормональных бурь, эмоциональных взрывов, ледниковых периодов - конфликт отцов и детей не исчезает. Он лишь переносится в другую плоскость и, с большей долей вероятности, становится скрытым, затяжным, глубоким. Не думайте, что наше основное занятие – пугать читателей. Наоборот. В первую очередь нам бы хотелось предложить вам схему поэтапного освоения «правил игры в мир взрослых людей», на которое обречена вся «юность мира». И заодно – картину типичных ошибок «зрелости мира».

Когда наступает **новый этап взросления**, многим свойственна одна и та же ошибка: слава богу, ребенок вырос! И теперь он совсем-совсем взрослый, будет думать своей головой, а я, наконец, смогу вздохнуть спокойно. Увы! Когда подростки становятся юношами и девушками, их половое созревание, действительно, завершается. В первобытные времена это фактически означало завершение индивидуального развития, поскольку основной функцией рода человеческого являлась функция репродуктивная, а социальные навыки были максимально приближены стайному существованию. Информацию, необходимую для адаптации в первобытном обществе, потомки пещерных людей усваивали намного быстрее, чем сегодня. И в десять-двенадцать лет из них выходили отличные охотники, рыбаки, собиратели, матери, отцы и члены племени. Но в ходе развития общественных отношений жизненно важный объем информации, как и срок его усвоения, постоянно увеличивается. Мы созреваем все позже и позже – не только в психологическом плане, но и в физиологическом: удлиняющаяся продолжительность жизни отодвигает начало репродуктивного периода, задерживая человека на стадии освоения мира «с детской интенсивностью». Природа дальновидна: у физически взрослых людей темпы и жажда познания серьезно снижаются по сравнению с аналогичными свойствами детской психики. Теперь им следует (согласно законам эволюции) пересмотреть приоритеты и направить свою деятельность к другим целям, а именно к продолжению рода.

Но человек уже давно поступает наперекор природе – практически с самого момента выделения в отдельный вид. Французский писатель Жюль Ренар мрачно шутил по этому поводу: «Богу недурно удалась природа, но с человеком у него вышла осечка». Действительно, биологическая программа, до жестокости

равнодушная к отдельной биологической единице и занятая исключительно созданием все более и более жизнеспособных видов - не самая авторитетная покровительница и наставница даже для семейства пралюдей. Вместо несокрушимого здоровья, изрядной плодовитости и отменно работающих органов эволюция направила всю «энергию прогресса человека» в одну точку – в познание себя и мира. Наш «жизненный инструмент» - не мощные челюсти, не быстрые ноги и не репродуктивная функция, а, конечно же, мозг, способный обрабатывать и, главное, **запоминать** информацию.

По мере развития человечества биологическая программа устаревает все безнадежнее, а потребности взрослого человека все основательнее отличаются от потребностей «милого и непосредственного создания», максимально близкого к природе, каковым, до определенного возраста, является ребенок. Первоисточником тех проблем, к которым приходит вчерашний подросток по окончании этапа полового созревания, следует назвать двойственность восприятия – и внутреннего, и внешнего. Молодого человека считают взрослым, дееспособным, ответственным (по крайней мере, в юридическом смысле). Он и сам хотел бы видеть себя таким. Но реальность не подтверждает его притязаний: попытки заявить о себе в рамках профессиональной деятельности чаще всего купированы окружающими; а его стремление удалиться от социальных проблем в зону эмоциональных «релаксантов» вызывает возмущение. Прессинг и со стороны близких, и со стороны «дальних» - условно говоря, внешнее давление – складываются в обстановку весьма неблагоприятную.

Психологи и социологи считают возраст «входа в жизнь» этапом чрезвычайной профессиональной и эмоциональной нестабильности. Бесконечная учеба, временная работа, непрочные личные связи, конфликты с родными. И все это - на фоне социальной (а зачастую и психологической) зависимости и неопределенности. Молодежь идет на множество ухищрений, чтобы снизить психоэмоциональные и социальные нагрузки. Период, именуемый «входом в жизнь», длится приблизительно с 18 до 25 лет, хотя Карл Юнг склонялся к тому, чтобы продлить его до 35, а то и 40 лет. Почему такой «разброд» в оценках? Все зависит от конкретной социальной ситуации. Представьте жестко регламентированное общество, в которое приходится «врастать» десятилетиями, где все роли распределены и контингент «новых поступлений» строго ограничен, - здесь одному с завязыванием социальных связей не справиться. И вот, пожалуйста: накануне сорокалетия родители водят своих отпрысков за руку - знакомят с «нужными людьми» и ищут им «подходящую партию» - то ли брачную, то ли политическую. Совсем иначе течет время в другой социальной среде - там, где даже школу незачем оканчивать: вполне

достаточно жениться, убить пару представителей враждебного племени и хотя бы одного туриста, надеть жене на шею ожерелье из их зубов – и ты уже полноценный мужчина, воин, защитник. А сколько тебе лет – одиннадцать или все четырнадцать – этого никто не знает. Поскольку сам вождь умеет считать только до десяти. Здесь другие требования и другие приоритеты.

Итак, оставим бездонную тему «Во сколько взрослеет современный человек?», заметим лишь: это годы, когда «семейная безопасность», обретенная в детстве, исчерпана, а личность продолжает активно формироваться. Если согласиться с утверждением С.Л. Рубинштейна: «В качестве личности человек выступает как «единица» в системе общественных отношений, как реальный носитель этих отношений. В этом заключается положительное ядро той точки зрения, которая утверждает, что **понятие личности есть общественная, а не психологическая категория**»⁷², то становится понятным «правило социальной паутины».

То, что кажется индивидуальностью, индивидуальностью не является, пока не приобретет обширных социальных связей.

Но решение этой задачи возможно только при активном участии субъекта – то есть самого молодого человека. Здесь проблем не избежать. Освоение новых «правил игры» – нелегкая задача и решить ее «в неглиже с отвагой» невозможно. Психика вчерашнего подростка, устав от длительных перестроек и переустановок программы, ищет «на чем бы сэкономить». А старшее поколение воспринимает подобное стремление «поберечь энергоресурсы» как злостное тунеядство. И психологическое, и социальное. Хотя зачастую ошибается и действует во вред и молодежи, и себе. Не стоит корить себя за этот промах: мы, в некотором роде, исключение из общего правила эволюции. Ни природа, ни мы сами еще не знаем, как с собой обращаться. Отсюда и все проблемы вида хомо.

Но вернемся к современности. Предположим, родители в состоянии обеспечить финансовое подспорье подросшему чаду, но не в силах провести его за руку по всему пути самореализации. По окончании пубертатного периода молодежи приходится осваивать закрытую до сих пор сферу «реальной жизни». Конечно, процесс приобретения жизненного опыта идет всю жизнь, но сейчас это **сознательный** опыт. Приходится формировать собственное мнение, развивать самостоятельное мышление, оценивать и анализировать полученную информацию. Молодой человек меняется не так быстро, как ребенок, но все-таки очень быстро. И он меняется **качественно**.

⁷² Рубинштейн С.Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности.

У него появляется своя система ценностей, своя система стереотипов, а также неприятная привычка впадать в крайности – не столько своя, сколько общевозрастная. Папу и маму коробит примитивность и неосмотрительность желаний и поступков их «кровиночки»: ну зачем ей (ему) эти жуткие компании? Знай себе шляются по тусовкам, пиво пьют, все до копейки в магазинах просаживают и т.п. Какой в этом прок? А если «кровиночка», наоборот, впадает в другую крайность – делает карьеру, не щадя себя, - тоже попреки: что ж ты все за компьютером сидишь, в библиотеке безвылазно, никуда не ходишь, ни с кем не встречаешься? Когда и погулять, как не в молодости? Родители волнуются, видя некоторый «перекос» в образе жизни своего ребенка. Им бы хотелось большего равновесия, гармоничного соотношения между работой и отдыхом. А молодежь, наоборот, уж если чем увлечется, то без всякого чувства меры тратит силы, время и средства на что-нибудь одно. В чем причина такого «западания», сильно похожего (а нередко не только похожего) на психологическую зависимость?

Причина заключается именно в необходимости самоидентификации личности как общественной единицы, а на практике – в самом процессе поиска и налаживания общественных связей. Ранее мы упомянули об «эмоциональном максимализме», когда чувства охватывают мозг подростка и «тормоза» отказывают. Даже после перехода роли «эмоциональных тормозов» от миндалин мозжечка к лобным долям мозга, компульсивный (охватывающий) характер переживания некоторое время сохраняется. Так что «гиперчувствительность» еще до конца не «испарилась» из сознания (вернее, из подсознания) молодого человека. Прежде чем он перестанет жить аффектами, требующими «здесь и сейчас удовлетворения», пройдет определенное время – и, возможно, немалое. Из-за этой особенности мироощущения какая-нибудь выбранная наудачу «стезя» может захватить молодого человека целиком, а хорошо просчитанный и тщательно сбалансированный «жизненный сценарий» не вызовет особого интереса и дождется разве что формального воплощения. И все потому, что здесь приоритеты детей и родителей нередко **категорически** не совпадают.

Одна из причин «семейных войн» - уже упомянутый принцип «я бы на твоём месте». Папа и мама, пытаясь «осчастливить» свое чадо «подарками судьбы», о которых в свое время мечтали, исключают вероятность **других** предпочтений. Они выстраивают приблизительно такую схему: у меня не было возможностей достичь успеха из-за отсутствия тех или иных условий; я добивался своего долго и тяжело; но теперь-то я обеспечу своего ребенка всем необходимым; а значит, мой ребенок пройдет этот путь намного

быстрее. Вопрос «А хочет ли наше чадо вообще вступать на указанный путь?» как-то не приходит чадолюбивым родственникам в голову. И даже если сын/дочь намеревается следовать по стопам папы/мамы, ему/ей может совсем не понравиться, что окружающие видят в нем только папенькиного/маменькиного сынка/дочку, продолжателя родительских заветов.

Проблема усугубляется тем, что так называемая «жизненная цель» у человека появляется не сразу. Лишь в романических жизнеописаниях и рекламных роликах про замечательных людей все выглядит так эффектно: «Он/она сразу понял/поняла – это судьба! Ему/ей предназначено открыть новый материк, изобрести пенициллин, создать автомобильную империю, выиграть конкурс «Мисс мира». Тогда, поправив идеально сухой памперс, гениальное дитя смело взглянуло в лицо грядущему». Нет, не в памперсы и даже не в школьную форму было одето гениальное дитя, когда пересчитывало веснушки грядущего.

Конечное оформление жизненной цели наступает в довольно зрелом возрасте, в лучшем случае – накануне двадцатипятилетия.

Но процесс, как уже было сказано, начинается задолго до этого события. И человеку необходимы цели – хотя бы в форме «общего направления». В качестве «указателя» используется стандартный образ успешного деятеля, взятый, как правило, из списка, предоставленного масс-медиа: звезды, политики, бизнесмены, ученые. И все поголовно – прославленные и богатые. Никто не стремится умереть в неизвестности и нищете, вспоминая о миновавшем благоденствии. Наоборот, большинству свойственны завышенные требования и чрезмерные запросы. «Кто преуспевает в малом, тот не способен достичь большего», как сказал Блез Паскаль.

В наше время довольно часто специфика образа жизни, выбранного в свое время родителями, вызывает у детей внутренний протест. Неважно, заслуженно или незаслуженно. Главное, что младшие вовсе не желают «быть как мама с папой» - им подавай свое собственное, индивидуальное. Откуда только он берется, этот самый «усредненный образ индивидуального»? Как мы уже писали, первые шаги в самостоятельную жизнь отмечены формированием системы социальных ориентиров. В качестве «вешек» на этом пути выступают ценности, принятые в молодежном сообществе. Чтобы понять их природу, необходимо осознать стандарты, на которых базируется молодежная субкультура. То есть нарисовать общую картину стереотипов, руководящих поведением и мироощущением молодых людей.

Она не сильно отличается от аналогичных стандартов, регламентирующих жизнь подростка. Но в большей степени направлена на перспективное развитие. Система стереотипов, как

правило, жестко привязана к существующей обстановке – социальной, экономической, этической. Поэтому описать ее в подробностях невозможно: для каждой социальной группы и для каждого отрезка времени существуют свои особенности. Но есть и всеобщие закономерности: время, средства и результат достижения желаемого. Время – максимально короткое; средства – максимально простые; результат – максимально публичный. Для разъяснения возьмем стандартную ситуацию: вчерашний тинейджер еще не понял, чего ему по жизни надо. Сейчас он хочет (в основном) продемонстрировать себя обществу, хочет привлечь к себе внимание, хочет быстрого успеха и т.п. Но в запасе у него главным образом физические данные – сила (относительная), красота (тоже нередко весьма относительная), здоровье (если не считать мелких неприятностей с кожей, волосами, зубами...). Вот и пользуется вчерашний тинейджер тем, что имеет – для максимально скорого достижения максимальной известности. И конечно же, нередко добивается того, что... ему не требуется. Почему? Да хотя бы потому, что не знает себя и тем более плохо представляет, в какую сторону повернет его личность в процессе развития.

Первые «жизненные установки» на самом деле не что иное, как различные формы эпатажа.

Свержение идолов и разрушение догм – крайне популярные способы самоутверждения среди подрастающего поколения. Естественно, их использует и молодежь, вышедшая из школьных стен, но не окончательно избавившаяся от стратегий, свойственных переходному возрасту с его «психологическим бунтарством». Родителей, конечно, повергают в ужас странные намерения любимого чада. Им кажется, что невероятные «кульбиты» сознания – это некий психологический дефект, пусть не патология, но наверняка девиация (психологическое отклонение). На первый взгляд **такое** непременно должно испортить «совсем еще ребенку» всю последующую жизнь. Скажем, родители узнают, что их сын надумал попасть в книгу рекордов Гиннеса в качестве самого татуированного человека в мире, а дочка намерена на утлой лодчонке покорить экватор – папа обрушивает на своих отпрысков все громы и молнии из «штормового арсенала», а маме наверняка становится нехорошо. Но это всего лишь очень короткий этап «причудливых желаний», который быстро пройдет.

К тому же многие подростки в момент обострения негативизма, на этапе психологического бунтарства ощущают: им совершенно не нравится образ жизни родителей. Именно в силу того, что этот образ жизни становится их собственным не в результате свободного выбора, а в результате внешних обстоятельств. Психологический акцент, соответственно, заостряет недостатки «навязанного» существования, отчего пресловутые

недостатки кажутся вдесятеро ужаснее, чем, предположим, постороннему наблюдателю. Такое «раздувание» негатива – еще один результат компульсивного характера восприятия. Старшее поколение, не имеющее представления, чем оно «этим молокососам» не угодило, старательно (а то и настырно) «реабилитирует» свой образ жизни в глазах младшего поколения. Все, почва для разрыва готова. В общем, живите как хотите, а нас к себе не ждите. И вот: дети, соответственно, выбирают противоположную модель существования, которой и придерживаются в дальнейшем. Так разница в системах ценностей и нежелание старших понять эту разницу привели к затяжной конфронтации.

Слишком серьезный подход к конфликту превращает небольшое столкновение в объявление войны.

Взрослые, поймите: упрямство и даже некоторый нарциссизм – жизненно важные свойства индивида, вступающего в самостоятельную жизнь. Ему необходимо владеть средствами защиты от внешнего давления. Он обязан научиться отстаивать свои интересы. Притом, что круг интересов еще не сформирован окончательно. Что поделать: мы так далеко ушли от матушки-природы в плане **социальном**, но, в принципе, никуда не ушли в плане **биологическом**, что под глазурию общественных норм скрывается пещерный человек. И он отстаивает свои хрупкие социальные позиции и претензии (часто дутые) самыми первобытными способами. Возможно, с годами он переменится и цивилизуется. Чтобы это произошло, вчерашнего подростка лучше поместить в комфортную, а не в агрессивную «семейную среду».

Нет, мы не призываем вручать всякому выпускнику вуза, идущему на собеседование к работодателю, каменный топор, амулет из обсидиана и клятвенное обещание зарыть, если что, труп врага на дачном участке под теплицей с огурцами. Снабдите вашего ребенка хотя бы верой в его начинания. Не злитесь, не паникуйте, не самоутверждайтесь на нем фразами типа «А я предупреждал/предупреждала!» и «Лично я бы на твоём месте...» - даже если у него не получится **по его же вине**: предъявляет завышенные требования, ждет идеальных условий, ищет нанимателя для уникального специалиста, хочет блестящих – нет, ослепительных - перспектив... Некоторым личностям – особенно личностям незрелым - требуется время, чтобы разобраться в себе. Но, разобравшись, они не склонны сворачивать с выбранного пути. Лучше потерпеть, чем «обломать» такого согласно общепринятому шаблону – искалечите жизнь и ему, и себе. Хотя с «упертой творческой личностью» сосуществовать – далеко не сахар...

С одной стороны, создание собственных связей и карьерный рост занимает не один год. С другой стороны, круг интересов и

образ мышления для таких «упрямцев» складывается не «сообразно обстоятельствам», а «сообразно намерениям». Они, в некотором роде, предпочитают менять среду, нежели «ломать себя». Подобная стратегия в психологии называется «плодотворной ориентацией характера».

Надо признать: окружающие не очень-то хвалят и привечают «плодотворно ориентированных» людей.

Во-первых, те бывают жесткими и даже жестокими в общении. Во-вторых, ими трудно манипулировать. В-третьих, они практически никогда не раскрываются до конца – и перед близкими в том числе. И наконец, они не терпят, когда их пытаются использовать в демонстративных целях. Чем ныть, сетовать и сплетничать, честолюбивым родственникам стоит поближе присмотреться: как у их ребенка обстоят дела с ориентацией характера? Повторим: многие родители не видят за деревьями леса, а за исполнением родительских обязанностей – индивидуальности своего отпрыска.

Пусть личность, формируясь, самостоятельно «выкристаллизовывает» образ счастливого, благополучного существования в качестве идеала. Кстати, близкие нередко присоединяются к младшему поколению в их выборе: разве плохо быть богатым и знаменитым? Но две вещи вызывают в них сомнения – внешние и внутренние факторы успеха. Хватит ли нашим, вроде бы ничем не примечательным, детям удачи и таланта, чтобы повторить славный путь того или иного «культового персонажа», с пафосом описанный в журнальных статьях и исторических мемуарах? Остается дать совет: нельзя забывать, что СМИ и ЖЗЛ – не энциклопедия жизни, а только ее бледное и весьма искаженное отражение. Поэтому не старайтесь «подогнать» сознание своего ребенка под стандарт, соответствующий (или, наоборот, противостоящий) журнально-телевизионному «светлому образу». В планы вашей семьи не должны входить «конкретные задачи» - например, достичь вершин шоу-бизнеса и устроиться там со всеми удобствами, или, напротив, выстроить личную башню слоновой кости и навек затвориться в ней с чады и домочадцы.

Абстрагируйтесь от мемуаров.

Лучшее, что вы можете сделать для младшего поколения – это помочь ему разобраться в себе. А если вам кажется, что ваши дети замышляют нечто супероригинальное, не надо сразу представлять, как «эти молокососы» превращаются в татуированных энтузиастов-маргиналов, плывущих по волнам Тихого океана на прохудившемся плоту. Экстремизм пройдет – абсолютно бесследно или, в крайнем случае, сохранится в форме вполне разумного хобби. Поэтому, дабы у молодого человека не наступила фиксация на

«полуподростковых» мечтаниях, не стоит без конца его упрекать, вызывать на разговор о «жизненных планах» и т.п.

Повторение – мать не столько учения, сколько зубрежки.

Не обращайтесь особого внимания на «судьбоносную мечту» – и она испарится через несколько месяцев (максимум через пару лет). В общем, не капайте ребенку на мозги и не задерживайте внимание ребенка на незрелых фантазиях. Дайте ему шанс перейти к фантазиям зрелым. А станете бесконечно возвращаться к данной теме – и сиюминутная прихоть намертво застрянет в памяти молодого человека, превратится в «вечный укор». Вот, между прочим, была у меня мечта! Такая мечта! Гондольером стать в Венеции: девушек возить, «О соле мио» распевая. А вот поди ж ты – не склалось. И стал я, бедняга, всего-навсего стоматологом. И пожалуйста: разве теперь объяснишь хорошему, востребованному специалисту, работающему в престижной клинике, что гондольер – всего-навсего костюмированный лодочник, которого душат конкуренция и ларингит?

Глава 5. Как взрослый со взрослым

Я не верю в коллективную мудрость невежественных индивидов.
Томас Карлейль

Что важнее - сохранить лицо или личину?

Бесполезно сетовать на непочтительную молодежь, на нормы индустриального социума – в частности, на «изломанные и лживые жесты», которые «приносят много мук»⁷³, а также на падение нравственности вообще. И ратовать за возвращение золотого века, который (якобы) царил в традиционном обществе в минувшую эпоху, тоже не следует. Никаких «тотальных мер» для улучшения личного самочувствия предпринять не получится. И не только потому, что на это не хватит ни власти, ни денег, ни прочих ресурсов, - но еще и потому, что упомянутые меры желанного эффекта не принесут.

Для повышения самооценки необходимо выработать позитивную точку зрения и на себя, и на мир вокруг себя.

А для этого в первую очередь следует определить, какое место вы занимаете в вашем мире. То есть сопоставить социальный и индивидуальный компоненты видения мира.

Начнем с социального компонента. Как мы уже говорили, любой тип общества имеет свои недостатки. В традиционном социальная адаптация превращает человека в послушный механизм, а в индустриальном – в маскарадный персонаж. Впрочем, любая чрезмерная адаптированность по-своему опасна. В процессе

⁷³ Есенин С. Черный человек.

координирования личных воззрений и социальных устоев мы часто вынуждены принимать чужое как свое – и можем зайти настолько далеко, что отторгнем свое как чужое.

Эта схема довольно точно описана в концепции социального характера, разработанной Э. Фроммом. Под влиянием требований общества одни из характерологических черт подавляются, другие – активно формируются, третьи – гипертрофируются. «Человек перестает быть самим собой», - пишет Э. Фромм, - «он полностью усваивает тот тип личности, который ему предлагают модели культуры, и полностью становится таким, как другие, и каким они его ожидают... Этот механизм можно сравнить с защитной окраской некоторых животных» – вот крайнее проявление социального характера, именуемое «автоматическим конформизмом». Автоматический конформизм – одна из защитных программ поведения, направленная на то, чтобы устранить противоречие между индивидом и обществом за счет утраты индивидом его неповторимых человеческих качеств. Э. Фромм сравнивал человека, максимально «сросшегося с общественными установками», с «автоматом, идентичным с миллионами других автоматов вокруг него, который не испытывает больше чувства одиночества и тревожности. Однако цена, которую он платит, велика – это потеря самого себя».

Чем ближе характер человека к социальному характеру, тем более полной становится его адаптация, тем успешнее он продвигается по социальной лестнице, но тем меньше остается у него индивидуальных черт, а вместо подлинного «Я» формируется «псевдо-Я», или, как называл это психологическое формирование К. Юнг, «маска», «персона». Словом, прессинг со стороны общественности так или иначе старается привести личность в маскарад и нацепить на нее «личину», чтобы та приросла намертво. И мы, действительно, охотно используем маски, чтобы не возбуждать в посторонних людях негативных эмоций и не провоцировать их на агрессивные проявления в наш адрес. Но! **Носить** маску – одно, а **быть** ею – другое. Ведь, пока человек не достиг той вершины автоматического конформизма, когда именно **отсутствие души и личности** дарит ему ощущение душевного и личного комфорта, ему очень тяжело и плохо. Его искалеченная, смятая общественными требованиями индивидуальность беспрерывно болит и ноет, словно затекшая конечность.

Единственное спасение – в тщательном сохранении и развитии собственного «Я», несмотря на возникающие проблемы в карьере и общении. Этот индивидуальный компонент держит человека «на плаву» во все времена и при всяких нравах. Человек

выжил, потому что оставался собой. Роль индивидуации⁷⁴, главным образом, в том и состоит, чтобы противостоять автоматическому конформизму. В то же время необходимо помнить: никакая индивидуальность не в силах существовать, **целиком** отказавшись от социальной адаптации. И даже патологическое поведение предусматривает «мимикрию под лояльность». Мы – канатоходцы, а правильно выбранное видение мира – наш балансир. Вот почему здесь столько говорится о самопознании – оно залог верного выбора.

Вокруг нас невероятное количество «масок и декораций», готовых в любой момент заменить нашу личность и наше восприятие на «стандартный вариант».

И нашествию «декораторов» приходится сопротивляться изо всех сил. Хотя все мы люди. И к тому же чрезвычайно занятые люди. Нам приходится решать столько **конкретных** задач, что **высокие** задачи нас только утомляют. Так хочется заглянуть в конец задачника, списать ответ оттуда, после чего поставить галочку в списке благополучно завершенных дел. Французский политик Эдуар (**Корректорам: именно Эдуар, а не Эдуард - бог его знает, почему**) Эррио говорил: «Доктрины имеют то преимущество, что избавляют от необходимости думать».

Вдобавок взрослому человеку кажется, что он – такая целостная, сформированная, устоявшаяся личность, которую не проймет никакая психологическая обработка. Вот почему мы так легко попадаемся на идеологические крючки – мы их просто-напросто не видим. И покорно укладываем в нашу индивидуальную систему ценностей кирпичи – да что там, целые блоки – стереотипных «сверхценностей», рекомендованных извне. Мы словно нестойкие покупатели перед умелыми коммивояжерами, «втюхивающими» нам то или иной мнение по тому или иному поводу. А в результате мы и не замечаем, как перестраивается наша система приоритетов.

Системы приоритетов, они же пирамиды ценностей, складываются и перекладываются в сознании человека в течение всей жизни. Внизу помещается все легко добываемое, обыденное, не требующее особого внимания; на вершине – самое вожаделенное, самое недостижимое, самое драгоценное. И таких пирамид в нашем «Я», как правило, присутствует не одна, а несколько. Есть системы ценностей, сформированные сверхзадачей – религиозной идеологией, например, или произведениями Ф.М. Достоевского. Есть пирамиды, сложенные социальными нормами, принятыми в том кругу, в котором мы вращаемся – и никто не станет спорить, что

⁷⁴ Индивидуация – термин, предложенный К. Юнгом. Им обозначается естественно необходимый процесс образования и обособления единичных существ, развитие индивидуальных психологических свойств и качеств, делающих человека неповторимым.

у богемы одна система ценностей, а у банковских клерков – другая. А есть структуры индивидуальные, сделанные «по спецзаказу» - сообразно личным вкусам и пристрастиям. Но в конечном итоге решение, принятое в конкретной ситуации, не может зависеть сразу от всех «пирамидальных систем» – приходится выбирать одну в качестве ориентира. И здесь-то начинается основной «разброд и шатания», результат которых в большой степени зависит от того, в каком обществе вырос человек – в традиционном или в индустриальном.

Разница между традиционным и индустриальным сознанием так велика, что даже небольшие подвижки в сторону одного из полюсов серьезно отражаются на массовом сознании. А значит, и на той самой «средней пирамиде», сложенной из социальных норм, сформированных определенными социальными группами. Впрочем, читатель наверняка уже задастся вопросом: зачем весь этот экскурс в социологию и в теорию массового сознания? Затем, что большинство реакций, которые кажутся нам «глубоко личными», рождается скорее коллективным мироощущением, нежели нашим собственным.

Мы и не замечаем, что видим современную молодежь «из своего вчера», а не «из их сегодня».

И пытаемся судить – или хотя бы обсуждать – их поведение согласно нормам, внедрившимся в наше сознание лет двадцать тому назад. Старшее поколение, поколение семидесятых-восьмидесятых, в основном сформировалось, как вы понимаете, в эпоху застоя, в строго регламентированной среде – то есть в более традиционном обществе, где «семейное происхождение» было так же важно, как и в крепостное время. В «постперестроечную эпоху» клановые, сословные установки понемногу стали уходить из сознания людей. Этот процесс начался совсем недавно – когда государство, наконец, освободило нас от шор и предоставило право на собственную оценку информации. Естественно, смена идеологии заняла самый короткий срок, а вот перестройка «идеологически выдержанного» сознания будет долгой.

Все мы время от времени возвращаемся к старым ориентирам, пытаюсь облегчить себе задачу. Во всяком случае, выражения «из плохой семьи», «из хорошей семьи» вполне актуальны, наше впечатление от человека зачастую обусловлено ими. Тем более, если этот человек – партнер вашего собственного чада, нынешний или будущий, брачный или деловой. И мы нередко забываем, что психологические установки младших сложились уже в другом обществе. В индустриальном. В том самом «мире каменных джунглей», где успех и неуспех зависят во многом от личных качеств. Где отсутствие необходимых данных невозможно компенсировать «фамильными достоинствами». Молодежь видит,

как представители «хороших семей» прозябают в более чем скромных условиях, бездарно растрачивая жизнь в попытках сохранить пыльные останки «фамильного достояния». И как болидами пролетают по небу никому не известные ранее «суперновые суперзвезды».

Он может все и он не может ничего

Все эти признаки «внезапных взлетов и падений» совершенно естественны для «переломного момента» истории, когда, как писал психолог масс Г. Блуммер, «все способствовало тому, чтобы индивиды срывались с якорей своих традиций и бросались в новый, более широкий мир. Сталкиваясь с этим миром, они были вынуждены каким-то образом приспособливаться, исходя из совершенно самостоятельных выборов. Совпадение их выборов сделало массу могучей силой. Временами ее поведение приближается к поведению толпы, особенно в условиях возбуждения. В таких случаях оно подвержено влиянию тех или иных возбужденных призывов, которые играют на примитивных порывах, антипатиях и традиционных фобиях. Это не должно заслонять тот факт, что масса может вести себя и без такого стадного неистовства. Гораздо большее влияние на нее может оказывать художник или писатель, которым удастся прочувствовать смутные эмоции массы, выразить и артикулировать их»⁷⁵.

Прежде чем научиться объединяться в массу – под влиянием общих порывов, антипатий и фобий, но без стадного неистовства, – нация переживает «эпоху толп».

Масса отличается от толпы более высоким уровнем разумности поведения. Ее ведут не только авторитеты – культурные, этические, политические лидеры – ее ведет способность отдельных представителей к индивидуации, к личному восприятию, к получению информации. А поведение толпы обусловлено лишь потребностью в эмоциональной разрядке, оттого и нивелируется по нижней планке – по поведению ее наиболее примитивной и наиболее «взрывной» группы. Как говорил Артур Шопенгауэр, «у толпы есть глаза и уши и немного сверх того». Выйдя из подобного состояния, человек радуется обретению мыслительных способностей и уповает на их могущество, надеясь на скорейшее разрешение всех проблем и забывая про фактор времени. В. Ключевский раскрыл этот фактор одним вопросом и одним ответом: «Сколько времени нужно людям, чтобы понять прожитое ими столетие? Три столетия». На то, чтобы научиться мыслить, требуется определенный срок. Видимо, раза в два-три дольше того времени, которое нация провела в «эпохе толп». Потом только наступает «эпоха масс».

⁷⁵ Блуммер Г. Коллективное поведение.

В этот период люди старательно подменяют рациональную обработку информации ее эмоциональным переживанием. Высоко ценится духовность - даже бытовой мистицизм. В простоте, как говорится, ста грамм не выпьют. Сергей Довлатов иронизировал над этой традицией: «Знаю я эти культурные дома. Иконы, самовары, Нефертити... Какие-то многозначительные черепки... Уйма книг, и все новенькие... Марина принесла какую-то чепуху в заграничной бутылке, два фужера. Включила проигрыватель. Естественно – Вивальди. Давно ассоциируется с выпивкой»⁷⁶. Да кто из нас в этом доме не бывал?

Именно в такой семье родился Паша. Его родня была тем самым идиллическим гнездышком, которое понимали под словом «приличная интеллигентная семья»: мама – пианистка, папа – дирижер, отчим – вузовский преподаватель, дедушки и бабушки также, «все равны, как на подбор», занимались наукой и искусством. Естественно, в Пашиной естественной среде уважали профессионализм, образование, воспитание, духовность. И некоторый снобизм, что скрывать, здесь тоже наблюдался. А вернее, процветал. Паша подрос, окончил школу, поступил в институт. Поучился и вылетел за неуспеваемость. Сгубило мальчика студенческое братство. То же повторилось и в другом вузе, и в третьем. Пашина натура не выдерживала испытания веселой жизнью. Веселая, а в перспективе сладкая жизнь была его основным интересом. Точнее, ограничивала весь круг его интересов. Для стремления к профессионализму, образованию и духовности Паша еще не созрел.

Возможно, со временем он изменился бы в лучшую сторону, но тут подоспела перестройка. И у всей страны, похоже, изменились приоритеты. Общегосударственная тяга к деньгам – эквиваленту сладкой жизни – не обошла стороной никого. Но молодежь она захватила целиком. Паша, пребывавший некоторое время в растерянности, пошел на самую денежную работу, какую смог найти. Его должность не требовала особых профессиональных навыков – мониторинг, просматривание и просеивание данных. Никакого «углубленного анализа» – просто конвейер. И просто деньги. Пашины родители были в шоке. В том «бравом новом мире», который пришел на смену старому, они получали более чем скромные оклады, но расстаться со своей работой не желали. Любовь это была или страх перемен – неизвестно. Но Паша оказался совсем другим: прагматичным и беспринципным. Родные пытались понять: чего его ему хочется? Если не считать той самой «дольче вита»? Какую карьеру он собирается сделать? И собирается ли вообще? Учиться он так и не пожелал. Когда проект, на который он работал, с треском развеялся в воздухе, подобно праздничному фейерверку, Паша нашел новый. Потом следующий, и следующий, и следующий. Он руководил сайтом в интернете, издавал газету, был помощником депутата, торговал ветром и ходил за семь верст киселя хлебать. Энергичные молодые люди требовались повсеместно. Вот Паша и подвизался там, куда позовут. Звали его всюду: он умел договариваться и умел себя вести на людях. Это было на одно положительное свойство больше, чем требовалось.

Близкие поутихли, но не унимались. Мама сетовала: «Пашенька может все и не может ничего». Или волновалась: «Чем он занят? Что с ним будет?» На вопрос: «А с вами что будет?» она грустно шутила: «Перебьемся как-нибудь. Главное мы уже сделали. Теперь нам бы ночь простоять, да день продержаться». И, несмотря на свои финансовые неурядицы, продолжала беспокоиться о Пашином будущем. Хотя Паша процветал, превратившись в типичного «летуна». Помните эту осуждающую характеристику советских времен? Ее давали тем, кто срывался из предприятия, проработав меньше года, а не сидел по полвека в одной конторе. Теперь эта тактика давала наилучший эффект – если, конечно, у вас была пухлая записная книжка и весьма смутное представление о своем «высшем предназначении».

⁷⁶ Довлатов С. Компромисс.

Когда вернется время профессионалов и вернется ли оно вообще – неизвестно. Сейчас крепкие ребята с обширными связями больше в цене. А родителям остается лелеять надежду, что со временем все одумаются – и дети, и страна, и мир. А также лелеять прекрасные воспоминания о временах более разумных и славных, где бодрые энтузиасты, настоящие профессионалы вершили незабываемые подвиги. При этом, разумеется, крепко-накрепко забывая про тех «незаметных героев», для которых ходить на работу и было подвигом.

Во все времена большая часть работающих – такие вот «герои». Их профессионализм носит формальный характер, их трудовые свершения не идут дальше своеговременного прихода на рабочее место, а их верность родному предприятию держится на привычке и бесхарактерности. И, в принципе, они мало чем отличаются от Паши. Просто в традиционном обществе они вынуждены запихивать свою жадную до удовольствий натуру в тиски традиционной респектабельности. Ну, а в индустриальном обществе Паша и ему подобные получают возможность заниматься тем, что дает деньги без долгих предварительных усилий – без обучения, без стажировки, без практики под началом опытного специалиста и проч.

Но старшее поколение уже осмыслило себя в совершенно ином ключе. Их система ценностей облагорожена стереотипами восприятия. Завышенные требования к современности, построенные по схемам традиционной морали, пронизывают их сознание. А результат – мировоззрение, в котором почти все держится на художественном и малохудожественном вымысле. И опять в наши личные взаимоотношения вмешивается историческое прошлое и настоящее.

Теория эволюции подтверждает: старое не просто дает дорогу новому – оно разрушается. Биологические эпохи радикально меняли облик Земли. Почему цивилизация должна вести себя иначе? Потому что построена на смене идей, а не на смене генома? Все равно получается: вышедшее из употребления обречено. Но и биологическая эволюция не столь... категорична. Многие, очень многие существа прекрасно сохранились с начала времен, несмотря на появление более совершенных форм жизни. Любой желающий может и сегодня полюбоваться на динозавра: надо только сходить в бутик, чтобы покопаться в кожаных изделиях, или в зоопарк, чтобы заглянуть в глаза крокодилу. Хотя все его «современники» вымерли, крокодил по-прежнему с нами. Так же и сторонники устаревших взглядов – они вымирают, но не все – совсем как динозавры. Хоть один, да останется с нами.

Кстати, в «смутное время» любая идея кажется несвоевременной – либо устаревшей, либо преждевременной. А с

тем, что не годится на **данный момент**, кризис обходится безжалостно. Ему нечего терять и нечего беречь: системы ценностей-то нет. Значит, ничего ценного, кроме материального эквивалента, не существует. И только деньги, чеканенная свобода, имеют прежнее и даже большее значение.

Обесценивая все прочие «свободы», кроме чеканенной, кризис наносит огромный ущерб имуществу и достоинству людей.

Государство тут не поможет: ведь оно – главный источник и проводник «кризисных мер». Общество вырабатывает новые методы «работы с человеком», делая выбор в пользу «жестких» приемов - протекционизма, бюрократизма, шантажа, конкуренции и т.п. И вдобавок все социальное переустройство касается основ - стереотипов, ценностей, моральных догм. И то, что казалось незыблемым храмом науки, искусства, правосудия (какие там еще храмы предусматривались в гармонично устроенном обществе?) – все это странным образом превращается в трясину. После чего в пресловутой трясине тонет все, что от храмов останется. Словом, на пике кризиса идей аномия настигает даже самых стойких. И в этом состоянии мы, как правило, начинаем делать феерические и опасные глупости. Мы стараемся обрести для себя нечто **вечное** – и непременно там, где можно только потерять нечто **личное** и превратиться в марионетку. Судите сами, как такое происходит.

Мазохизм в историческом контексте

Но сначала скажите: что случилось, когда вы поняли: ваш ребенок вырос и вправе сам руководить своей жизнью? Как на вас подействовало это «открытие»? Скорее всего, двойственно. С одной стороны, вы гордились своим большим, умным, взрослым чадом. С другой, вас не миновали всяческие негативные ощущения – от легкой грусти до глубокой депрессии. Последнее состояние неизбежно для «гиперродителей» – для тех, кто все свои интересы и усилия сосредоточил на одном объекте – на любимом отпрыске. «Гиперродителям» приходится хуже всего. Ведь их видение мира лежит в обломках, внутренний образ реальности напоминает славный провинциальный городок после нашествия чудовищного торнадо: вся округа завалена грязным хламом, который еще вчера был нужным, удобным, отнюдь не дешевым имуществом. По развалинам бродят потерянные души, роясь в мусоре и рыдая над спасенными семейными фотографиями. Страшное зрелище. Честно говоря, в такой момент даже змея не жалит, но психологи не чета змеям. Они будут надоедать человечеству своими рекомендациями даже после Армагеддона. Поэтому, чем упиваться собственными страданиями над руинах бывшего образа жизни, займемся позитивными заботами: посмотрим, что можно восстановить. И

главное: какие **новые** проблемы последуют **за** перенесенным потрясением. А они последуют непременно.

Все сказанное выглядит по меньшей мере пессимистично. Но если бы человеческая психика не была пластичной и не имела бы способности к восстановлению и развитию, **ни одно** разумное существо вида хомо не пережило бы пубертатного периода, не вступило бы в «совершенный возраст» и не стало бы ответственным, дееспособным, взрослым человеком. В течение жизни мы переживаем несколько таких «психологических торнадо», ломающих наши вполне устоявшиеся представления. После чего вырабатываем новые ценности, ориентиры, роли и нормативы. Просто в юные годы такие вот «перестройки» не оставляют глубоких, четких «шрамов» на психике. И сейчас тоже не все кончено, как оно может показаться на первый взгляд. К тому же родителю, чей ребенок вырос, свойственно погружаться в переживания «грандиозной потери». Аномия, обусловленная **кризисными** проблемами социума, в сочетании с аномией, вызванной **семейными** проблемами – и что мы получаем в результате? Как вы думаете?

Правильно. В результате мы получаем личность, потенциально готовую к процессу обезличивания. Этот способ психологической защиты предполагает самые разные варианты действительного воплощения, но не это главное. Главное, естественно, результат: если тебя нет, у тебя ничего не болит. Физически – это самоубийство. Психологически – возможны два варианта: во-первых, аутизм – если тебя нет **здесь**, здешние проблемы тебя не касаются; во-вторых, это мазохизм. Оба этих состояния связаны. О том, как именно, следует рассказать подробнее.

Итак, оказавшись в поле социального или индивидуального кризиса, в первую очередь человек... начинает метаться. Он ищет спасения от аномии с помощью фантазий, идей, специалистов, групп единомышленников... Упывает на личные связи и на то, что, по выражению Жванецкого, «здесь станет будет лучше». Со стороны и действия, и намерения такого «утопающего в цунами перемен» выглядят бесплодными и бесперспективными. Ну чего он бежит, как ненормальный: вчера заявлял, что заграница нам поможет, сегодня пошел и сдал анкету в брачное агентство, а завтра собирается посетить спиритический сеанс? Глупо и бессистемно. Впрочем, в состоянии кризиса мы все делаем примерно то же: как слепые, ощупываем окружившую нас стену, стараемся отыскать выход. Не логическим путем, так по наитию.

Наитие, как правило, приводит всех отказавшихся от логических путей в одно и то же место – в подсознание.

Причем в ту самую область, где «Я» снова возвращается в инфантильное, беспомощное состояние, требующее заботы и охраны **извне**.

В реальном измерении описанный процесс «ломки» выглядит довольно обыденно: родитель выглядит слегка погрузневшим, но бодрым. Он может жаловаться на то, что повседневные заботы не спасают от чувства одиночества, неостребованности, брошенности. Разум говорит: детка уже взрослая, у нее своя жизнь, и пора предоставить бывшую детку ее собственной судьбе – и все равно чувствуешь себя как-то подавленным и даже постаревшим. А в общем, все как всегда. Нет. Далекое не как всегда. Изменения в самоощущении – симптом ослабленного состояния, своеобразного «психологического иммунодефицита». Подавленность делает человека уязвимым. Он ищет утешения и утешителя. И тогда-то в психике включаются защитные системы, основанные именно на мазохизме.

Если читатель отвлечется от возникших в его воображении плетей, цепей, черных кожаных аксессуаров с металлическими заклепками и тугими шнуровками, мы опишем, в чем состоит **социальный** аспект этого психологического состояния. Мазохист, остро чувствуя свою незащищенность, делает закономерный вывод о том, что не владеет ситуацией, а следовательно, ему необходим покровитель. Но, поскольку могущественный покровитель в его подсознании ассоциируется со строгим и властным отцом, мазохист старается найти максимально авторитарного партнера, для которого характерна жесткая или даже жестокая манера обращения с подвластными ему лицами.

Мазохисту кажется, что «Большой Папа», могучий защитник, наделенный безграничной властью, - это оптимальный вариант. Все представляется простым и удобным: вот четкий список норм, вот дезадаптированные, напуганные люди, вот громкоголосый лидер, хорошо владеющий риторикой и мимикой. Если все компоненты смешать, взболтать и настоять как следует – получится стройная, жизнеспособная система. Проблема в том, что **система**, действительно, жизнеспособная. А вот компонентам, наоборот, тяжело придется. Их вынуждают поменять свою природу, а некоторые «частицы» системы вообще лишатся природы в ходе процесса естественного развития ситуации. Что поделаться! Все в мире преходяще, кроме вечных ценностей! Ради них и умереть не жалко!

А ведь жалко, что бы там ни кричал «пламенный трибун». Жалко себя, жалко своей личности, жалко своей жизни. Ради стабилизации внутреннего состояния пришел – и вот, пожалуйста, нарвался на такие требования. Зачем? Что я здесь делаю? Вот как выглядит закономерная реакция взрослого человека, которому есть,

что терять. Иной обладатель твердого ума и «разумного эгоизма» сразу линяет, как только соразмерит объем требуемой самоотдачи с вероятностью успешного исхода судьбоносных начинаний. Но какой-нибудь мазохист-энтузиаст, да еще в приступе аномии, не поглядит на эти мелочи – и готово дело. Жертва сама рвется на алтарь, все орудия пыток и средства мученической кончины с собой принесла, восторгом так и пылает. И если одумается, то с большим опозданием. Подобная реакция свойственна людям инфантильным, эмоционально неустойчивым – и неважно, к какому поколению они принадлежат, к старшему или к младшему. Хотя старшие и младшие приходят к «пламенным трибунам» по разным причинам.

Взрослому человеку, как уже было сказано, требуется полная или частичная реставрация его мировоззренческой системы. Если бы он мог удовлетвориться курсом психотерапии, изданием мемуаров или просто нитьем в курилке в обществе знакомых и незнакомых – вероятно, никаких «сверхценностей» защищать бы не пошел и на баррикады бы не полез. Для него это просто не самый удачный выбор средств для реабилитации и реанимации своих психологических структур. У молодого человека все иначе: никаких структур ему реанимировать не требуется.

Аномия у молодых не является последствиями разрушения того, что было раньше. Это, наоборот, проблемы строительства того, чего раньше не было.

Молодежи не с чем сравнивать, соразмерять, координировать... И терять им, по большому счету, нечего, кроме давно прошедшего детства и еще не пришедшей зрелости. Его могли бы удерживать собственные амбиции, но они пока расплывчатые, неопределенные: так, хочется чего-то... Скорее цветов полевых, чем зарезать кого-нибудь. А впрочем... Ну, не знаю. И вдруг – раз! Появляется харизматичный лидер и указывает дланью: вон, впереди маячат такие глобальные, мировые, эпические задачи! Этот величественный мираж стоит целого века рядовой, благополучной, неприметной жизни, прожитой ради нормального личного успеха, ради своего счастья и счастья своих близких. Подумаешь! Идеологическая фата-моргана совершенно ослепляет сознание, когда не **оно контролирует** эмоции, а эмоции **контролируют его**.

Английский философ Эдмунд Берк писал: «Богу было угодно даровать человечеству энтузиазм, чтобы возместить отсутствие разума». Очевидно, что в молодые годы энтузиазм доминирует – по крайней мере, в процентном отношении. Хочется найти достойное применение своим могучим силам. Так сказать, выбрать задачу по плечу. То есть по уму. В смысле, по энтузиазму. И потому молодежь на этапе вхождения в жизнь нередко увлекается «пророческими идеями» и охотно следует за соответствующим типом лидера. Да к

тому же подобные «призраки глобализма» потекают молодежному негативизму.

Прежде чем окончательно повзрослеть и обрести свое место в обществе, человек сталкивается с большими внутренними и внешними проблемами. И, по старой доброй детской привычке, ищет, на кого бы ему свалить вину за промахи и неудачи. Старшее поколение и государство вообще подходят почти идеально, как безличные, но реальные «виновники» того-сего: безработицы, дороговизны, инфляции, инерционности сознания, бюджетного дефицита... И раньше так бывало, чтобы целое поколение, «осердившись», предъявляло счет обществу. Чтобы их усмирить, общество охотно использует уже упомянутые варианты «оправданий»: и «авторитет «вечно вчерашнего»; и «авторитет внеобыденного личного дара»; и авторитет «в силу «легальности» и деловой «компетентности». В общем, пытается следовать мудрому совету первого президента США Авраама Линкольна: «Если вы держите слона за заднюю ногу, и он вырывается, самое лучшее – отпустить его». Вы ищете протестов? Их есть у меня. Вот вам мнение компетентных экспертов, мнение «хранителей культурного наследия» - все как один ругают современность и хвалят XIX «век золотой, не знавший возмездья»⁷⁷. Ну да, выхода они показать не могут. Потому что сами его не видят. И, раз уж они вас не убедили, пожалте выслушать обладателей «внеобыденного личного дара». То есть «суперского лидера». Совсем нового лидера. Совсем современного. Смотрите, какая харизма!

Короче, общество само отправляет поколение «сердитых молодых людей» в объятия всевозможных «современных пророков», не отвечающих за последствия поднятой ими волны. Конечно, в этом идеологическом цунами тонет немало достойных, но растерявшихся людей – что детей, что родителей. Ведь когда мы «делеглируем» ответственность за свою судьбу кому-то авторитетному и, на первый взгляд, порядочному, – это довольно плохо сказывается на наших личных интересах. Даже если наш «избранник» и в самом деле человек честный и, что всего важнее, адекватный. При всех своих достоинствах он не в силах понять и защитить интересы **каждого** «своего человека». И даже самый талантливый полководец жертвует частью своих солдат, чтобы выиграть битву.

Думаем, оказаться в отряде «беззаветных самураев» - совсем не то, что смотреть кино про самурайскую жизнь. Тем более, если вы – человек невоенный, и время сейчас невоенное, и дела только-только налаживаются. А каково обнаружить среди «самураев» свое

⁷⁷ «Первым посеян был век золотой, не знавший возмездья». Овидий «Метаморфозы», кн. I.

детище? Хорошо, если оно (детище) просто дурака валяет: ходит в маске и рогатом шлеме, машет катаной⁷⁸ и выкрикивает пронзительным голосом нерусские слова! А если это всерьез? Неужели, когда всем этим эпическим затеям придет закономерный и полный... финал, мой ребенок совершит харакири (которое, вообще-то, у японцев называется сеппуку)?

Будем надеяться, что инстинкт самосохранения возьмет свое. И харакири-сеппуку не состоится. Но приходится признать: лидеры иррациональные, напрямую связанные с астралом, узревшие божественный лик и услышавшие внутренний голос, особенно опасны. Они харизматичны до чрезвычайности, поскольку не знают сомнений, не поддаются колебаниям и не видят реалий. Ведь они проповедуют ценности надмирные, неподвластные переменчивой моде. И даже революции-перестройки, затрагивая экономическую и идеологическую среду, на них не влияют (якобы). Увы, но это именно заблуждение. Ничего вечного не существует, а потому весь вопрос в том, какой срок отпущено очередной ценности, претендующей на роль вечной.

Н.А. Бердяев считал, что «русский народ хочет... преклонения и благоговения перед святостью, подобно тому, как он хочет не власти, а отдания себя власти, перенесения на власть всего бремени... коллективное смирение дается ему легче, чем религиозный закал личности»⁷⁹.

Индивидуальное закалывание требует усилий, а «отдание себя» – единовременный акт, который не требует вообще ничего, кроме эмоционального подъема и приступа душевной щедрости.

Хотя среди духовников и пророков с незавидной регулярностью встречаются шарлатаны подобные фельдкурату Отто Кацу, который так прямо и заявлял: «Раньше я получал приказы от начальства, а теперь делаю, что хочу. Я являюсь представителем того, кто не существует, и сам играю роль бога. Не захочу кому-нибудь отпустить грехи и не отпущу, хотя бы меня на коленях просили»⁸⁰. Довериться такому «пастырю-капризнику» – чистый акт мазохизма. К тому же опытным путем доказано: если возложить на духовника ответственность за сделанный выбор, господа бога уполномочить исправлять допущенные ошибки, а собственный разум отправить в бессрочный отпуск - вероятность полного фиаско увеличивается многократно. Играть в рулетку с высшими силами – поистине занятие не для верующего. Это занятие для экстремала. А экстрим должен иметь границы – особенно если речь идет не о

⁷⁸ Катана – самурайский меч.

⁷⁹ Бердяев Н.А. Судьба России.

⁸⁰ Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка.

бестолковых **взрослых**, а о беспомощных и зависимых **детях**, которые служат в этой игре фишками.

Но, несмотря на обилие цитат, иронически описывающих и паству, и пастырей, большинство читателей этой иронии не примет. А ведь мы только советуем: не стоит возлагать на религию весь этот **непомерный** груз надежд и чаяний. Вера не безгранична в своем влиянии, что бы о том ни говорили теологи. Вера не может решать мириады проблем и исправлять мириады грешников **без участия самих грешников**. Почему без участия? Да потому, что многие верующие попросту отрешиваются от собственной жизни, извините за каламбур. Они нанимают бога (а точнее, духовника) в качестве управляющего и в качестве оплаты за ведение своих дел предлагают активное участие в ритуальных действиях. Такое поведение получило название «бытового православия». Его ядро – формальная сделка новообращенного с представителем господина бога: одна сторона, в дальнейшем именуемая «верующий», гарантирует четкое исполнение обрядов; вторая сторона, в лице своего служителя, гарантирует царствие небесное миллиардозвездочного типа с полным пансионом.

За такое вознаграждение работа верующего, скажем прямо, не слишком обременительна. Ну, ежегодно надо соблюдать один великий пост и несколько мелких – отлично, совместим с диетой. Ну, исповедоваться надо – сеанс у психоаналитика, и тот более утомителен. Ну, лексикон придется расширить - словами типа «воцерковление», «искус», «водосвятие». Ну, в поведении елейность появится. При всем при том внешняя атрибуция внутренней сущности не затрагивает. Соблюдение обрядов и украшение речи церковнославянскими выражениями – не что иное, как приметы современной моды на православие. Сходил в церковь, службу отстоял, певчих послушал – вернулся просветленный, умиротворенный, благодостный. Правда, некоторые бизнесмены из казино в аналогичном состоянии приходят. А их жены – от косметолога. А их дети – с тусовки. Как же можно сравнивать хорошего христианина с заядлым игроком, пустой кокеткой и безмозглым тусовщиком? Да запросто. Если религия выполняет роль психологического релаксанта, снимающего напряжение, ее место – в одном ряду с ароматерапией и боулингом. Ведь этот «активный посетитель храма и исполнитель обрядов» как человек вряд ли изменился к лучшему. Бывает и наоборот.

Польский писатель Кароль Ижиковский замечал: «Этика бывает либо активная, творческая – либо пассивная, покаянная, этика нетерпимости к себе и к другим, которая только и может, что копать в так называемых грехах». Нетерпимость – это не обязательно открытая агрессия, физическое насилие, суды инквизиции, ущерб имуществу и здоровью, хотя подобная тактика –

часть религиозных «издержек». Помимо них существует еще и нетерпимость, ставящая стену между людьми – и даже очень близкими. К тому же родственники нередко прибегают к религии как к психологическому оружию. Дает себя знать комплекс власти⁸¹.

Лет десять назад одна из наших знакомых, не выдержав испытания «интересным временем», уехала с семьей в Америку. Преподавала в одном из университетов, писала диссертацию, делала карьеру. Трудности, конечно, были. К тому же пришлось содержать мужа, который приживался с еще большим трудом – работал за гроши и явно не намеревался богатеть в ближайшие лет... сто. Приезжая в Россию, наша знакомая жаловалась на американцев – совершенно в духе Задорнова, на ностальгию – совершенно в духе Набокова, на безденежье – совершенно в духе любого нашего соотечественника, который так никуда и не уезжал. Мы, тем не менее, предполагали, что постепенно ее существование стабилизируется, она станет профессором, муж тоже возьмется за ум, денег станет побольше, а ностальгии, соответственно, поменьше. Примерно так развивался «сюжет» у всех других наших знакомых, выезжавших из СССР, СНГ, РФ...

Потом мы узнали, что история продолжилась совсем по другому сценарию. Возникли неизбежные трудности с адаптацией на новом месте, в контактах с коллегами. В какой-то (надо понимать – довольно нерадостный) момент в жизни наша приятельница нашла утешение в среде таких же, как и она, «непробившихся» соотечественников. Глубоко верующие, погруженные в религиозные обряды, с трудом, но цитирующие богословов и религиозных мыслителей – словом, харизма мелкая, но очень близкая. Нашу знакомую, пребывавшую в состоянии депрессии, затянуло, будто мелкий астероид в черную дыру. Она уволилась из университета, муж стал священником в православной церкви, жена родила ему троих детей и все стали ревностно соблюдать обряды. Бог им в помощь, скажете вы? Все бы хорошо, но родители под влиянием проповедей и подначек со стороны своего окружения сформировали резервацию в составе своей семьи. Этакую мини-диаспору, отрезанную от порочного города Сан-Франциско, в котором они в данное время проживают. Все – от образа питания до образа мышления – подчинено «божественному». Вероятно, начало этому странному решению положило состояние хронической дезадаптации, возникшее в чужой стране с чуждыми традициями. Круг общения резко сузился, контакты стали глубже – и последствия этих контактов, соответственно, тоже углубились и усугубились. Появившиеся в поле зрения доморощенные теософы поспособствовали начинающемуся «семейному аутизму». А может, вольные нравы Сан-Франциско навели нашу знакомую на мысль о спасении души, заодно оказало влияние и геопатологическое излучение, идущее из материкового разлома, на котором стоит этот город... В общем, уход от реальности свершился. Сознание этой семейной пары сорвалось со ступеней и отправилось в дальнее странствие по невиданным морям.

Мы, признаемся, не слишком сочувствовали родителям, ударившимся в клерикализм – это был их собственный (может, и не самый удачный) выбор. Но, видно, взяли верх подспудные желания, стремления, настроения, или, как психологи говорят, аффекты. Пусть теперь живут в состоянии аффекта, пока не надоест. Но их дети, ни в чем не повинные созданыя, благодаря маме и папе потеряли связь с окружающей действительностью. Они не знают английского языка, не ходят в американскую школу, мама дает им домашнее образование. И вдобавок в доме нет ни компьютера, ни телевизора, а вся информация из внешнего мира проходит через мелкоячеистый фильтр родительской цензуры. Изрядно пополнившееся семейство нашей приятельницы пребывает в добровольной религиозной изоляции далеко не первый год. Ее дети растут и скоро придется решать вопрос относительно их будущего. Глубоко верующие родители, покумекав, решили вернуться в Россию – здесь, по их мнению, высшее образование дешевле и детям легче получить диплом и работу. Мысль о том, что подростки «невинные малютки» с их домашним образованием,

⁸¹ Комплекс власти – группа эмоционально насыщенных идей, в центре которых стоит концепция власти. В истоке комплекса – стремление ребенка к власти над родителями.

несамостоятельностью, проблемами общения и здесь придутся не ко двору – так же, как в Сан-Франциско – родители тщательно отмечают. Видно, на бога надеются.

Да, если вы сами оплошали, самое время вручить узды правления боженьке и попросить его разрулить ситуацию. Как удержать себя от превращения в «домашнего Савонаролу» или, не дай боже, в Тартюфа? Способ один – вместо негативной, прокурорской реакции на человеческие слабости – включая свои собственные – заниматься своими делами, а не лезть в чужие с намерением «по-дружески» прочесть проповедь, обратить в истинную веру, устроить христианнейшую жизнь и подготовить соответствующую кончину.

«Гиперопека» в форме религиозного фанатизма – симптом категорического неприятия окружающей реальности, проявление мучительного страха перед проблемами обычной человеческой жизни.

Следующий шаг закономерно ведет в страну аутизма. Подчинение религиозному фанатику, практически вступившему на эту «terra incognita», может стать «спусковым механизмом для обращения в мазохизм». И, конечно же, чревато серьезными жизненными неудачами.

Читатель, надеюсь, уже заметил: в описываемых психологических играх ни вера, ни даже религия практически не участвуют. Они лишь дают повод для срыва в аутизм или мазохизм, а в дальнейшем выступают в роли флера, прячущего психологические проблемы «обращенного» - главным образом, от него самого. И даже в принципе все равно, какой именно конфессии страдающая душа себя вручила. Вопрос в той роли, которую она душа отводит новому «антидепрессанту». Когда разум принимает участие в судьбе своего хозяина вместе с верой – это вполне гармоничный союз. И если вера отсутствует, но разум работает в своей собственной манере – это также вариант не из худших. Но маниакальная вера, не контролируемая разумом, неминуемо заводит личность в тупик. И этот тупик называется... правильно, психологическая зависимость. Для людей слабых, подверженных депрессии, неспособных самостоятельно разрешить свои проблемы, религия выполняет ту самую роль, о которой еще Маркс писал.

Мнение основоположника марксизма, известное всем и каждому в укороченном виде: «Религия – опиум для народа», заканчивается словами: «она облегчает ему его страдания». С этим нельзя не согласиться, как и с высказыванием Наполеона: «Религия – важный предмет в женских школах. Она, как бы на нее ни смотреть, есть надежнейшая гарантия для матерей и мужей. Школа должна научить девушку верить, а не думать». Наполеон, как человек с глубоко патриархальным мышлением, согласно сегодняшним меркам, не слишком корректен в оценке предназначения женщины. И тем не менее, он правильно оценивает

роль религии в сознании многих людей (вне зависимости от половой принадлежности): вера вытесняет мысль, избавляя от необходимости делать выбор и отвечать за принятое решение. И автор «Капитала» тоже верно рассуждает: облегчая страдания, поневоле тянешься к какому-нибудь опиуму. Если человеку тяжело дается работа мысли, он может и к богу обратиться с нехитрым требованием: избавь! А потом всю жизнь беззастенчиво «паразитировать на божественном», по любому поводу прибегая за советом, за утешением, за ободрением... Будь на месте господ бесплатным консультантом, он бы такого клиента своими руками убил, чтобы хоть ненадолго в отпуск уйти. Ну почему бы вседержителю не проучить лентяя, который отказывается пользоваться богоданным органом мышления? Вот и получается, что на бога надейся, а роздых ему дай!

В результате обращения к «небесному лидеру» - или к его «особо харизматичному» земному представителю - и у старших, и у младших складываются одинаково ложные представления насчет того, как обстоят дела в окружающем мире. Хотя разные возрастные категории и ведут себя по-разному. Старшие напрочь перестают воспринимать окружающих. Если к ним обращаются за советом или за поддержкой, произносят краткие наставления или длинные проповеди, «подставляя» реальную ситуацию в некую формулу, максимально приближенную к событиям и притчам, почерпнутым из религиозной литературы. Даже взрослым собеседникам «обращенных душ» приходится нелегко: апеллировать к разуму человека, растворившегося в проповедях и притчах, бесполезно. Остается только ждать, пока эта личность не очнется, пока этот мозг не начнет снова принимать информацию, пока эти реакции не станут индивидуальными. А до того времени приходится общаться с цитатником, с путеводителем по священным книгам.

Особенно в этом положении страдают дети. Родитель, обнаруживший, что в мире есть нечто поважнее собственных отпрысков, может еще долгое время демонстрировать «формальную теплоту и благодать» - например, по поводу и без повода произносить фразы о любви и всепрощении, говорить о душе, взывать к добродетели и пр. Но по сути своей он уже «не с нами» - и даже не со своими детьми. Его дела зачастую свидетельствуют об этом - вопреки его же словам. В частности, среди «сильно уверовавших» встречаются разные формы «выпадения из социальной сферы»: отказ от доходной работы, пренебрежение прежними занятиями, потеря интереса к близким, равнодушие к жизненно важным проблемам... Все это производит тягостное впечатление на всех, кто привык к заботе и вниманию со стороны «безвозвратно выпавших из жизни».

Кстати, родителям, чьи дети впадают в религиозность, так же тяжело: младшее поколение, с его подверженностью романтическим порывам, может натворить глупостей, прикрываясь теми же цитатами из религиозной литературы, благо в одной кладези информации сыщется оправдание и объяснение любому поступку, вплоть до детоубийства. Что поделать, история человечества богата жестокими и возвышенными деяниями. Причем их бывает трудно отличить друг от друга. А коли умелый демагог способен запутать даже поднаторевшего в дискуссиях циника-интеллектуала, то что ему наивный романтик, отчаянно ищущий смысл жизни? И в результате неокрепший ум молодого человека наполняется странными образами и идеями, не столько принадлежащими исповедуемой религии, сколько тому самому демагогу. Мало ли что очередной «гуру» вытащит из своего подсознания, дабы вложить в голову ученика? Да мало ли во что преобразуется указанное «приобретение», пройдя через фильтр чужого мировосприятия? Потому и говорится, что благими намерениями вымощена дороги в ад. Звучит печально, но похоже на правду. Но, что бы кто ни говорил, средство от демагогов есть.

Прежде чем искать смысл жизни, надо вступить в эту самую жизнь и попытаться ее рассмотреть, чтобы получить собственное видение мира.

Накопив достаточно информации, необходимо ее структурировать: анализ и синтез данных доступны даже для компьютера, отчего бы человеку пасовать перед этой задачей? Хотя многие пугаются и начинают искать «волшебного помощника» на небесах, не понимая примитивной подоплеки такого, казалось бы, возвышенного духовного поиска. А, растерявшись окончательно, выстраивают стену между собой и реальностью, как будто натиск окружающей среды можно остановить посредством высокой ограды и запертой двери с надписью «Не стучать, не звонить, не беспокоить, приемных дней нет».

Предположим, у людей, «убежавших» от реалий в мифологию, попросту **не получается** осмыслить действительность – по разным причинам: аналитический метод, подходящий для новой обстановки, еще не выработан; их мыслительные способности ограничены жесткими идеологическими рамками; им не хватает исходных данных; они напуганы до потери мыслительных способностей и проч. Но рациональная обработка данных – не единственный способ, присущий человеку. Существует еще и эмоциональная обработка. Нельзя сказать, что всякая информация пригодна для такого анализа. Хотя за неимением лучшего все используют то, что имеют. И пытаются информацию если не понять, то **прочувствовать**. Эмоциональная сфера, как мы уже говорили, - кладезь непредсказуемых последствий и побочных эффектов. И

споры, которые зарождаются и вырастают на этой почве – самые опасные. Не зря английский историк Томас Карлейль говорил: «При каждом споре, в тот момент, когда мы начинаем сердиться, мы перестаем бороться за истину и вступаем в спор уже за самих себя». Как же это происходит «в семейной обстановке»? О чем – главные споры родителей и детей?

Не дразните спящую мамашу

Эмоциональное переживание становится особенно ярким и продолжительным, когда происходит в группе единомышленников. Заметьте – **единомышленников**, а не **родственников**. Родные, как известно, принадлежат к разным возрастным категориям, а значит, имеют взгляды, отличные от молодежных. Следовательно, то, что поддается **обсуждению** в виде интеллектуальной беседы, остается в сфере «общих интересов». А то, что требует **сопереживания** и эмоциональных затрат – сфера «узкоспециализированная». На ней лежит серьезное бремя ответственности за настроение, за драйв, за чувство полноты жизни. Это довольно хрупкие чувства, в атмосфере занудства они чахнут и гибнут безвозвратно. Как говорил английский экономист и философ Джон Стюарт Милль: «Спроси себя, счастлив ли ты, и ты перестанешь быть счастлив». Поэтому у увлеченных натур отсутствует какое бы то ни было желание «перетирать и пережевывать» столь же важные, сколь и нестойкие ощущения с людьми, которые попросту **не догоняют**, - речь может идти о «предках» или о «потомках», не суть важно. И старшие, и младшие одинаково не любят, когда их пристрастия обсуждают и критикуют «далекие от темы» люди. Ведь невежда непобедим в споре.

Родственники, как правило, бесконечно излагают свое мнение, не обращая внимания на ваше. Поэтому все предпочитают радоваться жизни не с родственниками, а с единомышленниками.

Ради получения мощного эмоционального допинга молодежи свойственно «сбиваться в стаи». Или в стайки – так, на три-пять персон. Устойчивые компании занимают практически все свободное время молодого человека. Зачастую это угнетает родителей: кто-то из «закадычных друзей» недостаточно хорош – он научит нашего ребенка плохому; кто-то – хорош, и даже чересчур, он станет подавлять нашего недотепу и пользоваться его слабым характером... И далее в том же духе. Людям старшего возраста бывает непонятно, чем они «там» занимаются: анекдоты травят, языками чешут, слушают какую-то глупую музыку – в общем, заняты совершенно тем же, чем в свое время занимались и мама с папой, но забыли. И сейчас выговаривают своему подростку по поводу потомству насчет «дурацкого ничегонеделанья». Вопрос не в мнимой «некондиционности» друзей-приятелей и не в

бессмысленной трате времени – дело в обыкновенной родительской ревности.

Родителям свойственно возмущаться «отрывом» ребенка от семьи, их пугает его уход в самостоятельную жизнь. И, вне зависимости от реального положения дел, они сетуют на «неверно выбранные» авторитеты, приоритеты и ориентиры: какие-то дурные на всю голову друзья-приятели для него/нее авторитет, а мама и папа, которые жизнь повидали во всех видах – они, видите ли, отстой! Чем сильнее папа-мама давят на психику своего ребенка, тем жестче его отпор. Бывает, что отказ от родительских советов выражается в форме резкой и даже опасной для родительской самооценки. Никакого смирения, никакой терпимости не хватит, чтобы перенести подобное, не проявляя протеста. И тем более **не ощущая** протеста. Итак, в момент «перехода» подросткового ребенка из «семейной субкультуры» в «субкультуру приятельскую» в душе родителя практически всегда возникает неприязненное чувство. Начинается борьба за лидерство между родителями и, если так можно выразиться, с внешними кандидатами. Эта борьба может принимать острую или затяжную форму, а ее участники начинают втягивать в сферу конфликта все новых и новых союзников, создавать фракции с другими родственниками и знакомыми, передвигать «войска» по всем фронтам, забрасывать разведчиков в тыл противника, спасать своих радистов и прятать явки. Зачем все это нужно, спрашиваете вы?

Борьба за то, чтобы оставаться авторитетом и лидером для собственных детей, есть отражение целого комплекса целей и намерений. Здесь присутствуют и попытки уберечь молодую поросль от роковых ошибок или дурного влияния; и средства подтверждения высокой ценности собственного жизненного опыта; и примитивная разрядка агрессивного импульса или целого ряда агрессивных импульсов. Видимо, есть и другие составляющие. При всем разнообразии средств и намерений, общая цель заключается в «переделе собственности». В том, чтобы «перетянуть» ребенка на сторону родителей, «отвоевать» его по возможности у окружающего мира, «отнять» у авторитетов, пришедших «со стороны». А в роли «собственности» выступает ребенок. Откуда берется это собственническое отношение родителя к ребенку?

Родительская забота отчасти базируется на чувстве ответственности, а точнее, на инстинктивном стремлении обеспечить своему потомству безопасность – по крайней мере, до определенного возраста. С другой стороны, пока ребенок находится в состоянии «подмастерья»⁸², его поведение предсказуемо, а

⁸² Комплекс подмастерья – период в жизни ребенка, когда он хочет во всем быть, как отец, идентифицирует себя с отцом. Он действует как ученик, либо как подмастерье,

родительское слово для него – закон. Проблемы начинаются, когда подросток начинает осваивать мир, учится общаться, пытается оценивать ситуацию и самостоятельно принимать решения. И сразу же «травмоопасность» возрастает, причем возрастает многократно, отчего родительское «Я», естественно, не знает покоя.

Американский писатель Марио Пьюзо верно заметил: «Матери как полицейские – всегда предчувствуют самое худшее».

Паническое состояние усугубляется фактором, о котором здесь уже упоминалось, а именно дезадаптацией старшего поколения в окружающей действительности. Кроме социального и биологического факторов, каждый из которых ведет «борьбу за власть» в сознании человека, современная отечественная история подарила нам еще один «дестабилизатор» – современный отечественный кризис. Мы не только не уверены в своем **будущем**, мы к тому же, срастаясь с **настоящим**, несколько подрастеряли свои прежние приоритеты и уже не знаем, верить ли нам в приоритеты предлагаемые - или подождать, пока те пройдут естественный исторический отбор. Если эти проблемы овладевают сознанием, мы испытываем состояние паники и депрессии.

Бывает так, что длительный внешний прессинг провоцирует формирование и развитие навязчивых мыслей и страхов. И даже доходит до компульсивно-обсессивной стадии – раньше она называлась маниакально-депрессивной. Человеческое сознание в подобном состоянии ведет себя, будто на американских горках: вверх-вниз, вверх-вниз. При этом мы не отвечаем даже за себя, и тем более – за наших детей. Как быть? Самое разумное – выбрать определенную линию поведения и постараться ее придерживаться.

Пока ландшафт, если так можно выразиться, прячется в тумане – дорога удержит вас от ошибок; ну, а когда все вокруг прояснится, тогда свою дорогу от ошибок удержите вы.

И для начала можно использовать **историческую** тактику, чтобы с ее помощью избежать **исторических** проблем. Вы ведь понимаете, что история – не мертворожденное потомство учебников и монографий. Она разворачивается у нас на глазах и сохраняется в нашем опыте – в том самом, который со временем абсолютно исчезает под наслоением мифов и стереотипов. Попробуем «откопать» то, что нам потребуется.

Проблема человека (и одна из важнейших) состоит в том, что он нередко **складирует** ценную информацию в самых дальних уголках памяти, вместо того, чтобы хранить ее под рукой и **применять** по мере надобности. Мы даже не знаем, чем владеем. И вот вам пример: кто из нас в свое время не выслушал целую сагу о

непререкаемом авторитете старшего поколения? Кому мамуля не напевала «в стиле блюз»: «Ах, какие семейные ценности водились в наше время! Ах, как уважали мы родителей и слушались беспрекословно!» Думаем, хоть раз в жизни нечто подобное слышал каждый. И какой же вывод из этих «родственных саг» мы сделали? Смеем предположить, что практически никакого. Или самый общий, вроде: «Почитай отца и мать». Хотя при определенном старании из таких разговоров можно извлечь больше информации. Чем мы сейчас и займемся.

Начнем анализ с наших ощущений: вероятно, все мы воспринимали указанные «эпические вариации на тему послушания» не без удивления, а также с некоторой долей неприязни. И тем не менее, сознание фиксировало этот прием как действенный: так, значит, старшие могут добиться повиновения от младших, взывая к авторитету еще более старших. И скоро, кажется, **мы** станем исполнять **своим** детям караоке на тему: «Ах, какое обожание и преклонение внушали нам наши папы и мамы!» - если только дебют уже не состоялся. Но, если быть до конца откровенными, наши папы и мамы ничего **такого** нам не внушали. А вот кто действительно **внушал**, так это наши дедушки и бабушки. Действительно, поколение, условно говоря, дедушек и бабушек – то есть мужчин и женщин, чья молодость пришлась на сороковые-пятидесятые годы прошлого века (господи, какая седая был!), - это поколение выживавших и выживших. Им довелось пройти вовсе не через форменный, а через самый настоящий ад, где человеку отказывают не только в еде и крове, но и в жизни как таковой – и пожаловаться некому. Разве что, как говорила Золушкина мачеха в исполнении Фаины Раневской, «жаловаться королю, жаловаться на короля».

Разумеется, в подобных условиях всем было не до капризов, не до мелочей вроде «полноты самореализации каждой конкретной личности» или «индивидуального подхода к концепции воспитания».

Когда подчистую исчезает необходимое, многие важные вещи превращаются в излишние.

И потому поколение дедушек-бабушек старалось раздобыть для семьи необходимое, не тратя сил на глупые сантименты и мелочные придирки. Тем более, что большинство добытчиков, по не зависящим от них обстоятельствам, либо отсутствовало вовсе, либо находилось в неработоспособном состоянии. Мужчин выморили война и репрессии. Немногие уцелевшие мужчины и их женщины приняли на себя ответственность за выживание нации и восстановление страны.

Судите сами: разве в те годы, в тогдашних условиях российские «патриахи и матриархи» могли от души предаваться

семейным интригам, азартно участвуя в грызне домочадцев и самозабвенно распуская сплетни? Скорее всего, нет. Когда заканчивалась дневная каторга, организм – нет, не сознание, не личность, а именно организм – нетерпеливо требовал отдыха. Биологическая программа тоже помогала выжить. Только бы заползти на кровать и заснуть до того, как голова коснется подушки! Подумайте, с каким пофигизмом воспринимается все «несущественное», если мозг и тело настойчиво требуют «забыться и заснуть». При таких «перегрузках» простое выполнение повседневных дел - задача поистине титаническая. Бабушки и дедушки в массе своей справлялись: они прожили большую часть жизни в состоянии глубокого стресса, ухитряясь вдвойне, втройне, если не вдесятеро выше ценить каждую секунду отдыха, каждое мгновение счастья. Видимо, с этим «вынужденным гедонизмом» было связано их нежелание копаться в мелочах, ловить рыбку в мутной воде, искать черную кошку в темной комнате, где нет никаких кошек. Притом очевидно: те, кто полжизни провел в нечеловеческих условиях, подсознательно готовили собственных детей к аналогичной участи. Главной задачей было научить младшее поколение, поколение наших мам и пап – нет, не послушанию, а **выживанию**.

Это, кстати, вещи диаметрально противоположные. Ребенок, обученный послушанию, легко становится жертвой агрессии или мошенничества. Он не сумеет возразить тому, кто старше, удрать от того, кто сильнее, и подраться с тем, кто нападает. Его главная тактика – конформизм. То есть подход, основное содержание которого составляет так называемое «хорошее поведение». Хорошее, вежливое, неагрессивное, альтруистическое – и абсолютно нежизнеспособное. К тому же послушный ребенок менее самостоятелен и свободен в выборе по сравнению с менее благонаправленным, менее приятным старшему поколению, но гораздо более жизнеспособным «мальчишом-плохишом».

Ребенок, обученный выживанию, умеет «фильтровать» информацию и вдобавок умеет говорить «нет». И шанса не упустит, и кровного не отдаст, и противнику не уступит. Да, он несимпатичен и даже может быть опасен. И вдобавок, подталкиваемый инстинктом самосохранения, он регулярно прибегает к манипуляции. Эту поведенческую стратегию можно назвать довольно действенной, но у нее множество «побочных эффектов», опасных для психики и для сферы общения. Но ведь «непослушное дитя» и воспитывалось для такой обстановки, в которой не приходится надеяться на изобилие, удобство и благополучие. А потому в сознании «нехорошего мальчика/девочки» непременно присутствует хорошо развитый практицизм. Поэтому, если для выживания окажется необходимо хорошее знание этикета, «юный хулиган» выучит и этикет, и основы

дипломатии, и искусство интриги. Ему помогут жадность, упрямство, практицизм и – что греха таить – известная беспринципность в выборе средств. Согласитесь: в кризисной обстановке у «плохиша» больше шансов на успех. Хотя этот факт и вызывает негативную реакцию у людей, высоко ценящих альтруизм в сочетании с хорошими манерами и твердыми принципами.

Заверяем своих читателей, что не имеем ничего против принципов, манер и благородных побуждений как таковых. Но, так же, как у истоков самого благородного рода непременно стоит удачливый разбойник (или несколько поколений удачливых разбойников), у истока самых альтруистических стремлений неизбежно отыщутся эгоизм - даже нарциссизм - и личные амбиции. Своего рода глина, из которой, после соответствующей обработки, можно построить здание или вылепить скульптуру – и те переживут века. Хотя в необработанном виде это нечто и выглядит как грязь, и, собственно, является грязью.

Превратить «сырье» во что-нибудь полезное, достойное того, чтобы сохраниться в памяти людской, способно управляемое поведение.

В психологии возможность регулировать свои потребности и направлять свои ресурсы на достижение цели называется «произвольностью». Именно произвольность делает человека целеустремленным. А если уровень произвольности в характере очень низкий? Что тогда? Тогда – истерия, а то и нарциссические неврозы – депрессия, шизофрения, паранойя.

Бывает и так, что человек сам уверенно «идет на конфликт». Причем без каких бы то ни было объективных причин. Неизбежность конфликтов осознают все, а вот о **потребности** в конфликте представление имеют немногие. И тем более о психологической зависимости от конфликтов. Широкой публике мало известен такой психологический термин, как гневоголизм - в отличие от другого распространенного явления, тоже служащего причиной конфликтов, – трудоголизма. Притом, что гневоголиков – людей, снимающих напряжение с помощью скандалов и регулярно «разряжающихся» в кругу родных и близких – в наше время очень много. Почему-то принято считать гневоголиков совершенно нормальными людьми – вспыльчивыми, но отходчивыми. Хотя их «вспыльчивость» отражается на окружающих практически так же скверно, как и любая другая психологическая зависимость. Пусть финансовую сторону жизни эта патология не разрушает, зато куда сильнее страдает эмоциональная сторона взаимоотношений. Есть и другие формы девиантного поведения, при котором из глубин подсознания «всплывают» комплексы, ослабляющие контроль сознания над личностью. Человек становится «спонтанным», чересчур непосредственным, инфантильным и неуправляемым. И в

наши опасность «распоясаться» все возрастает – из-за повышения уровня тревожности в человеческой психике.

Произвольность как умение ставить рамки и пределы свои эмоциям и желаниям – плод своего рода «психологической тренировки». А произвольность, спонтанность и прочий «беспредел» проявлений эмоциональной сферы – это, в свою очередь, «растренированность» психики. Или неверная ориентированность. Как, например, у многих представителей поколения шестидесятых. Здесь, очевидно, у многих читателей возникнет вопрос: что, нарциссические невроты у целого поколения? Как это вообще возможно? Конечно, не у поколения, а у **многих представителей**. Массовое распространение эмоциональной «растренированности» в 1960-е годы было плодом соответствующего восприятия «чувственных порывов». Рационализм и утилитаризм, «державшие» в жестких рамках сознание военного поколения, младшему поколению казались форменными кандалами – этаким остаточным явлением тоталитаризма, вспоминаем о его насквозь проржавевших цепях и узах.

И, перепутав свободу с волей, чувства вырвались на волю. После чего в сознании шестидесятников начались самые безответственные вакханалии и дионисии - что, впрочем, одно и то же. Происходил своеобразный «откат» от полюса тоталитаризма к полюсу волюнтаризма – явление, многократно наблюдавшееся в разные моменты истории: массовое сознание словно бы прорывает плотину и ведет себя по образу и подобию стихии. Чтобы представить результат, достаточно вспомнить кадры наводнения в Новом Орлеане: много мусора, жертв и проблем. Примерно того же эффекта «половодье чувств» добилось в менталитете.

К тому же эмоциональные оргии, столь высоко ценившиеся в субкультуре этого периода, в повседневной жизни выглядели, мягко говоря, неоднозначно. Истерические реакции, почти несвойственные поведению наших бабушек и дедушек, надо признаться, немало поработали над нашими папами и мамами. И многих изменили не в лучшую сторону. Они становились капризными, злопамятными, мелочными и часто прибегали к шантажу и манипуляции. Равнодушное отношение к детям время от времени сменялось повышенным вниманием, когда родители ни с того, ни с сего принимались за «промывку и прополку мозгов» отпрыска: где шляешься, с кем общаешься, не так стоишь, не так сидишь, не так уши держишь. И чем более формальными оказывались «воспитательные акты», тем более подробными были расспросы и тем более бестолковыми - принятые меры. Родители точно пытались «оживить» сферу взаимоотношений в семье с

помощью «эмоциональных вливаний». Но, как правило, безрезультатно.

Как же случилось это «перерождение» родительской тактики? А его и не было. Тактика оставалась прежней. Просто ее **рамки** настолько расширились, что изменили весь воспитательный эффект.

Категорический запрет, наложенный на разрушительные действия, свойственные инфантильному поведению, дает совершенно иной результат, нежели попытка контролировать всю личность путем категорических запретов.

Благодаря такому подходу развивается комплекс силы⁸³ у родителей – и, как противодействие, комплекс власти у детей. Или комплекс неполноценности, об обладателях которого основатель «индивидуальной психологии» А. Адлер писал: «существует... тип людей, которым человечество и все его проблемы кажутся чужими и далекими. Слишком много занимаясь собой и стремясь к личной власти, но находясь все же в зависимости от людей, они считают их личными врагами, желающими им только худого... Поэтому для нас нет ничего удивительного в том, что многие из этих людей испытывают растущее чувство неполноценности». Так формируется четкая закономерность: авторитарное поведение родителей вызывает протестное поведение детей, но ориентация на авторитарность закрепляется и проявляет себя позднее, когда выросшим детям приходится воспитывать собственных отпрысков. Страшноватая эстафета комплекса неполноценности. Как, спрашивается, такое могло произойти? Да еще на массовом уровне?

Когда выживание в самом примитивном, почти биологическом виде перестало быть основной задачей, возникли – а точнее, вышли из тени – новые механизмы психологической разрядки⁸⁴. И, конечно же, новые сферы интересов и новые формы общения. Но и устаревшие шаблоны поведения, укоренившиеся в сознании – а главное, в подсознании, – никто за ненадобностью «не выкорчевал». Вот почему у поколения 60-х, когда-то беспрекословно выполнявших родительские наказания, сохранилось соответствующее представление об «азах воспитательной науки». И они всерьез рассчитывали на готовность **своих** детей – то есть нашего поколения – уважать и слушаться без возражений. Причем в любой сфере, которой папа с мамой вознамерились руководить лично – будь то учеба, карьера, дружба или любовь. Но, как выяснилось, многие папы и мамы, обуреваемые жадой тотального контроля, изрядно просчитались.

⁸³ Комплекс силы – совокупность идей о превосходстве «Я» с внутренними, субъективными мотивами и мыслями, над любыми влияниями со стороны.

⁸⁴ Механизмы психологической разрядки – типические шаблоны поведения, позволяющие периодически снижать уровень тревоги. Поведение носит, как правило, эмоциональный характер и нацелено на снятие напряжения.

Выполнять указы и указы, когда кругом война и земля горит под ногами, гораздо проще, чем, как писал М. Жванецкий, «в еще более трудное мирное время. В мирное время возникают самые разные искушения и соблазны, главный из которых – индивидуация. При улучшении условий существования человек **всегда** усложняет личностные формы мышления и поведения – это исторический факт. То же произошло и в описанном случае. Для самореализации молодым понадобилась свобода. Родителей требование свободы растревожило. И они, под влиянием тревожного состояния, припомнили свое базовое представление о расстановке сил – то есть психологических ролей - в семейных отношениях. А оно, как вы помните, недалеко ушло от «военного образца», гласившего: «хозяин в доме» по сути своей не что иное, как деспот. Тем более, что в первой половине прошлого века смысловое наполнение этого понятия звучало как «полководец и спасатель, единолично вершащий судьбы, координирующий ход событий и отвечающий за результат»; зато во второй половине столетия многих устроило другое наполнение – «капризный истерик-манипулятор, уповающий на любовь родственную, в богатстве и в бедности, покуда смерть не разлучит нас». Его-то старшее поколение, чаще всего, и демонстрировало. Без какого бы то ни было успеха.

Те, кто родился и вырос в «предперестроечное» время, уже не видели практического смысла в тотальном контроле и категорических запретах со стороны старших. Но за наше подсознание ручаться сложно: вполне вероятно, что авторитарную манеру обращения с младшим поколением оно где-нибудь в уголку памяти «заныкало». И бережет для особо болезненного выяснения отношений, чтобы выплеснуть «мамочкину вариацию в стиле бабуля-блюз» на самом пике конфликта. И не корысти ради, а токмо волею пославшей мя потребности в психологической разрядке. А там хоть трава не расти. И потому мы, авторы этой книги, советуем вам, нашим читателям, прервать эстафету комплексов.

Постарайтесь обращаться с вашими детьми соответственно реальной ситуации, а не воображаемому образцу.

И ни в коем случае не настраивайте ребенка на беспрекословное послушание – это чревато появлением в семье нытика, неудачника, вечной жертвы. Но как отличить ситуацию, в которой надо запрещать, от той, в которой запрещать не надо? В детстве, по крайней мере, можно было ориентироваться на физическую опасность: не суй маме фен в ванну, не лезь в работающий миксер, не дразни злую соба-а-а-а!!! Ку. А теперь, когда оно выросло и само понимает, кого дразнить и куда лезть?

«Поворотись-ка, сынку. Экий ты смешной стал!»

Если бы мы сумели, объединив представления обоих поколений, создать «среднее психологическое», оно, вероятно, более соответствовало бы реальности, чем категоричные выводы, содержащиеся в обоих «слагаемых». Это обычная реакция на кризис идей. Начнем с той самой конфликтной ситуации, которая заставляет детей и родителей по-разному смотреть на одни и те же действия «противоположной стороны»: родители считают свои методы своевременными и разумными, а поведение детей разрушительным; дети – наоборот. Младшие, как правило, защищают свое право на самостоятельный выбор, а старшие тревожатся за «прямой и побочный эффект» от этого выбора. Поэтому родители требуют подчинения, дети – свободы.

Где находится та грань, за которую старшим заходить не стоит – хотя бы ради сохранения авторитета и хороших отношений с младшими? Этой гранью должна стать **цель** воспитания. Там, где благо **ребенка** оказывается несущественно, а цель заменяется благом **родителя** – там следует задержаться и проанализировать свои намерения и потребности. И не впадать в пафосно-ритуальное восприятие себя как Родителя Самоотверженного и Безупречного.

Припомните, не доводилось ли вам наблюдать, как некоторые родители не на жизнь, а на смерть боролись за свой имидж? И весьма своеобразным методом. Например, с помощью истерических или агрессивных выбросов, направленных на достижение «статусного благоговения», «суперуважительного отношения». И притом не желая понять простую вещь: в силу исторических, а также ментальных перемен, семье уже не нужен ни патриарх, ни матриарх, ни фюрер вообще. Нужен партнер, равноправный и правомочный.

Главная задача человека, достигшего «среднего родительского возраста» (скажем, от тридцати пяти и выше), состоит именно в том, чтобы осознать: «эпические (или, если хотите, примитивно-героические) времена» прошли, и прошли безвозвратно. Выживание в форме добывания пищи, крова, тепла уже не носит повального характера. В нем, конечно, бывает нужда – в отдельные моменты, в отдельных регионах. В экстремальных условиях. А в целом по стране берет свое обычный... посттравматический синдром. Его еще называют кризисом. То есть до сих пор страна поэтапно переживала катаклизм, инкубационный период, переломный период, ремиссию, а теперь наступил этот синдром. С которым тоже надо учиться жить.

Это, надо признать, проблема не из легких: на посттравматической стадии и у индивида, и у социума обостряются все хвори, раньше прятанные, потому что всем было не до них. Бесконечная череда мелких изматывающих недомоганий изрядно мешает жить. Реальность преподносит одно за другим путаные,

неприятные «уравнения», ответ на каждое из которых приходится искать самому. Вот почему люди неустанно ищут «релаксанты» - подходящие способы «забыться и заснуть», отрешившись от действительности, назойливой и вредной, будто самая нелюбимая училка. Отсюда и распространенное увлечение мистицизмом. Кто-то прибегает к помощи православия, другие следуют путями йоги, фэн-шуй или вовсе какого-нибудь зороастризма.

Но дело не в выборе вероучения и не в мистицизме как таковом. Другой формой (или просто другой сферой) ухода от докучливого окружающего мира становится создание воображаемого образцово-показательного «Я».

Созерцание «облагороженного себя» повышает самооценку, а подтверждение сходства внутреннего идеала с реальной личностью – тем более.

В сочетании с социальной дезадаптацией погружение в мир фантазии может стать верным симптомом упомянутой выше серьезной патологии - аутизма. И тогда уж, конечно, ни о каком разумном руководстве речи нет: ни над поведением своих детей, ни над собственной личностью «человек дождя» не властен. Словом, не увлекайтесь «релаксантами», повышающими вашу самооценку путем отрыва от грешной земли. Полеты духа не должны вредить адекватному мышлению. Полетайте и возвращайтесь. Особенно если вас ждут родные и близкие.

Между тем есть у мистицизма еще одна сторона: любое явление можно идеализировать, а можно инфернализировать. Или, если хотите, демонизировать. И тогда самые рядовые события и самые обычные люди покажутся выходцами из преисподней. Навязчивые страхи, регулярно посещающие родителей – главным образом матерей – нередко берут начало в подобных «видениях». Отсюда также рождается боязнь, что «дитя-ангелочек», как только спустится с небес в большой мир, так сразу же наберется там плохого. Скорее всего, подобные страхи связаны с неверием в жизнеспособность «позитивных ценностей» в реальном мире. У обеспокоенного родителя возникает стойкое ощущение, что нельзя оставаться «положительным и чистым», соприкасаясь с «этим безумным миром». А значит, сохранить свои лучшие черты можно, лишь пребывая на цепи.

И вдобавок «хранитель ангельской чистоты» своего подросткового дитяти чаще всего не верит в собственные силы. Будь его самооценка достаточно высока, симптомы аутизма не посещали бы его психику. Неудивительно, что в этом состоянии родитель оказывается неспособен внедрить «высшие ценности» в сознание своего ребенка. Вполне вероятно, не хватит убежденности в голосе. Ведь наставник и сам думает: словеса все это. Трепотня про непомерное благородство души и святую девственность помыслов.

Да кого, спрашивается, подобное сочетание добродетелей до смерти не угробит? А для долгой и счастливой жизни совсем другое надо. «Но это, но это, но это секрет для ребят!», как в песенке из фильма «Король-олень» поется. Ну кто захочет хранить верность «норме и догме», когда они - всего-навсего реквизит, бутафория, гипс под мрамор и марля под шелк? Не столь уж редкое явление, если говорить откровенно.

Присмотревшись, понимаешь, что «бутафорская мораль» сама себя компрометирует: ребенок еще не знает вкус «плохого», но уже мечтает его «познать и упиться». Ведь «плохое», по крайней мере, является оппозицией тошнотворно-приторному «хорошему», которое (не без фальшивых интонаций) без устали проповедуют мамочка-папочка.

«Проповедники» нередко выступают в роли «провокаторов».

Хороший эффект от нравоучительных бесед с подрастающим поколением! Во-первых, разочарование в целесообразности «положительных свойств натуры» как таковых; во-вторых, катастрофическое падение авторитета «многомудрых наставников»; в-третьих, неплодотворная ориентация характера⁸⁵. В таком состоянии молодой человек готов «ломать себя» под обстоятельства и подделываться под окружение – вплоть до состояния автоматического конформизма. Этот путь кажется ему куда более простым и удобным, нежели реализация собственного потенциала.

Очередной проблемой может стать явление «психологического роста», называемое акцентуацией⁸⁶. Психика выделяет определенное свойство натуры, и личность, словно весы, склоняется в сторону его «заострения». Например, акцентуации подвергается нарциссический компонент - и молодой человек становится болезненно самолюбивым. Или самовлюбленным.

Неблагоприятные изменения в психике зачастую берут начало в детском возрасте, когда сознание наиболее пластично. Но и подростки тяжело переживают психотравмы и разочарования. Притом, что ничего нет ужасного в прямом признании родителя: дитя мое, я не всемогущ и многого не понимаю. И тебе придется самому разобраться, как устроен этот мир. Потому что это и **твой** мир. Сделай это усилие – оно того стоит. К тому же ты не орден, чтобы вечно на мне висеть. Ты самостоятельная личность. Подобные высказывания дают неприятный эффект, если в доме имеет место быть культ мамы или папы. Реакция ребенка может

⁸⁵ Неплодотворная ориентация характера – состояние, описанное Э. Фроммом. Оно представляет собой целостную психологическую структуру. В ней проявляются условия жизни, которые оказали больше влияния на развитие индивида, чем его собственные волевые и эмоциональные особенности.

⁸⁶ Акцентуация - количественное выражение определенной черты характера – например, жгучая ревность или болезненное самолюбие.

напоминать поведение толпы фанатиков, крушащих старые храмы: «Мне отмщение, и аз воздам!» В общем, незачем возлагать на себя тогу непогрешимости и изображать из себя супермена.

Разочарованный ребенок не простит Бэтмена, пролетевшего, как фанера над Парижем. Пока сам не станет родителем. А может, не простит никогда.

Нам довелось видеть семью, в которой мама считалась чрезвычайно умной женщиной. Хотя основными ее достоинствами были напор, категоричность и очень, очень громкий голос. К тому же страстно любила давать советы и делала это самозабвенно. У нее имелось собственное мнение на любую тему, несмотря на отсутствие образования и жизненного опыта. В беседе на «знающую даму» не действовало ничто – ни жесткие возражения, ни попытки сменить тему, ни прямые просьбы прекратить этот разговор. Ей было, в сущности, неважно, с кем она беседует и кому указывает – оппоненту или единомышленнику. Подобная манера общения действовала наподобие фильтра: только самые стойкие и малоподвижные знакомцы не растворялись бесследно через весьма краткое время. То был яркий пример того, как акцентуация приводит к нарциссизму.

Обстановка в доме была такова, что нарциссизм хозяйки расцветал все пышнее, словно в оранжерее: муж был еще глупее жены, единственная дочь выросла послушным, замкнутым ребенком. И когда папа твердил родной дочери: «Если будешь хотя бы на 60 % такой же умной, как наша мама, то непременно будешь счастлива!» - дочка не возражала. Девочке, очевидно, предстояло прожить жизнь «по образу и подобию» мамы: рано выйти замуж, раствориться в семье и, не обращая внимания на окружающие реалии, из года в год петь хвалу маме и повторять ее последние изречения своему мужу и своим детям. От «счастливой» участи ее спасло глубоко спрятанное неверие в родительский авторитет, подтвержденный внезапным разводом родителей. В полагающиеся «кризисные лета» муж завел молодую любовницу, которой не восхищался ни капельки. Видимо, устал за четверть века. Обманутая супруга развила бурную деятельность, целиком состоящую из истерических проявлений. Ни одного продуманного хода. В результате родители все-таки развелись, и дочка поняла: дело обстоит именно так, как она и подозревала. Расхваленные мамой семейные ценности – всего лишь хлипкая бутафория. Но не стоит расстраиваться по этому поводу. Жизнь слишком коротка, чтобы переживать из-за крушения культа мамы.

Мамины советы и идеалы по большей части основывались на «матрифокальном патриархате» и заключались в том, что жена должна вести себя по отношению к мужу как «серый кардинал» и вторая мамочка: обихаживать и руководить, разделять и властвовать. Дочери, как выяснилось, они и раньше казались неубедительными, а нынешние семейные сложности довершили «кризис идей»: мамини сентенции не выдержали проверки временем. И тогда дочь решила: «Мы пойдем другим путем» - и пошла. Она всерьез занялась своими делами, много работала, жила собственными интересами и постепенно отдалялась от родных. В «оргиях самолюбования», которые по-прежнему устраивала ее мама, дочь больше не участвовала. И вообще ее поведение с тех пор нельзя было назвать ни почтительным, ни даже уважительным. Дочери теперь кажутся неприятными и добродушно-туповатый папаша, и визгливо-самовлюбленная мамаша. Она их стыдится и старается свести общение к минимуму.

С годами родственные связи практически прервались, причем наша знакомая никогда больше не пыталась наладить отношения с родителями. Эмоции, вмешиваясь в семейные дела, бывают очень мощными. Рациональная обработка информации отказывает, человек поддается нахлынувшему возмущению, отвращению, отчуждению... Не стоит обманывать детей. Если они «накроют» обманщика, отмазаться будет, ох, как трудно.

Тем не менее, не стоит сердиться на мамулю, заводящую свою шарманку насчет «мы себе такого не позволяли». Лучше попробуем разобраться: что нам дает все сказанное выше?

«Тронь меня, и я убью тебя, мама»

История о прекрасном юноше Нарциссе известна всем – скорее как печальная, нежели как нравоучительная. Жалко становится милovidного молодого человека, погибшего от неразделенной любви – нет, не к себе, как может показаться, а к собственному недоступному облику, отраженному в водах источника. Но в действительности дело обстоит совсем иначе, нежели в мифах: любовь к себе – ограниченная пределами разумна, естественно, – не топит нас, а, наоборот, спасает. Ведь нарциссический компонент личности обеспечивает уверенность в себе, подтверждает правомочность претензий на успех и, следовательно, помогает осуществить задуманное. Нарциссический компонент поддерживает наши амбиции, одобряет наши взгляды, противостоит внешнему давлению. Казалось бы, чего проще? Расти в своей душе эту самую клумбу с нарциссами и люби себя в каждой строке своей биографии! Проблема заключается в том, что гипертрофированные нарциссические черты сознания больше мешают, чем помогают добиться желаемого. И все – из-за твердокаменного, железобетонного, разрушительного упрямства нашего внутреннего Нарцисса.

Всем хорошим стратегам рано или поздно приходится отступать, идти на компромисс, соглашаться с иной точкой зрения. Человек вынужден постоянно балансировать между внутренними потребностями и внешним воздействием. Равновесие дает залог полноценного существования личности. Перекос в одну из сторон повышает опасность внутреннего и внешнего конфликта. Затем все наши негативные переживания сливаются в целое море агрессии – живое, опасное море, бурлящее неуправляемой биологической энергией. Если вам доводилось наблюдать поток, протекавший под Манхэттеном в фильме «Охотники за привидениями-2», представьте себе нечто в этом роде. Иной раз наше сознание не в силах «изжить» отрицательные эмоции и залечить полученные раны. На психике остается шрам, то есть... психологическая травма. Психотравмы, в свою очередь, оказывают на человека опасное, длительное, регрессивное⁸⁷ воздействие. Не затрагивая тяжелую, патологическую реакцию, которая требует специального лечения, рассмотрим тип реактивного поведения, которое незатейливо зовется «капризами». Капризничать, как известно, могут не только дети, но и взрослые. Хотя... разве это взрослые? Их сознание под

⁸⁷ «Регрессией» в психоанализе называется возвращение на более раннюю ступень развития – например, с пубертатной на инфантильную, или со зрелой – на юношескую. Подобное явление зачастую бывает вызвано фрустрацией (провалом, вынужденным отказом) – особым состоянием, которое возникает при столкновении сознания с непреодолимым препятствием. З. Фрейд писал: «Обычными последствиями фрустрации является переход личности на более низкий уровень функционирования, так называемая фрустрационная регрессия».

тяжкой ношей дискомфорта возвращается в пору детства, и они опять становятся детьми.

И вот, взрослые, опытные люди входят в состояние, которое Э. Берн называет «Ребенок». «Каждый когда-то был ребенком и навсегда сохранил в душе детские формы реагирования», то есть мышление, подчиненное первичному психическому процессу⁸⁸: господство «принципа удовольствия», требующего немедленного реагирования, «здесь и теперь удовлетворения» возникшей инстинктивной потребности; мыслительные операции, склонные к аффекту и нечувствительные к противоречию. И упрямство, несокрушимое детское упрямство! Но, как ни странно, некоторым закоренелым любителям состояния «Ребенка» кажется, что они с блеском исполняют роль... правильно, «Родителя». Несмотря на то, что поведение «Ребенка» по большей части деструктивно, разрушительно, а поведение «Родителя», наоборот, конструктивно – разве мало отцов и матерей видят главное свое предназначение в запретительной, подавляющей деятельности? И потому, не замечая всей инфантильности своих реакций, они становятся с детьми на один уровень и спорят до хрипоты по принципу «Кто кого перекричит?» или бегают жаловаться маме (дедушке) – опять-таки по детсадовскому принципу «Кто первым пожаловался, тот и прав!»

Так возникает нарциссический конфликт «Ребенка» с «Ребенком». Он, как правило, не может разрешиться конструктивно без мощного внешнего вмешательства. Кто-то, имеющий большой авторитет для обеих сторон, вынужден выступить в роли «ходячей амнистии» и аннулировать дело за отсутствием состава преступления. Без такого «судьи» выяснение отношений не погаснет.

Нарциссический конфликт развивается бескомпромиссно: «Либо ты, либо я».

Его закон не позволяет ни одному из «борцов» покинуть «ринг». Это не драка «до первой крови», это смертельное противостояние – естественно, пока кто-нибудь из «джедаев» не опустит меч и не вспомнит, что он-то, собственно, давно не ребенок, пора бы перейти от «Звездных войн» к планомерной политике сотрудничества. А если ничего подобного не случится, то «эти дети» будут давить друг на друга, пока не распределятся психологические роли: один из участников примет пассивную, другой - активную тактику. Пассивная форма – ожидание, пока противник сам, в силу естественных причин, не откажется от дальнейшей борьбы; активная форма предполагает действенное поведение: манипуляции, ультиматумы, интриги.

⁸⁸ Первичный психический процесс – обозначение законов, которым подчиняются процессы, происходящие в бессознательном.

«Ребенок»), выступающий в родительской роли, нередко втягивает своих детей в нарциссический конфликт или в нарциссическую конкуренцию, которая, в сущности, представляет собой еще более опасную форму все того же конфликта.

Мама нашей знакомой – как раз типичный «Ребенок», упорно добивающийся признания истинно «детскими» методами. Сама она выросла в крошечном городке и переехала в столицу после раннего замужества. Будучи женщиной амбициозной и даже тщеславной, она предполагала, что со временем, как в песне поется, «все мечты пройдут передо мною маршем». И, как в той же песне, неустанно повторяла (да и сейчас повторяет): «Если бы не обстоятельства, я могла бы поднимать полки в атаку». Но факт есть факт: Москву она так и не покорила. Ни одна из ее амбиций в жизнь не воплотилась: ни выдающейся карьеры, ни высокооплачиваемой работы, ни престижных знакомств. Постепенно неудовлетворенное честолюбие трансформировалось в потребность «опосредованной самодемонстрации». Не слишком удачливая мама захотела «похвастаться потомством» перед окружающими. Видения «регалий и наград», которых непременно добьется ее дочь, тщеславную маму прямо-таки преследовали. Призы и грамоты стали бы неопровержимым свидетельством прекрасно исполненной родительской роли. К своим амбициям мама относилась именно с позиций «Ребенка»: господство «принципа удовольствия»; подчинение аффекту; нечувствительность к противоречию; психологическая манипуляция как средство достичь цели. Все это мамино «душевное богатство» обрушилось, естественно, на ее дочь.

Дочь обладала недостаточно демонстративной натурой для решения маминых проблем. Но нарциссический компонент в ее личности оказался не слабее маминого. Всякие призы и регалии девочку не интересовали. В школе она училась плохо, но не по глупости, а от скуки – не всякая школа может похвастаться хорошим или хотя бы сносным уровнем преподавания. В институт поступила поздно. И опять-таки зачеткой похвалиться не могла. Ее амбиции, собственно, и не касались «успехов в учебе». К тому же «первые ученики» далеко не всегда (а вернее, крайне редко) достигают успеха во «взрослой деятельности». А вот «непослушная дочь» и «слабая ученица» постепенно добралась до желаемых высот, наметила новые и пошла дальше, упорная до самозабвения. Думаете, мама наконец-то воспарила на крыльях успеха и всюду превозносила своего ребенка? Ничуть. Дело в том, что за время дочкиной «неуспеваемости» мама выбрала тактику «страдалицы» и много лет успешно играла в психологическую игру «Если бы не ты»⁸⁹: таким образом она защищалась от потаенного страха перед свободой и самостоятельностью, перед неудачами и поражениями. Одна из явных защитных стратегий – проекция своих намерений, импульсов, аффектов на личность дочери – также присутствовала в мамином поведении. Она полюбила жаловаться на дочь родным и знакомым, повторяя, что она, мама, в свое время была отличницей, почти медалисткой, умницей и если не красавицей, то как минимум сексапилькой. Да и сейчас ее ум и привлекательность недюжинны. А вот дочка подкачала: видать, никогда ничего не добьется, никогда не получит ни образования, ни работы... И вдруг все рухнуло. Предсказания не сбылись, маска страдающей матери потеряла актуальность.

Мамины школьные и личные успехи больше не выглядели «конкурентоспособными», а психологические игры «Если бы не ты» и развлечения по сценарию «В нынешние времена» и «Ну не ужасно ли?», построенные на упреках дочери вообще и современной молодежи в частности, отошли в прошлое. Понадобилась новая стратегия для поддержания нарциссической конкуренции – и мама ее нашла. Теперь, беседуя с дочерью, она делает вид, что не замечает ее успехов. Если дочь рассказывает о чем-то с торжеством победителя, мама переводит разговор на

⁸⁹ «Если бы не ты» - суть этой психологической игры состоит в обвинении кого-либо в том, что основные проблемы «игрока» вызваны его поведением. Функционально эта игра является аналогом психологической защиты – набора шаблонов мышления, спасающих «игрока» от понижения самооценки.

другие темы. Или отмалчивается. Она бы охотно иронизировала или читала нотации на тему «Не говори «гоп!» пока не перепрыгнешь», но эти приемы уже использовала... ее дочь. В этом конфликте она не остается в долгу, вечно посмеиваясь над мамиными «рассказнями» и последовательно выказывая пренебрежение к маминому образу жизни и образу мыслей. Усвоив от матери тактику демонстративного неверия в силы и способности «психологического конкурента», дочь построила на ней всю систему общения с родительницей. В поведении дочери чувствуется и застарелая обида, и отчуждение, и так называемая «агрессия обороны» – пусковой механизм подлинной агрессивности: «тронь меня, и я убью тебя». Вероятно, поэтому мама старается «не перегибать палку», оставаясь на уровне «политичной неприязни». И, поскольку обе женщины в этом конфликте ведут себя деструктивно, и ни одна не собирается выходить из состояния «Ребенка», соперничество, очевидно, окончится только с физическим исчезновением одного из участников.

Как видите, нарциссизм должен быть «дозированным», «подконтрольным», иначе рано или поздно человек станет перед неразрешимым конфликтом с окружающими. И самый тяжелый конфликт возникает на почве разногласия с близкими. Делить участников таких конфликтов на правых и виноватых – занятие бесперспективное. Не принимая чью-либо сторону, все же хотим заметить: родители, по крайней мере родители вчерашнего подростка, обладают не только большим жизненным опытом, но и большей полнотой власти, нежели их ребенок, у которого, в принципе, ничего нет, кроме молодости. А значит, и ответственность родителя перед ребенком больше, чем ответственность ребенка перед родителем.

Одним из главных проявлений этой ответственности может стать... своевременный отказ от руководства. Отставка по всей форме. Уход с поста главнокомандующего. Конечно, жалко – в цвете-то лет! Но приходится. Мы уже писали о том, что избавить своего ребенка от негативного опыта и усыпать его путь розами и лилиями никакой родитель неспособен. Включая Аристотеля Онассиса и Леонида Ильича Брежнева. Чрезмерный контроль только пуще уродовал жизнь и личность взрослых детей, чьи родители упорно не замечали свершившегося факта: этим, с позволения сказать, детям давно пора думать своей головой, а их родителям – жить своей жизнью. А виной всему самый банальный садомазохистский комплекс.

Вообще, в нашей стране этот комплекс распространен чрезвычайно широко – причем в сферах, далеких от сексуальности, как США от коммунизма. Причина такой популярности таится в первую очередь в том, что партнерские отношения, строго говоря, в нашей части света – явление довольно новое и пока еще не опробованное. Не то, что старый добрый дуэт «хозяин и раб». На этой привычной почве легко завязать отношения – как личные, так и деловые: главное, выбрать, кто будет начальник и кто – дурак. А вот равные отношения, на первый взгляд, предполагают что-то вроде многолетней ходьбы по канату: вечно сохраняя равновесие, продумывая каждый шаг, гляди вперед, но и о том, что было, не

забывай... Другое дело садомазохизм: один из нас «дожмет» другого, сядет сверху – и заживет! Ну, и тому, кто снизу, тоже что-нибудь перепадет. В частности, рыпаться никуда не надо: «сами предложат и сами все дадут», как говорил Воланд Маргарите. Врал, конечно. Но красиво врал, вдохновенно. Россиянам этот вариант нравится: полную инструкцию получила? процедуру омолаживания прошла? на воды слетала? на рауте погуляла? Получай обратно своего мужика и новую жилплощадь с видом на чудный садик! И, натурально, отдыхай! Дивная сказка.

Проблема, легко решенная сказкой, в реальности оборачивается триллером: а вдруг предложат то, чего совсем не хочется? Или предложат то, что надо, но того, что предложили, не дадут, а вместо этого подсунут гадость какую-нибудь? Или... Негативных вариантов множество. Поэтому даже послушный «раб» пытается направить действия хозяина. Что довольно трудно делать, если на тебе сидят. Хотя в подобной ситуации можно притвориться, будто ты «конь лихой» и несешь седока в одном тебе известном направлении. Поэтому неудивителен тот факт, что мазохист управляет садистом не в меньшей степени, чем садист повелевает мазохистом. Если оба участника «игры» согласны со своими ролями – полная гармония, можно считать, достигнута. А если нет?

Тогда, разумеется, в ход идет насилие. И в первую очередь насилие психологическое. Оно успешно срабатывает при дефиците воли и сопротивления с одной стороны и при полной убежденности в собственной правоте – с другой. На сей счет в «Даодэцзин» сказано: «Малоподвижное – легко удержать в руках. Еще не проявившееся – легко направить. Хрупкое – легко разбить. Мелкое – легко рассеять. Действовать надо там, где ничего еще нет». Если речь идет о прополке посевов или об искоренении порока – Конфуций, безусловно, прав. Но если этот метод применить к **индивидуальности**, которая только-только начинает формироваться, в роли «пороков и сорняков» как раз выступят личностные особенности. Их иногда удается подавить, но никогда – вытравить целиком. Они все равно «вылезут» – только уже в новом виде и качестве.

Насилие, словно генная мутация, опасно своими последствиями: чем дальше, тем уродливее становится «заболевший».

Его личности не избежать долгой, мучительной ремиссии, она пройдет через странные и страшные формы перерождения – и даже самый прозорливый психоаналитик не скажет, чем это кончится. Так стоит ли ради собственного удобства так изгаляться над близким человеком?

Глава 6. Введение в отчуждение

Чтобы изменить человека, нужно начинать с его бабушки. Виктор Гюго.

«Я тебя породил, я тебя и убью»

Итак, превращать свое изрядно выросшее дитяtko в законченного мазохиста, по большому счету, нежелательно. Вряд ли вы сможете оберегать его от всех жизненных невзгод на протяжении целой жизни – причем **его** жизни, а не **вашей**. Рано или поздно придется предоставить ребенка его собственной судьбе. Честно говоря, предоставлять кого-либо его собственной судьбе надо не рано и не поздно – лучше уж сделать это вовремя. И пусть у раба при гуманном, просвещенном хозяине имеются определенные удобства – в частности, его до окончания дней будут защищать, кормить и опекать – он все-таки не способен на самостоятельный выбор и сам за себя постоять тоже не в силах. Вот и вашему ребенку необходима определенная дееспособность. Так что своевременно дайте ему вольную. Пусть учится сам себя защищать и содержать. А вы учитесь вовремя перерезать пуповину между собой и выросшими детьми.

Если пуповина еще не перерезана, то пора приступить. И заодно имеет смысл сделать эту операцию по возможности безболезненной.

Родителям необходимо отпускать выросших детей «на свободу» – тем более, что это, в некотором роде, свобода и для самих родителей.

Среднестатистический срок зависимости ребенка от матери у homo sapiens составляет 15 лет, хотя в цивилизованном обществе этого срока явно недостаточно: слишком велик объем информации, который ребенку необходимо усвоить перед выходом в «отдельную жизнь». Заповеди матушки природы, речь о которых заходила неоднократно, мы и здесь нарушаем как можем. И все-таки определенные дозы самостоятельности ребенок должен получать еще в детстве и юности – чтобы научиться делать выбор. И у диких животных, кстати, подобная тактика в ходу: пусть он ушибется или уколется, зато больше не полезет, куда не надо. Но человек, обладая воображением, всегда представляет себе нечто ужасное. Его дитяtko, уж конечно, не просто ушибется, а разобьется насмерть, упав с табуретки. И не уколется, а прочно сядет на иглу, если его отпустить на вечеринку и не проследить, чтобы в 21.00 он был дома – сразу после показа заставки передачи «Время». Отсюда вполне понятные родительские страхи, разрушающие, по большому счету, личность ребенка.

Конечно, сама по себе фраза «Заботливость родителей разрушает личность ребенка» звучит как-то неправильно. Мы

привыкли воспринимать материнство как священную миссию, в которой нет места греховным помыслам и эгоистическим стремлениям. Идеологические структуры упорно поддерживают в умах публики это заблуждение, вернее, двойной стандарт: настоящие мамы и папы могут быть и небрежны, и неграмотны в деле воспитания детей, но в целом родительское звание свято, функция деторождения свята, а каждая мама с ребенком на руках – прямо-таки альтер эго Девы Марии. Но, оставив за кадром идеализированные образы материнства, посмотрим в лицо реальности. Ошибки в деле воспитания ребенка – совершенно рядовое и, по большому счету, неизбежное явление. Идеальных воспитателей и идеальных родителей не бывает даже в сказках. Иначе никто не посылал бы маленьких девочек через темный лес, кишаций хищниками, вооружив корзинкой с пирожками и головным убором сигнального цвета. Но самые серьезные проблемы возникают там, где родители пускают на самотек свои комплексы и фобии, не нашедшие компенсации в других сферах. И чрезмерная заботливость, причина гиперопеки, как ни странно, вырастает из... жажды власти.

Жажда власти может принимать самые разные формы. Один из самых доступных способов «взять власть» – родить себе «подчиненное лицо», стать патриархом, матриархом и вообще родоначальником. Но так ли много на свете людей, представляющих меру ответственности перед подобными «подчиненными», полностью зависимыми от родителей? И действительно, немного. В основном родители, чтобы не тратить лишних усилий на осмысленный выбор методики воспитания, стараются с самого начала оградить детей от **любых** опасностей. Но что поделать: освоение окружающего мира неразрывно связано именно с преодолением трудностей и попаданием в опасные ситуации. Пока ребенок мал, родители по сто раз в час оттаскивают его от окон, электроприборов, кранов, столиков с углами и тяжелыми вазами. Подрастая, чадо начинает экспериментировать с небезопасными предметами уже «вне дома». Родители нервничают, а те, кто регулярно смотрит передачи про криминогенную среду, нервничают сильнее остальных. И всем без исключения хочется держать свое любимое, но неуклонно подрастающее дитя под контролем: в любой момент знать где оно и с кем, во сколько вернется, что будет есть, пить, носить... Родители, которым удается обуздать эти, откровенно говоря, неправомочные претензии, как правило, достигают с ребенком консенсуса. Точнее, компромисса: дети о чем-то родителям говорят, о чем-то умалчивают, какие-то проблемы ребенок решает сам, с какими-то справляется при участии и поддержке близких. Так постепенно формируется и расширяется сфера независимого выбора, необходимая каждому человеку для

полноценного существования в этом, может, и не лучшем, но единственно доступном мире.

Между тем у многих родителей гиперопека, неизбежная в первые годы жизни ребенка, формирует стойкую инерцию.

Намерение все знать о своем отпрыске перерастает в потребность все знать, в определенного рода психологическую зависимость от этой информации.

Такие родители фактически живут жизнью своих детей. Если подобная осведомленность и не вызывает протеста у «мамсика», то на его жизни и психике она все равно отразится не лучшим образом. И не только в интимной сфере.

Это была типичная папина дочка – очаровательная девочка, образованная, перспективная, не без способностей, любимая родителями и друзьями, алкоголичка со стажем. Ее папа – хирург, человек крутой профессии и крутого нрава – сам устроил жизнь дочери так, что алкоголизм, наркомания и сексоголизм⁹⁰ стали для Лели главной «отдушиной». Папа, самолично и планомерно доводящий дочь до последней черты, явственно страдал комплексом Гризельды⁹¹ - его поведение можно было описывать в хрестоматии по психологии. Вернее, по психиатрии. Ему категорически не нравились Лелины кавалеры – поголовно, без исключения. Их основным пороком было именно желание ухаживать за его дочерью. Он не симпатизировал ни одной из Лелиных подруг – боялся, что любая может научить дочку «плохому». Лучшее, что Леля могла делать в этой жизни – сидеть дома и готовить уроки. Или заниматься самосовершенствованием. Если бы представилась такая возможность, папа запер бы дочку дома, домашние задания отправлял бы по электронной почте, а всю необходимую литературу из библиотеки носил бы сам. Каждая Лелина отлучка вызвала у него приступ ревности: куда это она? Зачем? Ну вот еще! Зачем это надо! Он не просто «хотел все знать» про знакомства дочери и про ее времяпрепровождение, он пытался контролировать Лелю даже тогда, когда отпускал ее «пообщаться». Хотя именно вне дома дочь была недоступнее всего. Эта кратковременная иллюзия свободы Лелю и сгубила.

В самом конце школьных лет чудесных, когда Леля была еще очень милой, способной девочкой, ничего не было заметно: ну, бдит папуля! Да все так бдят. Но со временем «перебравший» папа все ужесточал и ужесточал дозволенные рамки поведения, все сильнее и сильнее давил дочери на психику, все ограничивал и ограничивал «дозволенные связи с внешним миром». И наконец добился того, что Леля каждое «увольнение в город» воспринимала, будто солдат срочной службы: едва вырвавшись из «семейной казармы», она старалась напиться и набезобразничать так, чтобы до следующей «увольнительной» хватило. Будь Леля тихой, покорной, мягкосердечной особой, она бы смирилась и приняла родительский диктат. И, вероятно, осталась бы старой девой, находящей удовлетворение в работе и маленьких пищевых «оргиях». Или в чтении любовных романов. Но Леле достался такой же неукротимый «норов», что и у папы-хирурга. Она была не в силах жить так, как ее заставляли. Мама за нее не заступилась, а других родственников, способных найти управу на разбушевавшегося Лелиного папашу, просто не существовало. Так что улизнуть из родного дома под крыло каким-нибудь жалостливым тетушкам-дядюшкам Леля не могла. Замуж ее никто не звал. Денег, достаточных, чтобы прокормить себя и снять квартиру, она не зарабатывала. Кто-то в такой ситуации предпочел бы уехать в

⁹⁰ Сексоголизм – зависимость от секса, выражается в стремительной смене партнеров.

⁹¹ Комплекс Гризельды – инцестуозное влечение отца к дочери, названное в честь кроткой героини «Декамерона» Боккаччо. Проявляется в упорном нежелании уступить иному мужчине право на обладание «объектом влечения». Отец особенно ревниво следит за поведением дочери, ограничивает ее контакты и упорно препятствует ее выходу замуж. В отношении дочери как бы «оживает» дремлющий комплекс Эдипа – влечение к матери. Теперь дочь замещает мать.

другой город. Ага, бросив столицу, друзей и любимый институт – как вы себе представляете, кем надо быть, чтобы совершить такое? Героем, и притом доведенным до полного отчаяния. Леля не была героиней. И потому она лишь начала «отрываться по полной» – не щадя себя и своих друзей, с ужасом наблюдавших за ее «самоволками». А Лелин папа получил возможное оправдание для дальнейшего усиления контроля: вы поглядите, что она творит! И это я еще за ней присматриваю! А что будет, если предоставить ее самой себе?

В этот раз недреманный папаша позвонил подруге дочери, просто чтобы проверить: Леля тут? Никуда не делась? В принципе, некоторые «в меру пугливые» родители тоже так звонят, проверяют: как мое чадо? Добралось без приключений? Это нормально, если чадо куда-то **поехало** – на метро, на такси и уж тем более на электричке. Святое дело – развеять тревогу своевременным звонком на мобильник. Любящие дети – особенно дети женского пола – нередко сами звонят мамам и папам, сообщают: ку-ку, я на месте, жива, весела, свежа, доехала в комфорте. Но Леля-то никуда не ехала. Она **шла** в соседний дом. Через двор. За ее передвижением можно было наблюдать из окна, что папа наверняка и сделал. А еще через часок позвонил в тот самый дом той самой подруге. Кроме Лели, к ней пришла еще одна приятельница. Все втроем намеревались выпить чаю с тортом. В четыре часа пополудни. Подозрительно, не правда ли?

Папе было чему порадоваться: его невероятные подозрения сбылись – целиком и полностью. Остолбенелые подружки пытались реанимировать Лелю, пьяную до положения риз. Дело в том, что чай с тортом папиной дочке изначально показался пресным. Поэтому она захватила с собой литровую бутылку коньяка из домашнего бара, переполненного аналогичными бутылками. По старой советской привычке, пациенты таскали Лелиному отцу-хирургу – и неплохому, в общем, хирургу – именно коньяки. Но хирурги, как известно, вообще люди «малопьющие» – твердость руки и ясность ума с обильным «питием» несовместимы. Так что Лелин отец поступал как все – передавал эти подношения всем родным и знакомым, выставлял бутылки на стол по праздникам, заполнял вместительный «шкапчик»... А из «шкапчика» несчитанные бутылки брала Леля и носила всем своим друзьям. И немало, конечно, выпивала сама. Все уже знали: вот сейчас Лелька заявится с коньяком, с ходу без закуски выжрет пару стаканов и на карачках поползет в сортир. Данные подружки просто не виделись с Лелей давно, со школы. И не знали, насколько она прогрессировала в своей пристрастии.

Итак, пока подружки суетились, не зная, что и подумать, вдохновившийся папа Бэтменом метнулся через двор и уже звонил в дверь. Ему открыла хозяйка, пока вторая гостя держала Лелину голову, свисающую с дивана. Леля спала мертвым сном, дыша перегаром. Папа набрал воздуха в грудь и прогремел: «Что вы с ней сделали?!» Подружки, конечно же, ничего вразумительного сказать не могли, только пожимали плечами и повторяли, что Леля пришла, выпила – и вот... Торжествующий папа повторил свой вопрос раз пять, но ничего нового не услышал. И на лице его проступила досада – аудитория явно была не та: какие-то две совершенно трезвые соплячки, ни единого мужика в доме, на столе, действительно, сладости и чашки. И даже в холодильнике – жалкая, да к тому же не откупоренная бутылка шампанского. Не развернешься! В мужской компании отцовский гнев намного выигрышнее: можно подозревать всех и вся не только в «алкогольной диверсии», но и в сексуальных домогательствах, грозить судебным разбирательством и трясти дочь с воплем: «Что они с тобой сделали!!!» – но уже без вопросительных интонаций в голосе. Впрочем, подобные сцены всегда заканчивались одинаково: поорав, заботливый папаша уносил свою невменяемую дочурку, а на пороге бросал через плечо: «Если что не так, извините!» Обычно этого хватало. Правда, упомянутые подружки почему-то заявили Леле, что общение могут продолжить только после основательных извинений со стороны папы-комплексатика, а также изменений в поведении самой Лели. Но Леля так и не решилась потребовать от папы, чтобы тот повел себя, как приличный и **нормальный** человек – как в отношении обиженных подруг, так и в отношении собственной дочери. Пришлось расстаться с бывшими одноклассницами и для восстановления достоинства продолжать пить и гулять напропалую.

Неизвестно, насколько еще деградирует Леля. Может быть, однажды она очнется после очередной вечеринки и посмотрит на себя глазами нарколога: да, я не помню, с кем пила и с кем спала, но мне опять надо выпить, чтобы забыть, как тошно будет просыпаться. Я алкоголик. А потом порвет с семьей и вступит во взрослую жизнь без всякой поддержки, будто и не было у нее состоятельных родителей, удобной комнаты, приличного гардероба, уверенности в завтрашнем дне и полного бара «релаксантов». А может, оставит все как есть. И тогда, вероятно, шансов у Лели нет. Ведь папа до самой смерти – во всяком случае, до глубокой старости – будет придерживаться той же манеры поведения: моя дочь – хочу, с кашей съем!

В любом случае, участь папенькиной дочки или маменькиного сынка, несмотря на иллюзорную безопасность, висит на волоске.

Физически эти дети, может быть, и защищены – но **психологически** они подвергаются таким нагрузкам, что самая естественная реакция – нервный срыв. Папа с комплексом Гризельды или мама с комплексом Федры⁹² превращают родное гнездо в ад. И, вырвавшись из этой домашней геенны, «вольнотпущенник на час» непременно пытается «взять от жизни все», только не с помощью «Пепси», как советует реклама. Неудивительно, что каждый «выход в свет» превращается в дикий кутеж, в вакханалию – то ли для дальнейших воспоминаний о бурно прожитой молодости, то ли для отсутствия вообще каких бы то ни было воспоминаний об этом периоде своей жизни.

А поскольку сознание старательно маскирует от обладателя комплекса сексуальную подоплеку столь чрезмерной привязанности, у родителя возникает стремление к тотальному контролю: уж заботиться, так по полной программе! «Присмотру» подвергаются не только сексуальные отношения ребенка, который давно уже не ребенок, но и его приятельские, и его деловые связи. Родитель ворчит на друзей: сами, небось, всю делают карьеру, бабки зашибают, девок меняют, а моего за дурачка держат! Им на тебя плевать, они тебя нарочно спаивают, чтоб посмеяться! А ты, дурак/дура! И одновременно «любящий родитель» пристально следит за карьерным ростом своего «объекта» – но не из желания помочь, а опять-таки из ревности: нет ли здесь какого **особого** интереса, не станет ли он/она трудоголиком? Тогда его/ее дома вовек не увидишь. И как только заметит, что работа может вырвать «любимое чадо» из «семейной паутины», сразу же начинает действовать. Так, родители-комплексатики охотно притворяются больными и требуют постоянного ухода. На детей, которые действительно любят маму/папу, шантаж и симуляция действуют безотказно.

⁹² Комплекс Федры – сексуальное влечение матери к своему сыну, чрезмерная эмоциональная привязанность. Названо по имени Федры, жены афинского царя Тесея, влюбившейся в своего пасынка Ипполита. Мать стремится контролировать поведение сына, препятствует его отношениям с женщинами, вступлению в брак.

Родственные манипуляции часто приводят к результатам, диаметрально противоположным тому, о чем мечтает манипулятор.

Выросшие дети – и особенно дети, обладающие твердым характером и настроенные на успех, - предпочитают заботливому родителю недружелюбный, но такой привлекательный окружающий мир. И уходят, не оглянувшись. Даже угроза жестокого конфликта или вообще полного разрыва с родителем их не пугает. Или пугает, но не останавливает. К тому же дети, подвергавшиеся сильному «родственному прессингу», сохраняют на годы – вернее, на десятилетия – неприятные воспоминания о мамах и папах, «тиранах-обожателях». Иной «беглец из семейного гнезда» по ночам с криком просыпается, если увидит все тот же кошмарный сон: он снова юн, полон сил и планов, и снова родители душат его своей любовью.

Раздельное питание «по-родительски»

Есть ли смысл цепляться за уходящее в самостоятельную жизнь чадо? По-видимому, нет. Того малыша, которого можно было опекать и наставлять «с полным правом», уже не вернуть. А есть только этот молодой человек и его проблемы (зачастую вам совершенно непонятные) – и он, похоже, вот-вот уйдет. Уйдет совсем. Ему уже не интересно ваше мнение по многим вопросам, у него, видите ли, дела, он торопится, он хочет спать, ему надо поговорить по телефону, мама, закрой дверь. Некоторых родителей подобное обращение так уязвляет, что они не в силах удержаться от репрессий. И карательные меры выбирают соответственно... традиции. То есть по образу и подобию, заложенному в них бабушками и дедушками.

Одна из самых популярных «карательных мер» - угроза голодной смерти. В наше время умереть голодной смертью трудно, хотя старики еще помнят, насколько близко призрак дистрофии подходил к ним самим и к их детям – в военное и послевоенное время. Видимо, из этих страшных воспоминаний и родился главный психологический прием «демонстрации конфликта и объявления войны» – раздельное питание. Нет, популярная диета здесь абсолютно ни при чем. Вторичное деление пищи на белковую, углеводную и нейтральную происходит уже после того, как она проходит первичное деление – на «родительскую» и «сыновнюю/дочернюю». Наши полки в холодильнике – две верхние, твои – две нижние. Нижний ярус для бутылок – твои справа, наши слева. Посидишь не жравши - через неделю на брюхе приползешь!

Подобная мера, как правило, назначается не подумавши, от раздражения. И, конечно же, приносит больше вреда, чем пользы – любящим родителям, во всяком случае. Мы не имеем в виду ситуацию, когда «разделение питания» преследует именно

«экономические» цели: сократить расходы на еду за счет перевода отпрыска «на голодный паек». При таких взаимоотношениях существует лишь один выход – разойтись, как в море корабли. Фактически «психологическая пуповина» давно прервана: главный признак этого разрыва налицо – абсолютно спокойное отношение родителей к проблемам ребенка, и в первую очередь – к его образу жизни, к его здоровью, к его физическому состоянию. Что ж, хорошо это или плохо – в каждом конкретном случае надо решать отдельно. Но оставаться вместе этим уже совершенно посторонним людям, в принципе, незачем.

В диаметрально противоположной ситуации родителей беспокоит каждый звук из комнаты ребенка, каждое позднее возвращение отпрыска, каждая кислая мина, которую он демонстрирует семье, выходя из своей комнаты. Они, согласно их уверениям, всегда и во всем готовы помочь своему отпрыску – и заодно проконтролировать его. Всегда и во всем. А все оттого, что не в силах смириться с «быстротекущим временем», уводящим «деточку» во взрослую жизнь. Откуда вообще берется эта жестокая зависимость родителя от его потомка? Психологи считают, что каждому «любимому ребенку» выпадает примерно полтора года – с 6 месяцев до 2 лет – состояния, «самого благополучного в жизни в смысле психического и физического здоровья и развития, годы самого лучшего эмоционального состояния, настроения». В психологии они получили название «период первичного всемогущества» или «первичного слияния». В это время мать настолько хорошо понимает и чувствует потребности своего младенца, что он воспринимает ее тело как продолжение своего собственного. Вероятно, подсознательное воспоминание об этом «неодиноком» состоянии души и тела заставляет многих родителей привязывать себя к детям «гордиевым узлом»: пусть они станут продолжением души и тела тех, кто давно миновал период первичного всемогущества и ощутил всю полноту оставленности, отчужденности и беспомощности.

Дети входят в жизнь родителей и как спасение от одиночества, и как средство покинуть «остров, со всех сторон окруженный смертью» – так эквадорский писатель Хуан Монтальво называл старость.

Вот почему страх одиночества и старости, накрепко связанный с социальной и эмоциональной сферами, заставляет старших вести себя бестолково и безоглядно. Родителям, чьи дети уже не годятся в качестве «спасательных средств», конечно, тяжело приходится, но и ребенку ненамного легче. Его «функции» меняются, а его все пытаются «приспособить» для старых целей. Естественно, ребенок сопротивляется – и тоже горячо и бестолково. Притом все «участники переигровки» причиняют друг другу такую

боль своими претензиями, что просто **обязаны** действовать по обстоятельствам, действовать разумно и осторожно. Хотя проблема заключается именно в невозможности «структурировать поведение» разумом, поскольку эмоции мешают даже осознать происходящее. Родитель входит в психологическое состояние «Ребенка» и начинаются сложности, уже описанные ранее: два (или три, или четыре) «Ребенка» пылко и злобно доказывают друг другу, что они - рациональные и хладнокровные, так что вполне годятся на роль «Родителей». Сами понимаете: ничего хорошего из этого не выйдет.

Обычно конфликт начинается с предложения «пожить на свои деньги». В наше время деньги служат эквивалентом успеха, взрослый человек способен достичь успеха, следовательно, может и должен себя содержать. Выглядит логично. Хотя устранение некоторых деталей превращает продуманное – вроде бы – решение в вульгарную... коммуналку. Люди шпионят друг за другом, старшие требуют «отчета и пиетета» от младших, молодежь добивается, чтобы ее оставили в покое – и все это на фоне бесконечного дележа территории и передела собственности.

В качестве «первого рубежа» выступает холодильник. Независимый и равнодушный отпрыск ест, закрывшись в собственной комнате, какую-то дрянь с консервантами, а мама в тоске варит суп и скучает по тому времени, когда ребенок, придя из офиса или из института, сидел на кухне и лопал домашнюю стряпню, а она, мать семейства, могла говорить что угодно без всякой опасности спора или ссоры. Когда рот занят, возражать трудно, а после в сон клонит. И вот - это прекрасное единение в прошлом. Отчуждение растет, контакт слабеет. Попутно возникают неприятные мысли о болезнях желудочно-кишечного тракта и о других последствиях питания всухомятку... Ну, и кто кого наказал? Даже если выросший ребенок зарабатывает очень мало – фактически не зарабатывает, а подрабатывает - на еду ему точно хватит. Вот на съемную квартиру или на бытовую технику – вряд ли. А на то, чтобы изводить родных хрустом чипсов за закрытой дверью – легко!

Между тем родители, что бы этот «едок картофеля» себе ни думал, не собираются сдавать наблюдательных позиций. Они слишком долго числят ребенка в качестве своей собственности, чтобы вот так отпустить его на волю. Поэтому позднее возвращение с «корпоративной вечеринки» подшофе или лица противоположного пола, звонящие по телефону после полуночи, вызывают лавину вопросов. Ребенок отбивается, объясняя, что он уже взрослый, а родители пересказывают содержание последнего выпуска «Чрезвычайного происшествия» или «Дежурной части» как доказательство того, что в подобных условиях никто из живущих не может считаться взрослым, а должен слушаться маму и папу и не

выходить из дому без их сопровождения, пока жив. Конечно, мы несколько преувеличиваем, но основным аргументом «неотпущения» ребенка на волю служат трудности и опасности самостоятельной жизни. Напугать бы его насмерть, да оставить бы при себе на веки вечные...

Да, родителям тоже свойственен эгоцентризм «убийственного» характера. И все, чтобы спастись от одиночества. Хотя настоящее одиночество наступает в окружении людей, которые тебя не понимают. Так что лучше уж продавить в себе «родительскую жадность» и поискать другого избавления от «возрастных страхов». Есть еще идеи по поводу стратегии расставания с подростком? Думаем, есть. Как позитивные, так и негативные. Мы так подробно описываем негативные именно потому, что они и есть самые излюбленные. Иной раз кажется: главная цель родителей та же, что и у приставов царской России - тащить и не пущать! Хотя это не цель, а метод. Цели могут быть самые разные – и в основе большинства лежит страх. Страх, что тебя «не хватит» на полноценную жизнь, что в твоём существовании появится «дыра», которую не заполнить ни работой, ни шоппингом, ни сериалами, ни семейными обедами. Вот с этой напастью и надо «договариваться». А детям дать возможность вырасти и стать, как дядя Федор из мультфильма, «самим по себе, своим собственным»⁹³.

Демонстрация конфликта, то она, как правило, оборачивается партизанской войной, у которой просто не может быть мирного исхода.

Даже после заключения мира «партизаны» скрытно совершают диверсии. И презируют победителей за беспомощность и обреченность. Какая-то домашняя Чечня получается. Разве приемлемы эти взаимоотношения между родными людьми? Разве **этого** добивались мама с папой, красиво расставляя на верхней полочке холодильника борщик с косточкой, салатик «Цезарь», лазанью и компот? Разве **этот** образ войны должен остаться в воспоминаниях младшего поколения в качестве последних дней в отчем доме? Разве... В общем, нет, нет и еще раз нет. Не провоцируйте своего ребенка на ослиное упрямство. Поверьте, в его молодом организме **этих** ресурсов побольше, чем в вашем. Итак, семейные аннексии и контрибуции отменяются.

Вдобавок родителям стоит запомнить «принцип осенней дороги»: если снять хотя бы один источник «торможения», напряженность понижается, а шансы на успех повышаются. Уважаемые родители, постарайтесь сделать так, чтобы не оказаться в списке негативных факторов. Вы же не хотите, чтобы ваше чадо «увязло» в семейных дрязгах?

⁹³ Цитата из мультфильма «Трое из Простоквашино».

Боязнь одиночества

Если ваше чадо выросло, стоит задуматься: насколько вы вообще готовы жить для себя, своими интересами? Какова природа вашего альтруизма: сможете ли вы стать для своего ребенка опорой во взрослой жизни, но уже совершенно на других условиях, или вы просто не в состоянии сделать шаг от биологической программы? Получается, вы больше ничего дать не можете, поэтому всячески повышаете цену своего обслуживания: «Если бы не моя забота, которая тебе так сейчас претит, ты бы помер в младенчестве!» Упирая на «героизм и долг», имеющие место быть в вашем **поведении**, вы не оставляете там места для **жизни**. Следует понять: вы намеренно так ограничиваете собственное существование или это всего-навсего манипуляция по отношению к «бывшему младенцу», ныне весьма великовозрастному? Второй вариант ответа требует немедленных перемен в самооощущении и в стратегии общения. С вашей стороны, естественно. Потому что если взрослеющее чадо так терроризировать, оно может и не пойти на открытый конфликт, а уйдет в партизаны. То есть все равно отдалится, но при этом будет садистически «грузить» вас своими требованиями и капризами: «Хотите запросов, их есть у меня!»

Продолжая тему гиперопеки, нельзя не коснуться ее причин – настолько глубоких, что они зачастую оказываются скрыты даже от своего «носителя». Речь идет о так называемом «целевом» обзаведении потомством. Наверняка большинство читателей хоть раз в жизни слышало фразу: «Я ребенка для себя родила», но не вдумывалось в смысл этого изречения.

Ребенок, «запланированный» в качестве средства оправдания и наполнения собственной жизни, – явление весьма широко распространенное.

В частности, женщины, чьи попытки наладить совместное существование с мужем или бойфрендом обернулись негативным опытом, охотно прибегают к рождению ребенка как к эмоциональной гиперкомпенсации: он будет мой, только мой, я буду его любить, он – меня, он меня не бросит, не откажется от своей мамочки... Нетрудно догадаться, какие проблемы ждут младенца в будущем: и в школьные, и в студенческие, и в зрелые годы ему предстоит нести бремя обязанностей «мамочкиной отрады». А если у мамочки не появится никакой другой «отрады», то придется компенсировать все несовершенство мироздания. Разве это по силам человеку, даже самому верному и любящему?

Но не только в неполных семьях дети с младенчества несут на себе груз «сверхзадачи». Есть и благополучные (во всяком случае, на первый взгляд) семьи, в которых ребенок появляется на свет не просто малышом, а продолжателем семейной традиции, будущим гением, грядущим вершителем судеб и т.п. В общем, малютка

обязан взять все планки, на которые не хватило сил у его родни. Но если не брать в расчет завиральные идеи некоторых амбициозных родителей, более скромные намерения ничуть не менее обременительны для подрастающего поколения: будь примерной деткой, доставляй мамочке и папочке только радость, будь внимателен, предупредителен, почтителен и послушен, не променяй своих дражайших папеньку и маменьку на каких-то глупых девчонок и мальчишек...

Если вам свойственно такое поведение, значит вы страдаете от заниженной самооценки. Связывает ли вас с вашей половиной что-то помимо ребенка? Или для того, чтобы сохранить ваш брак, «младенец» должен так никогда и не вырасти? Дети из подобных семей, оставаясь «в лоне» оной, при маме с папой, одержимы страхом и независимости избегают. Девушки, как правило, своей семьи не создают, а повторяют путь мамы – рожают для себя, продолжая эстафету, и посвящают свою жизнь ребенку. Даже если рядом появляется претендент на руку и сердце, мать-одиночка находит отговорку: я нанесу удар в самое сердце своей деточке, это посторонний человек, неизвестно, как у нас все сложится, я не хочу заставлять ее страдать... Хотя все сказанное про «деточку» следует, по-хорошему, отнести на счет мамочки. Именно ей боятся нанести травму, «взяв в семью» постороннего человека. Итак, девушки покоряются участи одиночек, а юноши, страдая от заниженной самооценки, изначально выбирают себе в спутницы девушек не своего уровня и желательны с изъянами во внешности, биографии, рассудке - короче, таких, чтоб деваться им было некуда. Только «некондиционные» особы, смирившиеся с дефицитом мужского внимания, способны терпеть в придачу к мужу-недотеке еще и его родителей с проблемами психики. Далек не прекрасные картины грядущего рисует биография «мамсика».

Несложно представить, как развивается такая личность, и к каким деформациям приводит жизнь под давлением. Но и нездоровая психика – не последняя проблема в списке родительского любимца. Когда ему придется обзавестись собственной семьей, он, скорее всего, применит те же стратегии и те же приемы «выдавливания» посторонних лиц из жизни своих собственных детей. На то, что «мамсик» не понесет «эстафету тиранства» дальше, своим детям, а те – своим, остается лишь надеяться. Правда, неизвестно, сколь удивительные события должны произойти в его судьбе, чтобы эта деформированная личность переменялась – причем до самого фундамента. Только тогда «мамсик» не станет требовать от своих отпрысков гарантий и услуг по предоставлению гиперкомпенсации всего, что «не склалось», а также повинования, повинования и еще раз

повиновения. Одно ясно: подобные события с полным правом можно назвать чудом.

Даст ли ему возможность одуматься и измениться его родная семья? Сомнительно. Скорее, «мамстик» сорвется с цепи на этапе взросления – не выдержит насмешек окружения, ограничения своих потребностей или планомерного промывания мозгов.

Психологическое бунтарство тоже для чего-то годится – в частности, для исправления индивидуальности, изрядно «помятой в родительских объятьях». Но если «мамсику» - теперь уже бывшему – потребуется освободиться, он будет жесток. Потому что вынужден быть жестоким. Скорее всего, ему придется порвать с близкими и на протяжении двух, а то и трех десятилетий чураться всех семейных празднеств – хотя бы для того, чтобы родительская психологическая зависимость не вернулась и не обрушилась на него всей своей невозможной тяжестью... Подобное «категорическое отлучение» со стороны кажется отвратительным невниманием к стареющим родителям. И все-таки, если вдуматься в поведение близких, воспринимающих своего ребенка как средство от одиночества, то это поведение прямо-таки наводит на мысли о... детоксикации. И абстиненции. И полном воздержании – исключительно для благо самого «детозависимого» родителя. Как будто алкоголика не пускают даже глазом окинуть стол, уставленный бутылками со спиртным.

Некоторые мамы-папы не представляют даже возможности расставания с выросшим ребенком. Они уже не думают о его счастье, они думают о том, как выжить в его жизни. Инстинкт самосохранения, несмотря на видимость самоотверженной любви со стороны родителя, правит в его душе не бал, а настоящий шабаш. Если ваш ребенок становится основой вашей жизнедеятельности (почти как кислород), разве вы сможете добровольно перестать дышать? Организм отключит сознание и в обморочном состоянии поневоле сделает вдох. В том смысле, что заикленный на своем ребенке родитель снова вцепится в «свою кровиночку», съедется с молодыми, станет указывать невестке/зятю на вопиющие промахи, провоцировать конфликты, намекать на близящийся развод... Словом, не даст жизни никому и станет материалом для очередного анекдота.

Неблаговидная роль и незавидное будущее. Поэтому с самого начала, как говорит английская пословица, «не кладите все яйца в одну корзину», то есть не вкладывайте всю душу в одно занятие. Оставшись без предмета своей страсти – пусть не сексуальной, пусть родственной – вы не впадете в абстиненцию и гораздо легче переживете депрессию, почти неизбежную при окончательном «перерезании пуповины».

«Многоцелевые» семьи легче решают возникающие проблемы и быстрее выходят из конфликта, чем семьи, для которых ребенок служит зеницей ока.

Но родители, для которых **естественный** процесс расставания с подростком кажется чем-то невероятным, вступают в игру, где «ставка больше чем жизнь». Вернее, чем две жизни – родителя и ребенка. Этот подход делает конфликт поколений неразрешимым. Хотя конфликт – это только конфликт. При умелом подходе всегда найдется разумный компромисс. Надо только подключить разум. Так что для этого требуется?

Дипломатия, безусловно. Психология. Социология. Можно, порывшись в памяти, подобрать еще несколько наименований для целого «букета» дисциплин, необходимых знающему человеку для разурливания конфликтной ситуации. В наши дни несложно «начитать» определенный объем требуемой информации – и составить собственное мнение, создать собственную стратегию. Да к тому же популярная литература по психологии изливает на публику водопады советов, как вести себя в той или иной ситуации. Хотя, вероятнее всего, у конкретного «исследователя» никогда не случится ни именно этой ситуации, ни именно таких «участников конфликта». И даже небольшая, на первый взгляд, разница повернет ход событий в другое русло. Поэтому никаких «четких схем действия» не существует даже для группы «Альфа», осуществляющей освобождение заложников, и уж тем более – для рядового конфликта, безопасного (вроде бы) для жизни конфликтующих. А следовательно, готовых рецептов для реальных ситуаций не напасешься. И приходится самостоятельно моделировать, прогнозировать, выбирать тактику.

Основное требование: тактика должна соответствовать параметрам вашей индивидуальности.

Человеку агрессивному, склонному к быстрой эмоциональной реакции бесполезно советовать поэтапный, размеренный, продуманный выход из конфликтной ситуации. А зануде никогда не удастся разрешить проблему с помощью бурного выяснения отношения, плавно перетекающего в столь же бурное примирение. Проблема в том, что люди зачастую имеют искаженное представление о собственных стереотипах поведения. Я? А что я? Я как все! Уж во всяком случае не хуже, а даже лучше многих! Идеальный образ нашей личности, скорее всего, сильно расходится с образом реальным. Человеку свойственно приписывать себе качества, противоположные истинным. Единственное средство «приблизить» самооощущение к самовыражению – понять себя, а заодно понять, как тебя воспринимает окружение. И, кстати, не всегда эта операция оказывается болезненной. Мы все-таки очень подвержены «самоедству» и самоуничтожению.

Но, каковы бы мы ни были, ситуации, которых миновать нельзя, встречаются в жизни у каждого. Одна из таких – «перерезание пуповины», взросление детей, их уход из семьи. Расставаться с ребенком придется в любом случае, даже если отношения близки к идеальным. И в любом случае будет больно. К этому испытанию надо готовиться загодя, как к неизбежному: продумывать сценарии, искать средства отвлечься, снижать уровень контроля за жизнью своего отпрыска, не охать и не злорадствовать по поводу его промахов... Одно неизменно: главная нагрузка падает на плечи родителя. Потому что всякая попытка «вручить себя детям» дает им «страшный бонус»: отдалиться от родителей по естественным причинам, когда «детские» отношения закончатся. Навязчивый родитель сам подстрекает ребенка к бегству.

Надежда на то, что «он не решится так меня ранить» – фикция. Уж он-то себя за все оправдает! К тому же ребенок еще не знает, как тяжело приходится его близким. Зато его влекут реалии «взрослого существования», он жаждет попробовать себя на прочность. В этой борьбе эгоизмов побеждают дети. И даже те, кто остается, подчиняясь родительской тирании, не складывает оружия. Прекраснодушная старая дева, облизывающая драгоценную мамашу, мирно проживает на станицах беллетристики в качестве второстепенного персонажа. В реальной жизни она ведет бесконечный внутренний монолог, полный обвинений, который, достигая точки кипения, неизменно выплескивается на родительницу в форме выяснения отношений. Никто не хочет быть вечным донором. Так что непредусмотрительные родители сами строят свой «домашний ад».

Люди – очень разные. Разнятся их взаимоотношения, их проблемы, их мировоззрения. Но одно остается навсегда – рано или поздно выросшее поколение становится самостоятельным. Это и есть **настоящее** продолжение рода. Не надо мешать законам мироздания. Они все равно возьмут верх. Поэтому лучше искать собственные варианты гармонии – и тогда вы точно обретете покой, волю и счастье.